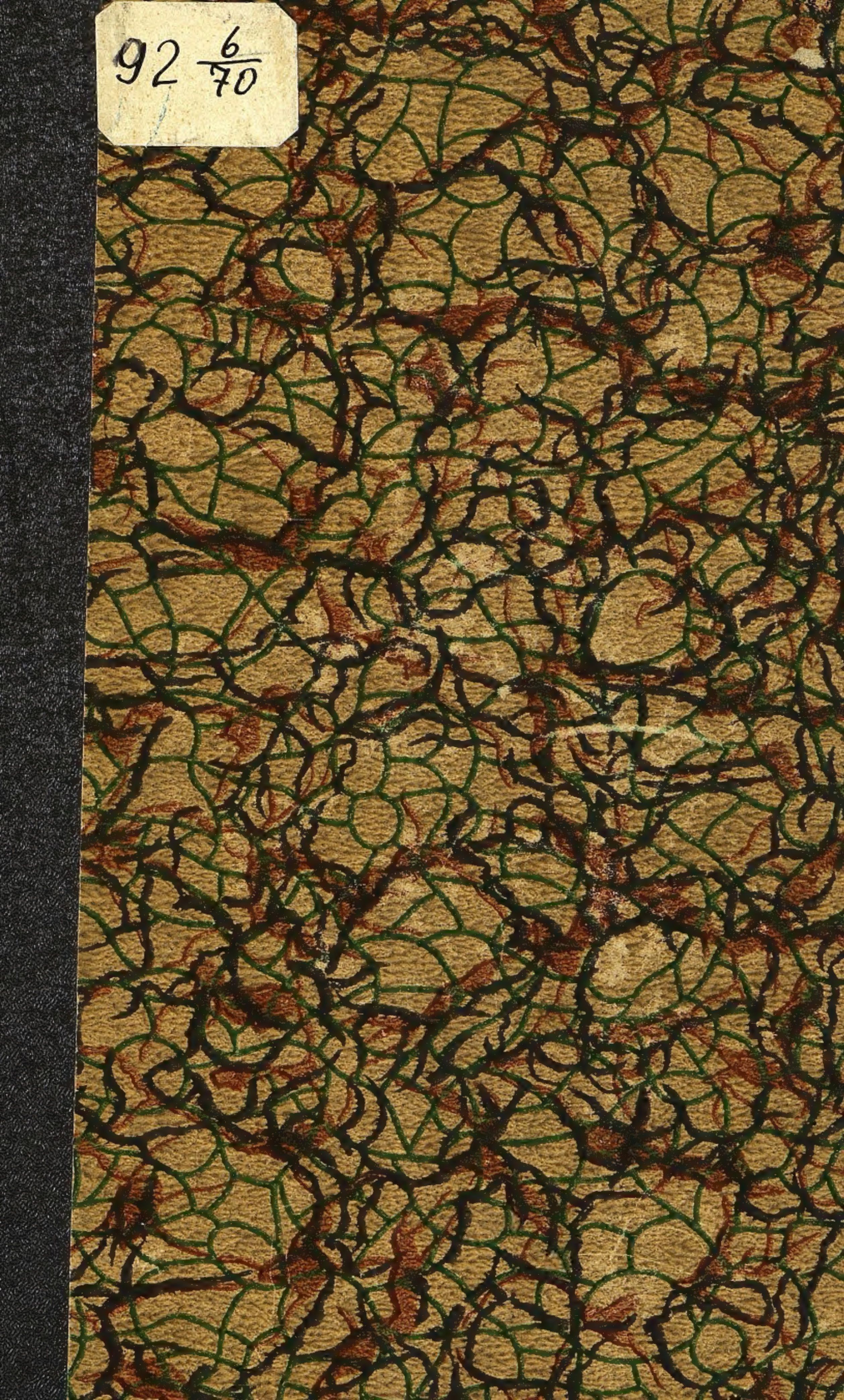

Проф. Л. I. ПЕТРАЖИЦКIЙ.

НОВОЕ УЧЕНІЕ О ПРАВѢ И НРАВСТВЕННОСТИ

и

КРИТИКА ПРОФ. В. И. СЕРГѢЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

НОВОЕ УЧЕНІЕ О ПРАВѢ И НРАВСТВЕННОСТИ
и
КРИТИКА ПРОФ. СЕРГѢЕВИЧА.

Извѣстный историкъ русскаго права профессоръ В. И. Сергѣевичъ написалъ обширную критику двухъ моихъ сочиненій: „Введеніе въ изученіе права и нравственности. Эмоціональная психологія“ и „Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности“. Эту критику, подъ заглавіемъ „Новое ученіе о правѣ и нравственности“, онъ помѣстилъ въ видѣ статьи въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ (Февраль 1909 г.) и издалъ въ видѣ отдѣльной брошюры.

Вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя выясняются въ дальнѣйшемъ изложеніи, я считаю необходимымъ подвергнуть съ своей стороны эту критику подробному разсмотрѣнію.

1. Критика „Введенія“.

„Первый и существеннѣйшій вопросъ“ въ области научнаго изслѣдованія—вопросъ о методѣ, и этому вопросу—критикѣ методологическихъ положеній, лежащихъ въ основаніи моихъ изслѣдованій, посвященъ первый раздѣлъ статьи и брошюры проф. Сергѣевича подъ заглавіемъ: „Пріемы научнаго изслѣдованія“.

Въ результатѣ его критики оказывается, что предлагаемый мною во „Введеніи въ изученіе права и нравственности“ и положенный въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій методъ представляетъ нѣчто столь неудовлетворительное и несообразное, что о полученіи съ его помощью серьезныхъ научныхъ результатовъ не можетъ быть и рѣчи; и такимъ образомъ всѣ дальнѣйшія мои изслѣдованія и ихъ результаты напередъ опорочены и представляются болѣе чѣмъ сомнительными. При этомъ въ моихъ методологическихъ положеніяхъ имѣется противорѣчіе.

Этихъ весьма разрушительныхъ для моихъ изслѣдованій и ихъ выводовъ результатовъ критикъ достигаетъ слѣдующимъ образомъ.

Онъ сообщаетъ и неоднократно повторяетъ и подчеркиваетъ, что я признаю единственно годнымъ методомъ изученія явленій духовной жизни, въ томъ числѣ нравственности и права, методъ самонаблюденія, интроспективный методъ.

Разумѣется, это методологическій абсурдъ, и критику очень не трудно, на почвѣ такой предпосылки, недоумѣвать, какъ можно „изучать народную психику“, право, государство и т. д. съ помощью соотвѣтственныхъ методологическихъ пріемовъ, отвергая изученіе „существующихъ учрежденій и памятниковъ, въ которыхъ имѣются свидѣтельства о явленіяхъ права“, и т. д.

Противорѣчіе же въ моихъ методологическихъ положеніяхъ, по сообщеніямъ критика, состоитъ въ томъ, что во „Введеніи“ я утверждаю, что единственнымъ методомъ изученія права и т. д. должно быть самонаблюденіе, такъ что не нужно изучать письменныхъ памятниковъ, а между тѣмъ на стр. 406 моей „Теоріи“ говорится, „хотя мимоходомъ и въ скобкахъ“, „о соединенномъ методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія при изученіи *письменныхъ* памятниковъ. Нужно, слѣдовательно, изучать и письменные памятники“.

„Надо полагать“,—замѣчаетъ по этому поводу критикъ,— „авторъ не очень внимательно обдумалъ свои новые методологическіе пріемы: когда онъ писалъ Введеніе, онъ еще не

зналъ, что придется сказать въ „Теоріи“ на стр. 406 о томъ же вопросѣ“ (стр. 3 статьи, стр. 5 брошюры)[1]).

Получилась такая разрушительная и дискредитирующая разсматриваемые научные труды критика—путемъ сообщенія читателямъ неправильныхъ фактическихъ свѣдѣній о выставленныхъ мною положеніяхъ.

Сообщенія проф. Сергѣевича, что я во „Введеніи“ признаю единственно годнымъ и достаточнымъ методомъ изученія психическихъ явленій, въ томъ числѣ нравственности, права и проч., методъ самонаблюденія, не допускаю „изученія психики другихъ людей посредствомъ наблюденія ихъ дѣйствій, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики“ (стр. 6), считаю излишнимъ изученіе памятниковъ и т. д.,—не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Въ дѣйствительности въ томъ же параграфѣ „Введенія“ (§ 3 „Научный методъ изученія правовыхъ явленій и ихъ элементовъ“), котораго касаются утвержденія критика, подробно изложены и развиты прямо противоположныя положенія. Здѣсь подробно говорится о тѣхъ данныхъ и пріемахъ, съ помощью которыхъ мы можемъ изучать чужую психику, прежде всего о „наблюденіи дѣйствій людей, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики“, затѣмъ и о письменныхъ и другихъ данныхъ („болѣе или менѣе годнымъ суррогатомъ нашихъ личныхъ наблюденій чужихъ тѣлодвиженій при изученіи чужихъ психическихъ процессовъ могутъ служить имѣющіяся у насъ въ распоряженіи сообщенія другихъ лицъ (напр., лѣтописцевъ, біографовъ, путешественниковъ . . . , о видѣнныхъ ими дѣйствіяхъ, слышанныхъ ими рѣчахъ и т. д., стр. 15 перваго изданія, стр. 35 третьяго изданія)[2]); говорится о такъ наз. „критикѣ“ этихъ данныхъ („научное пользованіе такими данными („традиціей“ . . .) предполагаетъ, очевидно, двойную ихъ критику, а именно, сверхъ указанной

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ я буду называть страницы брошюры. Въ статьѣ соотвѣтственныя числа на 2 меньше.

[2]) Проф. Сергѣевичъ критикуетъ и цитируетъ первое изданіе. Въ виду этого я сообщаю страницы этого изданія (и послѣдняго, третьяго).

выше, еще критику достовѣрности самихъ сообщеній" . . .), говорится о логическихъ пріемахъ выводовъ изъ чужихъ тѣлодвиженій, словъ и проч. относительно ихъ психики и т. д. и т. д.

Можетъ быть, можно предположить, что въ томъ экземплярѣ „Введенія", который читалъ проф. Сергѣевичъ, подлежащія страницы случайно были вырваны или слѣпились, или иной случай повелъ къ недосмотру?

Къ сожалѣнію, это предположеніе не можетъ дать объясненія и оправданія. Ибо о дополненіи самонаблюденія изученіемъ чужихъ психическихъ переживаній, людей и животныхъ, о такъ наз. „соединенномъ методѣ внутренняго и внѣшняго наблюденія" и т. д. говорится и во многихъ другихъ мѣстахъ „Введенія", въ томъ числѣ такихъ, которыя спеціально обсуждаются въ обширной статьѣ проф. Сергѣевича. На каждомъ шагу объ этомъ говорится при изложеніи ученія объ эмоціяхъ, въ частности, при разложеніи такъ наз. инстинкта питанія у животныхъ на разныя эмоціи (ср., напр., стр. 251—1 го, 211—3-го изд.): „Для научно-обоснованнаго, а не гадательнаго отвѣта на этотъ вопросъ (вопросъ „о психической пружинѣ, приводящей животный міръ въ движеніе добыванія средствъ пропитанія"), мы должны обратиться къ соединенному методу внутренняго и внѣшняго наблюденія (выше, стр. 13 и сл.), и т. д.; затѣмъ въ § 16—„Діагностика эмоцій и методы изученія эмоцій и ихъ акцій"—имѣется подробное разсмотрѣніе вопроса „о нахожденіи и научномъ доказательствѣ существованія и дѣйствія опредѣленныхъ эмоцій тамъ, гдѣ непримѣнимъ интроспективный методъ", и т. д.

Между прочимъ, нѣкоторыя высказанныя по этому вопросу положенія приводятся (въ искаженномъ видѣ) проф. Сергѣевичемъ на стр. 17 его брошюры, что не мѣшаетъ ему и въ дальнѣйшихъ частяхъ критики по разнымъ поводамъ утверждать, что я не допускаю иного метода, кромѣ интроспективнаго, и дѣлать по этому поводу язвительныя замѣчанія.

Внушая читателямъ мысль, будто я раньше не зналъ, „что придется сказать въ „Теоріи" на стр. 406",

проф. Сергѣевичъ игнорируетъ и содержаніе моихъ, цитируемыхъ имъ на стр. 3 его брошюры, „Очерковъ философіи права“, изданныхъ уже въ 1900 году (раньше „Введенія“), гдѣ тоже ясно и отчетливо выставляются и развиваются положенія, противоположныя тому, что мнѣ приписываетъ критикъ (ср., напр., стр. 10): „Поэтому и матеріалъ для познанія права, какъ особой области человѣческой психики, доставляетъ намъ также наблюденіе за дѣйствіями, слушаніе или чтеніе рѣчи другихъ и т. д. 3. Поэтому, наконецъ, сюда относятся и всякаго рода сообщенія, повѣствованія и иные источники свѣдѣній о дѣйствіяхъ, рѣчахъ другихъ, историческіе памятники, письма путешественниковъ и т. д.“).

Между прочимъ, неправда и то, будто въ „Теоріи“ только на стр. 406 имѣется мѣсто, гдѣ „мимоходомъ и въ скобкахъ“ упоминается на ряду съ самонаблюденіемъ и иное изученіе права. Напротивъ, и въ этомъ сочиненіи систематически повторяются въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ прямыя указанія на необходимость примѣненія соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія, т. е. наблюденія внѣшнихъ проявленій чужихъ психическихъ переживаній, для ихъ изученія, и фактически повторяются совершенно ясныя примѣненія этого метода. Между прочимъ, уже въ первомъ изъ параграфовъ, посвященныхъ спеціально праву, въ § 3, гдѣ начинается выясненіе природы права, бо́льшая, рѣшительно преобладающая, часть изложенія посвящена примѣненію этого метода. Здѣсь, согласно общимъ методологическимъ указаніямъ „Введенія“, въ частности сдѣланному тамъ (§ 2, стр. 16—1-го изд., стр. 36—3-го изд.) указанію: „Изложенное о соединенномъ методѣ вполнѣ примѣнимо и должно быть примѣняемо и въ области изученія правовыхъ явленій. Въ частности важною задачею будущаго научнаго изученія правовыхъ феноменовъ является возможно тщательное изученіе разныхъ родовъ внѣшнихъ проявленій правовыхъ переживаній, отличій этихъ проявленій отъ проявленія сродныхъ психическихъ процессовъ (особенно нравственныхъ) и т. д.—для пріобрѣтенія научнаго базиса изученія чужихъ правовыхъ переживаній (въ

частности этихъ переживаній у людей прежняго времени, низшихъ степеней культурнаго развитія и т. п."),—излагаются результаты обширныхъ и весьма кропотливыхъ изслѣдованій автора, касающихся подлежащихъ внѣшнихъ проявленій, въ частности юридическаго словоупотребленія различнѣйшихъ народовъ и расъ (ср. ниже). Далѣе излагаются результаты изслѣдованій автора относительно юридическихъ символовъ и обрядовъ народовъ различныхъ расъ и эпохъ развитія; далѣе рѣчь идетъ о разныхъ формахъ выраженія юридическихъ нормъ въ законодательныхъ и иныхъ юридическихъ памятникахъ. (Не обидно ли послѣ этого читать упорные упреки и язвительныя замѣчанія по поводу того, что я замыкаюсь въ предѣлахъ собственной психики и ничего иного знать не хочу, что моя теорія основана исключительно на интроспективномъ методѣ и проч.!). Кончается первая глава „Теоріи права" § 5-мъ, гдѣ говорится объ объемѣ понятія права; и эта часть изложенія (стр. 83—129—1-го изд.) посвящена главнымъ образомъ, почти исключительно, примѣненію соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія; здѣсь, между прочимъ, имѣются изслѣдованія или сообщаются результаты изслѣдованій, касающихся общественныхъ игръ (стр. 86 и сл.), общественныхъ обычаевъ вѣжливости и ихъ историческаго развитія (87 и сл.), реакцій на нарушенія этихъ правилъ (дуэли и др., 89), договора дружбы, его исторіи и символики (символа крови и т. д., 90), домашней правовой жизни разныхъ общественыхъ классовъ (91 и сл.), дѣтской правовой психики (стр. 92—96), правовой психики преступныхъ организацій и вообще правовой психики преступниковъ (стр. 98 и сл.), столкновеній права некультурныхъ племенъ, покоренныхъ цивилизованными государствами, и права этихъ государствъ, и т. п. историческихъ конфликтовъ противорѣчащихъ другъ другу системъ права (стр. 100 и сл.), правовой психики душевно-больныхъ, суевѣрныхъ людей (стр. 102 и сл.), приписыванія обязанностей и правъ въ прежнія эпохи культурнаго развитія и теперь животнымъ (стр. 108 и сл.), невоодушевленнымъ предметамъ (стр. 114 и сл.), покойникамъ и божествамъ разныхъ религій

низшихъ ступеней развитія и высшихъ, въ томъ числѣ древнееврейской, магометанской и христіанской (средніе вѣка и т. д., стр. 115—129); при чемъ указывается на подлежащій методъ изслѣдованія въ области права и нравственности со ссылкою на соотвѣтственный параграфъ „Введенія“ (ср., напр., стр. 108: „путемъ соединеннаго метода внѣшняго и внутренняго наблюденія (Введеніе § 3) можно убѣдиться, что правовыя обязанности животныхъ“ и т. д.; стр. 109: „Точно такъ же путемъ метода самонаблюденія и соединеннаго метода можно убѣдиться въ распространеніи нравственныхъ нормъ и обязанностей на животныхъ, особенно въ дѣтской нравственности и нравственности болѣе примитивныхъ народовъ“..., и т. д.), приводятся историческіе примѣры, цитаты изъ историческихъ памятниковъ и проч.

Точно также примѣняется и указывается, какъ необходимый, соединенный методъ внутренняго и внѣшняго наблюденія, на ряду съ самонаблюденіемъ, и въ другихъ частяхъ изложенія, кромѣ тѣхъ, которыя посвящены обзорамъ и критикѣ современныхъ ученій о природѣ права, объ его элементахъ, видахъ и т. д. (ср., напр., о методахъ изученія элементовъ права, стр. 375, о методахъ изслѣдованія вопроса о субъектахъ права, стр. 404 и сл. и т. д. и т. д.).

Возвращаясь къ изложенному во „Введеніи“ о методахъ изученія психическихъ явленій, отмѣчу еще, что выставленныя тамъ основныя положенія относительно самонаблюденія и другихъ методовъ представляютъ не мои личные взгляды, а общеизвѣстныя и общепризнанныя въ наукахъ психологіи и логики истины (между прочимъ, извѣстныя и историкамъ, образованнымъ, если не въ области логики и психологіи, то, по крайней мѣрѣ, въ области своей спеціальности, ибо эти положенія повторяются и въ сочиненіяхъ, посвященныхъ методологіи исторіи). Сюда, въ частности, относятся положенія, что, за отсутствіемъ у насъ способности видѣть, вообще наблюдать то, что происходитъ въ чужой душѣ, нашему наблюденію доступны лишь наши собственныя психическія переживанія, и потому единственнымъ методомъ наблюденія психическихъ переживаній является самонаблюденіе, для изу-

ченія же чужихъ психическихъ переживаній приходится обращаться къ другимъ средствамъ и пріемамъ (подробно мною излагаемымъ) [1]), что самонаблюденіе вообще представляетъ главный и основной психологическій методъ, что самонаблюденіе можетъ быть простымъ или экспериментальнымъ, что экспериментальный методъ представляетъ „наблюденіе, осложненное умышленнымъ воздѣйствіемъ на подлежащія наблюденію явленія, примѣненіемъ особыхъ средствъ для ихъ вызова, измѣненія или прекращенія“. Проф. Сергѣевичъ принимаетъ или, во всякомъ случаѣ, выдаетъ подлежащія, общеизвѣстныя и общепринятыя, положенія за мои личные, оригинальные взгляды и противопоставляетъ имъ свои, какъ ему кажется, болѣе умные и правильные взгляды. Онъ допускаетъ тоже возможность и пользу самонаблюденія, но находитъ, что этотъ пріемъ имѣетъ недостатки, „даетъ односторонніе результаты и не допускаетъ провѣрки“, мои положенія о примѣненіи экспериментальнаго метода и о природѣ этого метода онъ считаетъ оригинальными взглядами, полагаетъ, что объ экспериментѣ могутъ быть разныя мнѣнія; ему извѣстно „другое“ мнѣніе, совсѣмъ не такое, какъ мое; по этому другому мнѣнію, экспериментъ „состоитъ въ наблюденіи явленія при условіяхъ, установленныхъ наблюдателемъ, при чемъ онъ можетъ нѣкоторыя естественныя условія устранить, а ему желательныя привнести. Это будетъ наблюденіе, производимое при извѣстныхъ наблюдателю условіяхъ. Зная условія происшедшаго на его глазахъ явленія, онъ можетъ опредѣлить и причины явленія... Простое наблюденіе даетъ только матеріалъ для заключеній, экспериментъ даетъ само заключеніе“ (стр. 7). Это другое мнѣніе, извѣстное критику, онъ почерпнулъ, повидимому, изъ какого либо плохого энциклопедическаго словаря или иного ненадежнаго источника.

---

[1]) Между прочимъ, критикъ утилизируетъ для своихъ цѣлей мое положеніе о *наблюденіи* психическихъ процессовъ (въ отличіе отъ другихъ, косвенныхъ, способовъ изученія) путемъ подмѣны понятія „наблюденіе“ болѣе общимъ понятіемъ „изученіе“, такъ что создается видъ, будто я отвергаю всякое иное изученіе, кромѣ самонаблюденія.

Приводимое имъ опредѣленіе эксперимента по существу не является „совсѣмъ непохожимъ“ на приведенное мною, обычное, сжатое и точное, опредѣленіе; оно выражаетъ то же понятіе, но только въ неудачной формѣ, неудачной не только потому, что существенный и специфическій признакъ эксперимента оно указываетъ въ видѣ какой-то добавки о допустимости „при чемъ онъ можетъ“, но и потому, что оно пользуется неясными, слишкомъ узкими и двусмысленными выраженіями. Въ частности слишкомъ узко и двусмысленно выраженіе: „при условіяхъ, установленныхъ наблюдателемъ“, и оно ввело въ заблужденіе профессора Сергѣевича, который изъ него вывелъ то заключеніе, будто суть эксперимента состоитъ въ *извѣстности* условій наблюдателю (это, конечно, невѣрно, напр., условія простого, не экспериментальнаго, наблюденія астрономическихъ явленій несоизмѣримо проще и извѣстнѣе астрономамъ, чѣмъ условія экспериментально изучаемыхъ явленій органической жизни, при опытахъ съ животными и т. п.). Логическія и методологическія несообразности представляютъ также положенія о роли этого знанія условій для выясненія причины, о томъ, что будто экспериментъ въ отличіе отъ простого наблюденія „даетъ само заключеніе“ и т. д. А между тѣмъ, критикъ, на основаніи этого, извѣстнаго ему, неудачно и неправильно имъ истолкованнаго, другого мнѣнія объ экспериментѣ, критикуетъ дальше съ торжествующимъ видомъ приведенное мною общепринятое понятіе эксперимента: „То, что нашъ авторъ называетъ экспериментомъ, есть простое наблюденіе, но еще осложненное новымъ условіемъ, слѣдовательно затрудненное. И при наличныхъ условіяхъ наблюдать явленіе мудрено, а при внесеніи новыхъ—еще мудренѣй, ибо новыя окажутъ вліяніе на всѣ наличныя и сами подвергнутся ихъ вліянію“ (стр. 7). Если бы критикъ потрудился заглянуть въ какое либо солидное руководство логики, напр., Милля или т. п., онъ бы узналъ, что суть эксперимента именно въ умышленномъ и произвольномъ введеніи новыхъ „условій“, напр., какого либо, изслѣдуемаго, вещества внутрь организма, навоза въ почву и т. п., что (и почему) это „осложненіе“ бываетъ

очень полезнымъ для индуктивныхъ выводовъ, что „самое заключеніе“ еще, конечно, не дается экспериментомъ, а выводится съ помощью индуктивныхъ умозаключеній, и этотъ выводъ очень облегчается тѣмъ, что критику представляется затрудненіемъ и помѣхою для вывода.

Новыя методологическія ученія у меня, дѣйствительно, имѣются. Существенно новыя методологическія ученія содержатся у меня въ обширной главѣ II (стр. 19—132, 1-го изд.) подъ заглавіемъ: „Объ образованіи классовыхъ понятій и теорій науки о правѣ“. Но проф. Сергѣевичъ противъ нихъ не возражаетъ и вообще умалчиваетъ о нихъ, останавливаясь только на первыхъ страницахъ первой главы моей методологіи, хотя безъ сообщенія по крайней мѣрѣ основного существа ихъ не можетъ быть дальше рѣчи о серьезной критикѣ моихъ понятій права и нравственности (впрочемъ, какъ увидимъ въ другомъ мѣстѣ, проф. Сергѣевичъ дальше и не сообщаетъ и не критикуетъ этихъ понятій и даже старательно скрываетъ ихъ, подставляя для критики, подъ видомъ моего понятія права, иной тезисъ, и т. д.).

Вмѣсто сообщенія и критики подлежащихъ, играющихъ весьма существенную роль въ моихъ изслѣдованіяхъ, методологическихъ ученій проф. Сергѣевичъ помѣщаетъ еще, послѣ приведенныхъ замѣчаній объ экспериментѣ, полемическія замѣчанія по поводу моихъ, взятыхъ изъ другихъ частей книги, положеній о любопытствѣ и о психологіи пробужденія, долженствующія иллюстрировать неудачность примѣненія экспериментальнаго метода съ моей стороны. Къ этимъ полемическимъ замѣчаніямъ, въ свою очередь основаннымъ на неправильныхъ фактическихъ сообщеніяхъ о содержаніи моего текста, намъ придется возвратиться ниже, въ другой связи.

Здѣсь отмѣчу еще слѣдующее характерное обстоятельство. Какъ я уже указалъ, мои положенія о пріемахъ изученія психическихъ явленій (§ 2, стр. 8—18), о методѣ самонаблюденія (простого и экспериментальнаго) и о средствахъ и пріемахъ изученія психики другихъ путемъ наблюденія ихъ дѣйствій, слушанія, чтенія ихъ рѣчей и т. д.— представляютъ не мои открытія, а общеизвѣстныя и обще-

признанныя истины (за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ частностей, указанія на возможность и умѣстность примѣненія дедуктивныхъ умозаключеній относительно чужой психики вмѣсто умозаключеній по аналогіи и т. д.).

Но является новостью, или, во всякомъ случаѣ, являлось новостью, когда я впервые писалъ подлежащіе тезисы, указаніе на то, что именно путемъ этихъ методовъ, и только этимъ путемъ, можно и должно изучать природу правовыхъ явленій, а равно сознательное и послѣдовательное примѣненіе этихъ методовъ при построеніи теоріи права.

Но проф. Сергѣевичу желательно было не признать этого обстоятельства и выставить для критики въ качествѣ единственной существенной новости моего методологическаго ученія придуманное имъ для этой цѣли и приписанное мнѣ положеніе, состоящее въ отрицаніи всякихъ иныхъ средствъ и пріемовъ изученія психическихъ явленій, кромѣ самонаблюденія.

Для этой цѣли онъ заявляетъ (стр. 6):

„Если есть что либо новаго въ предлагаемомъ авторомъ способѣ изученія правовыхъ явленій, такъ это его односторонность только. Никто не будетъ спорить съ тѣмъ, что изученіе человѣческой природы (психики) необходимо для пониманія права. Но развѣ это не дѣлалось прежде и не дѣлается теперь? Это всегда дѣлалось и теперь дѣлается. Древнѣйшіе греческіе философы, софисты, Сократъ, Платонъ, Аристотель, и новѣйшіе до нашихъ дней, говоря о правѣ, берутъ въ соображеніе и природу человѣка, его разумъ, чувства, склонности и стремленія“, и т. д.

Не разсматривая вопроса, поскольку самъ критикъ вѣритъ въ правильность своего заявленія о томъ, что въ предлагаемомъ мною „способѣ изученія правовыхъ явленій“ нѣтъ ничего новаго даже по отношенію къ древнѣйшимъ философамъ и т. д., кромѣ односторонности этого метода, т. е. отрицанія всѣхъ другихъ средствъ познанія, кромѣ самонаблюденія, —можно констатировать, что проф. Сергѣевичъ, такимъ образомъ, признаетъ правильность „предлагаемаго авторомъ способа изученія правовыхъ явленій“ подъ условіемъ

исправленія его односторонности; а такъ какъ эта „односторонность“ только мнимая, созданная путемъ подстановки вмѣсто слова „наблюденіе“ болѣе общаго выраженія „изученіе“ и путемъ сокрытія отъ взора читателя подлиннаго содержанія подлежащаго параграфа моего изложенія и множества другихъ частей критикуемыхъ сочиненій, гдѣ тоже систематически подтверждается отсутствіе такой „односторонности“, то исправлять въ этомъ отношеніи нечего, и проф. Сергѣевичъ принужденъ признать „предлагаемый авторомъ способъ изученія правовыхъ явленій“ правильнымъ просто, безъ указанной, явно несерьезной и неискренней, оговорки.

II.

Второй раздѣлъ полемической брошюры проф. Сергѣевича посвященъ моей „эмоціональной психологіи“, т. е. главной по объему и значенію части „Введенія“—„Эмоціональной психологіи“ (второе заглавіе книги) и начальнымъ частямъ изложенія I тома „Теоріи“: эти части „Теоріи“ содержатъ тоже обще-психологическія ученія—продолженіе „Эмоціональной психологіи“, въ частности опроверженіе традиціоннаго ученія о гедонистической и эгоистической природѣ мотивовъ нашего поведенія и изложеніе моей, существенно отличной, теоріи мотивовъ поведенія. Подлежащія, обще-психологическія, изслѣдованія и теоріи, результатъ многолѣтняго труда, играютъ роль основного базиса, на которомъ зиждутся мои дальнѣйшія теоріи—теоріи права, нравственности, государства и др. (въ томъ числѣ еще не опубликованная общая теорія соціальныхъ явленій и ихъ развитія: „Очерки соціологіи“).

Я уже въ своихъ первыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ: „Fruchtvertheilung“, 1892, и „Lehre vom Einkommen“, 2 тома 1893, 1895, указывалъ на необходимость психологическаго изученія права, и результаты этихъ изслѣдованій, встрѣтившіе вообще признаніе и одобреніе въ нѣмецкой научной литературѣ, опираются существеннымъ образомъ на психологическія посылки и изслѣдованія. Идея необходимости психологическаго направленія для науки права сдѣлала впослѣдствіи

дальнѣйшіе успѣхи въ смыслѣ все большаго распространенія и признанія этой идеи, и въ новѣйшее время появляются, въ частности въ нѣмецкой наукѣ, попытки, независимыя отъ моей теоріи права (изданной пока только на русскомъ языкѣ), построить теорію права на психологической почвѣ. Но эти попытки пока не привели къ успѣшному рѣшенію проблемы. То же относится къ производившимся еще раньше и продолжающимся и теперь попыткамъ построить на научно-психологической почвѣ теорію нравственныхъ явленій. И въ другихъ областяхъ соціальныхъ наукъ въ новое время все болѣе признается необходимость психологической постановки разныхъ изслѣдуемыхъ вопросовъ и возведенія вообще психологіи въ базисъ подлежащихъ наукъ; но фактическія попытки примѣненія психологическихъ посылокъ и методовъ изслѣдованія далеко не даютъ въ результатѣ того свѣта, котораго можно было бы ожидать. По моему убѣжденію, причина малоуспѣшности, принципіально несомнѣнно правильнаго, психологическаго направленія въ области наукъ о правѣ, о нравственности и въ другихъ соціальныхъ наукахъ коренится въ неудовлетворительности тѣхъ психологическихъ посылокъ, которыя заимствуются изъ традиціонныхъ психологическихъ ученій. Что эти ученія страдаютъ существенными недостатками, видно и изъ хаотическаго ихъ состоянія, изъ спорности множества существенныхъ вопросовъ и т. д. Въ виду этого я посвятилъ много времени и труда на критическій пересмотръ, исправленіе и дополненіе традиціонныхъ психологическихъ ученій, въ частности съ точки зрѣнія потребностей науки о правѣ и другихъ соціально - психологическихъ наукъ; и результатомъ подлежащихъ, многолѣтнихъ изслѣдованій явилась „эмоціональная психологія“, представляющая, по моему убѣжденію, болѣе годный базисъ для построенія соціально-психологическихъ теорій, нежели традиціонныя ученія, и послужившая для меня основою для выясненія природы нравственности и права, какъ особыхъ классовъ явленій духовной жизни, и т. д.

Проф. Сергѣевичъ весьма быстро и легко, съ большимъ

тріумфомъ, нѣсколькими рѣшительными ударами, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности представляется болѣе чѣмъ достаточнымъ, разрушаетъ основы моей психологической теоріи, такъ что отъ нея ничего не остается.

1. Первый разрушительный аргументъ противъ критикуемой теоріи состоитъ въ открытіи въ ней внутренняго противорѣчія. „Увы! Это зданіе" (моей психологической теоріи), —говоритъ критикъ на стр. 15,—„такъ же скоро было разрушено, какъ и воздвигнуто, и той же самой рукой, которая его создала. Роль стѣнобитнаго орудія, низвергнувшаго новую постройку, сыграли бланкетныя эмоціи. Бланкетныя эмоціи не имѣютъ своихъ акцій, а потому и могутъ служить побужденіемъ къ любому поведенію. Эмоція же, открытая проф. Петражицкимъ, есть двусторонній психическій феноменъ, состоящій изъ претерпѣваній, вызывающихъ соотвѣтственное, а не какое угодно поведеніе. Если претерпѣваніе не вызываетъ соотвѣтствующаго понуканія, позыва, соотвѣтствующей акціи,—нѣтъ и эмоціи. Авторъ дѣлаетъ попытку устранить это отрицаніе самого себя, но безуспѣшно. Онъ говоритъ: бланкетныя эмоціи „побуждаютъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, представленія коихъ переживаются въ связи съ ними" (10). Итакъ, къ извѣстнымъ дѣйствіямъ побуждаютъ не переживаемыя „претерпѣванія", какъ бы слѣдовало, а переживаемыя въ связи съ ними представленія, т. е. нѣчто постороннее. . ." и т. д.

Такимъ образомъ, критикъ изображаетъ дѣло такъ, будто я подъ эмоціями разумѣю какія-то претерпѣванія, вызывающія опредѣленныя дѣйствія, поступки (тѣлодвиженія и т. д.), и эти претерпѣванія вмѣстѣ съ вызываемыми ими опредѣленными дѣйствіями называю эмоціями, двусторонними, пассивно-активными, психическими переживаніями. Такъ какъ я дальше говорю объ эмоціяхъ, могущихъ вызывать не опредѣленное, а любое поведеніе, въ зависимости отъ связанныхъ съ данною эмоціею представленій, то и оказывается внутреннее противорѣчіе.

Но и здѣсь я принужденъ указать, что критикъ сообщаетъ неправильныя фактическія свѣдѣнія. Онъ мнѣ приписы-

ваетъ то, чего я нигдѣ не говорю и не могъ бы, находясь „въ здравомъ умѣ и твердой памяти“, сказать.

Въ дѣйствительности я подъ эмоціями, какъ особымъ классомъ *психическихъ* явленій, разумѣю именно особыя *психическія* явленія, какъ таковыя, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было явленій *физическаго* міра, въ томъ числѣ дѣйствій, тѣлодвиженій, и строго отдѣляю отъ вопроса о психической природѣ эмоцій совершенно другой вопросъ, вопросъ о причинномъ дѣйствіи эмоцій, въ частности о тѣхъ тѣлодвиженіяхъ и иныхъ физіологическихъ процессахъ, которые ими вызываются и которые я называю (физіологическими) акціями эмоцій.

Я характеризую эмоціи, какъ двустороннія, пассивно-активныя переживанія въ томъ смыслѣ, что въ нихъ, на ряду со стороною претерпѣванія имѣется сторона психической активности, „позывы, *внутреннія* понуканія“ (а не внѣшнія тѣлодвиженія или т. п.).

Это уже ясно видно изъ того мѣста 1-го тома „Теоріи“ (резюмирующаго кратко результаты соотвѣтственныхъ подробныхъ изслѣдованій и объясненій, заключающихся во „Введеніи“), которое самъ критикъ сообщаетъ съ пропусками на стр. 13 своей брошюры. Оно гласитъ:

„Современная психологія знаетъ и различаетъ три категоріи элементовъ психической жизни: 1) познаніе (ощущенія и представленія) [1]), 2) чувства (наслажденія и страданія) [2]), 3) волю (стремленія, активныя переживанія) [3]).

Эта классификація не можетъ быть признана удовлетворительною. Познавательныя переживанія: зрительныя, слуховыя, вкусовыя, обонятельныя, осязательныя, температурныя и другія ощущенія, а равно соотвѣтственныя представленія и воспріятія, имѣютъ односторонне-пассивную,

---

[1]) Основныя понятія и положенія психологіи познанія, въ частности ученій объ ощущеніяхъ, представленіяхъ и комбинаціяхъ тѣхъ и другихъ—воспріятіяхъ ср. „Введеніе въ изученіе права и нравственности“ § 8.

[2]) Введеніе § 9.

[3]) Введеніе § 10.

страдательную въ общемъ смыслѣ природу, представляютъ претерпѣванія (pati). Чувства въ техническомъ смыслѣ, наслажденія и страданія, тоже имѣютъ односторонне-пассивную природу, представляютъ претерпѣванія пріятнаго и непріятнаго. Переживанія воли, напр., воли работать дальше, несмотря на усталость, представляютъ односторонне-активныя переживанія. Но путемъ надлежащаго самонаблюденія можно открыть существованіе въ нашей психической жизни такихъ переживаній, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ трехъ названныхъ рубрикъ, а именно имѣютъ двустороннюю, пассивно-активную природу, представляютъ, съ одной стороны, своеобразныя претерпѣванія (отличныя отъ познавательныхъ и чувственныхъ), съ другой—позывы, внутреннія понуканія, активныя переживанія, и могутъ быть охарактеризованы какъ пассивно-активныя, страдательно-моторныя переживанія, или какъ моторныя, импульсивныя раздраженія.

Такова, напр., природа переживаній голода (аппетита), жажды, полового возбужденія. Сущность психическаго явленія, называемаго голодомъ, или аппетитомъ, состоитъ въ своеобразномъ претерпѣваніи и въ то же время въ своеобразномъ позывѣ, внутреннемъ понуканіи, стремленіи (appetitus—ad-petitus означаетъ стремленіе къ . . .). Притомъ своеобразнаго pati, пассивной стороны голода-аппетита, отнюдь нельзя смѣшивать съ чувствомъ страданія (чувствомъ непріятнаго). Наблюдаемыя, при извѣстныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ голодомъ страданія суть явленія сопутствующія, къ психологическому составу голода, какъ таковаго, вообще не относящіяся и имѣющія особыя причины патологическаго свойства. Нормальный, умѣренный и здоровый голодъ сопровождается чаще чувствами удовольствія, чѣмъ страданія (сравни пожеланіе „хорошаго аппетита!“). Традиціонная теорія голода, по которой голодъ есть отрицательное чувство, страданіе, заключаетъ въ себѣ два существенныхъ недоразумѣнія: 1) она игнорируетъ активную сторону явленія, 2) она смѣшиваетъ испытываемое при голодѣ-аппетитѣ пассивное переживаніе, отличное отъ чувства въ научно-техническомъ

смыслѣ, съ явленіями, могущими сопутствовать голоду, но для него не существенными [1]).

Аналогична природа жажды и полового возбужденія. И здѣсь мы наблюдаемъ пассивно-активныя переживанія, только съ инымъ специфическимъ характеромъ соотвѣтствующихъ претерпѣваній и позывовъ.

То же можно констатировать путемъ самонаблюденія по схемѣ: pati-movere (претерпѣваніе-позывъ, пассивная-активная стороны) относительно природы страха, разнаго типа отвращеній, какъ, напр., при взятіи въ ротъ и попыткѣ жевать и глотать разные негодные для пищи, напр., гнилые, предметы, переживаній въ случаяхъ прикосновеній къ паукамъ и нѣкоторымъ инымъ насѣкомымъ, рептиліямъ и т. п. [2]). Эти и т. п. моторныя раздраженія можно охарактеризовать, какъ отталкивающія, репульсивныя, въ отличіе отъ аппетита, жажды и т. п., какъ подталкивающихъ, аппульсивныхъ.

Всѣ явленія человѣческой и животной психики, имѣющія указанную, двустороннюю, пассивно-активную природу, мы объединяемъ въ особый классъ и называемъ этотъ классъ импульсіями или эмоціями [3]).

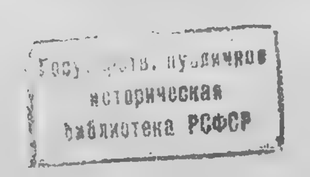
Вмѣсто традиціоннаго тройственнаго дѣленія элементовъ психической жизни: на познаніе, чувство, волю, въ основу психологіи и другихъ наукъ, касающихся психическихъ явленій,—наукъ о правѣ, о государствѣ, о нравственности, хозяйствѣ и т. д., необходимо положить дѣленіе на 1) двустороннія, пассивно-активныя переживанія, моторныя раздраженія—импульсіи или эмоціи; 2) одностороннія переживанія, распадающіяся въ свою очередь на а) односторонне-пассивныя, познавательныя и чувственныя, и б) односторонне-активныя, волевыя.

Импульсіи или эмоціи играютъ въ жизни животныхъ и человѣка роль главныхъ и руководящихъ психическихъ факторовъ приспособленія къ условіямъ жизни; прочіе, одно-

[1]) Подробное развитіе и обоснованіе нашего воззрѣнія на природу голода-аппетита и опроверженіе существующихъ ученій о голодѣ—Введеніе § 13.

[2]) Введеніе § 14.

[3]) О смыслѣ слова „эмоція" въ существующей литературѣ ср. Введеніе § 15.

сторонніе элементы психической жизни играютъ при этомъ вспомогательную, подчиненную и служебную роль [1]). Въ частности именно эмоціи исполняютъ функціи побужденій къ внѣшнимъ тѣлодвиженіямъ и инымъ дѣйствіямъ (напр., къ умственной работѣ и инымъ т. н. внутреннимъ дѣйствіямъ), вызывая непосредственно соотвѣтственные физіологическіе и психическіе процессы (импульсивныя или эмоціональныя дѣйствія) или соотвѣтственную волю (волевыя дѣйствія)".

Соотвѣтственныя подробныя объясненія на страницахъ „Эмоціональной психологіи" по поводу эмоцій вообще и по поводу разсматриваемыхъ тамъ отдѣльныхъ видовъ и разновидностей эмоцій, естественно, тѣмъ болѣе исключаютъ возможность добросовѣстнаго заблужденія относительно дѣйствительнаго смысла моей теоріи. Къ тому же у меня вездѣ проводится такая система изложенія, изъ которой уже очевидно, что вопросъ о психологической природѣ эмоцій вообще и отдѣльныхъ видовъ эмоцій у меня строго отличается и отдѣляется отъ вопроса объ акціяхъ эмоцій вообще и отдѣльныхъ эмоцій въ частности (ср., напр., Введеніе §§ 13, 14, 15, 16 и др.).

Между тѣмъ проф. Сергѣевичъ подставляетъ вмѣсто вездѣ упоминаемыхъ въ моихъ книгахъ „внутреннихъ понуканій" и т. п. внѣшнія тѣлодвиженія, дѣйствія, и получается, что эмоціи имѣютъ двусторонній, пассивно-активный характеръ въ томъ смыслѣ, что онѣ состоятъ изъ претерпѣваній и тѣлодвиженій. Это понятіе представляетъ такую нелѣпость не только съ психологической точки зрѣнія (неумѣніе отличить психическія явленія отъ тѣлодвиженій), но и съ точки зрѣнія логики и здраваго смысла (возведеніе какой-то смѣси психическихъ явленій съ физическими въ особый классъ *психическихъ* явленій), что представляется страннымъ, почему проф. Сергѣевичъ не подвергаетъ его соотвѣтственной критикѣ, а только пользуется имъ для того, чтобы указать на отсутствіе послѣдовательности въ его проведеніи, а именно на то, что я въ дальнѣйшемъ изложеніи говорю объ эмоціяхъ,

---

[1]) Введеніе § 15 и др.

которыя могутъ побуждать къ различному поведенію, сообразно съ содержаніемъ имѣющихся на лицо представленій такого или иного поведенія.

Разумѣется, открытаго проф. Сергѣевичемъ противорѣчія въ моей теоріи нѣтъ. Опредѣливъ природу эмоцій чисто психологически, т. е. безъ смѣшенія психическаго съ физическимъ, я затѣмъ изучаю физіологическое вліяніе эмоцій, въ частности вліяніе ихъ на тѣлодвиженія и поведеніе вообще, и указываю, что съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ различать два класса эмоцій. Привожу соотвѣтственное мѣсто моего резюмирующаго изложенія въ § 1 „Теоріи". На него ссылается проф. Сергѣевичъ, и оно же послужитъ намъ и дальше для выясненія природы дальнѣйшихъ упрековъ критика по адресу моей теоріи:

„Для выясненія природы и характера дѣйствія факторовъ, опредѣляющихъ поведеніе (животныхъ и людей), и вообще для установленія научной теоріи поведенія слѣдуетъ различать два класса эмоцій.

Нѣкоторыя эмоціи имѣютъ тенденцію вызывать опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально природою пріуроченное поведеніе, вообще опредѣленныя системы физіологическихъ и психическихъ процессовъ. Назвавъ вызываемыя эмоціями системы тѣлодвиженій (сокращеній мускуловъ) и иныхъ физіологическихъ и психическихъ процессовъ ихъ акціями, можно интересующія насъ эмоціи охарактеризовать, какъ эмоціи съ предопредѣленными, спеціальными акціями. Такъ, напр., голодъ-аппетитъ имѣетъ свою опредѣленную, ему спеціально свойственную, акцію, къ составнымъ элементамъ которой, между прочимъ, относится [1]): появленіе представленій и мыслей, касающихся пищи и ѣды, въ тѣмъ болѣе живой, доходящей подчасъ до степени бреда и галлюцинацій, формѣ, чѣмъ сильнѣе голодъ; вытѣсненіе прочихъ интеллектуальныхъ, а равно и эмоціональныхъ и волевыхъ процессовъ, возбужденіе и усиленное дѣйствіе (при видѣ или

[1]) Ср. Введеніе § 2, гдѣ приводятся соотвѣтствующія индуктивныя доказательства.

представленіи пищи) слюнныхъ и иныхъ, служащихъ питанію, железъ, вкусовыхъ, обонятельныхъ и иныхъ важныхъ въ области питанія нервовъ, а равно служащихъ питанію мускуловъ, напр., мускуловъ языка (который приходитъ въ судорожное движеніе при сильномъ аппетитѣ уже при видѣ пищи, ср., напр., явленіе облизыванія у разныхъ животныхъ), губъ (вытягиваніе впередъ, чмоканіе), щекъ, глотки (глотаніе слюнокъ), мускуловъ, дѣйствующихъ при схватываніи пищи, и т. д.

Иная спеціальная акція пріурочена къ пищевымъ репульсіямъ, напр., эмоціямъ, возбуждаемымъ видомъ, запахомъ, вкусомъ или представленіемъ гнилого мяса; она состоитъ не въ ѣдѣ и вспомогательныхъ процессахъ, а въ противоположныхъ процессахъ, направленныхъ на недопущеніе объекта въ полость рта и желудка или удаленіе его и очищеніе рта и желудка [1]).

Точно такъ же спеціальныя акціи свойственны жаждѣ, половому возбужденію, любопытству, страху, стыду и безчисленнымъ другимъ, имѣющимъ особыя имена въ языкѣ и безыменнымъ, импульсіямъ.

Въ видѣ общей формулы, опредѣляющей дѣйствія эмоцій со спеціальными акціями—для краткости назовемъ такія эмоціи спеціальными импульсіями, спеціальными эмоціями—можно установить положеніе: спеціальныя импульсіи имѣютъ тенденцію превращать организмъ (индивидуальный психофизическій аппаратъ, вообще годный для производства многихъ и весьма различныхъ дѣйствій) на время въ аппаратъ, спеціально приноровленный къ исполненію опредѣленной біологической функціи и дѣйствующій въ этомъ направленіи, т. е. вызывать соотвѣтственныя движенія (сокращенія мускуловъ) и безчисленные вспомогательные физіологическіе и психическіе (интеллектуальные, волевые и чувственные) процессы.

Эта формула, впрочемъ, не содержитъ въ себѣ утвержденія, что акціи спеціальныхъ эмоцій, подобно движеніямъ машины, имѣютъ характеръ абсолютной предопредѣленности и

---

[1]) Введеніе § 14.

однообразія, что въ частности всякій разъ въ случаѣ наличности данной специальной эмоціи повторяются неизмѣнно одни и тѣ же движенія. Предопредѣленность акцій спеціальныхъ эмоцій имѣетъ не абсолютный, а лишь относительный характеръ. Разные элементы ихъ, въ частности тѣлодвиженія (сокращенія мускуловъ), въ извѣстныхъ предѣлахъ допускаютъ приспособленіе къ конкретнымъ обстоятельствамъ и соотвѣтственныя измѣненія. Напр., тѣлодвиженія ѣды, какъ элементы акціи голода-аппетита, не повторяются всегда въ абсолютно-однообразной формѣ, а примѣняются къ свойствамъ съѣдаемыхъ объектовъ (мѣняются сообразно указаніямъ подлежащихъ ощущеній). У низшихъ животныхъ акціи спеціальныхъ импульсій отличаются вообще болѣе строгою и точною предопредѣленностью и неизмѣнностью, чѣмъ у высшихъ животныхъ; акціи человѣческихъ спеціальныхъ эмоцій отличаются вообще большею свободою и измѣнчивостью, чѣмъ акціи спеціальныхъ эмоцій другихъ высшихъ животныхъ. У однихъ и тѣхъ же животныхъ акціи однѣхъ эмоцій болѣе машинообразны, акціи другихъ болѣе гибки и свободны. Нѣкоторыя спеціальныя человѣческія эмоціи имѣютъ настолько свободный и измѣнчивый характеръ, что ихъ предопредѣленность состоитъ лишь въ предопредѣленности общаго направленія поведенія. Такъ, напр., важными, особенно съ точки зрѣнія соціальной жизни, съ точки зрѣнія отношенія людей къ другимъ людямъ, элементами человѣческой эмоціональной психики являются эмоціи, акціи которыхъ состоятъ вообще въ добромъ, благожелательномъ отношеніи къ другимъ, при чемъ это отношеніе можетъ выражаться въ различнѣйшихъ конкретныхъ формахъ. Любовь, въ смыслѣ сердечной преданности другому, представляющая не что иное, какъ склонность (диспозицію) къ переживанію такихъ, могущихъ быть названными каритативными, эмоцій по адресу другого, проявляется въ тысячахъ разнообразныхъ благожелательныхъ дѣйствій и воздержаній; то же относится къ любви въ евангельскомъ смыслѣ, означающей общую эмоціональную черту характера, склонность къ каритативнымъ эмоціямъ по адресу другихъ вообще (и свободу отъ злостныхъ эмоціональныхъ склонно-

стей). Разнымъ видамъ каритативныхъ эмоцій можно, въ качествѣ противоположныхъ, противопоставить одіозныя, злостныя импульсіи, направленныя на причиненіе зла, имѣющія въ свою очередь весьма свободныя, въ конкретныхъ случаяхъ измѣнчивыя акціи. Ненависть, диспозиція къ эмоціямъ этого рода по адресу другого, проявляется въ тысячахъ разнообразныхъ дѣйствій [1]).

Точно также весьма свободны и измѣнчивы акціи эмоцій честолюбія и тщеславія и нѣкоторыхъ другихъ спеціальныхъ человѣческихъ эмоцій.

Понятіе и знаніе спеціальныхъ эмоцій и ихъ акцій должно, между прочимъ, повести къ разрѣшенію издавна интересующей ученыхъ и мыслителей, но до сихъ поръ не рѣшенной, проблемы о природѣ т. н. „инстинктовъ“ и поведенія животныхъ вообще. Въ разныхъ областяхъ животной жизни дѣйствуютъ системы спеціальныхъ эмоцій и ихъ акцій, цѣлесообразно приспособленныхъ къ условіямъ жизни, въ томъ числѣ замѣтныхъ и для поверхностнаго наблюдателя элементовъ этихъ акцій—тѣлодвиженій. Напр., питаніе животныхъ цѣлесообразно регулируется системою разныхъ эмоцій: голодомъ-аппетитомъ, жаждою, разными репульсіями, не допускающими ѣды и питья вредныхъ веществъ, а равно излишества, охотничьими и нѣкоторыми другими эмоціями, дѣйствующими въ области добыванія объектовъ питанія. Тысячи разныхъ другихъ эмоцій и ихъ акцій содѣйствуютъ охранѣ организма отъ опасностей, угрожающихъ со стороны другихъ животныхъ и разныхъ иныхъ вредныхъ и опасныхъ воздѣйствій. Не зная подлинной природы соотвѣтственныхъ системъ эмоцій

---

[1]) У животныхъ, напр., у собакъ, каритативныя и одіозныя эмоціи имѣютъ болѣе неизмѣнныя, болѣе строго предопредѣленныя акціи. Впрочемъ, и у людей нѣкоторые элементы каритативныхъ и одіозныхъ эмоцій, главнымъ образомъ элементы, имѣющіе атавистическій характеръ, унаслѣдованные отъ отдаленныхъ, примитивныхъ предковъ, имѣютъ строго-опредѣленный характеръ. Напр., въ случаѣ злостныхъ моторныхъ раздраженій всегда имѣется усиленный притокъ крови къ глазамъ (при сильной ярости, глаза замѣтно „наливаются кровью“), усиленная иннервація мускуловъ, дѣйствующихъ при кусаніи (при сильной ярости бываетъ даже „скрежетъ зубовъ“), и т. п.

и ихъ психологическихъ и физіологическихъ акцій, наблюдая бросающіеся въ глаза элементы этихъ акцій, состоящіе во внѣшне-замѣтныхъ тѣлодвиженіяхъ, и замѣчая, что ряды и комбинаціи этихъ тѣлодвиженій ведутъ въ совокупности къ извѣстнымъ удачнымъ результатамъ, напр., къ удачному пропитанію (добыванію и подбору объектовъ питанія), къ сохраненію жизни и т. п., можно подумать, что въ основѣ ихъ лежатъ какія-то единыя психическія силы, направленныя на достиженіе соотвѣтственнаго эффекта. Эти предполагаемыя, придуманныя къ обширнымъ совокупностямъ внѣшне-замѣтныхъ элементовъ акцій разнообразнѣйшихъ эмоцій, мнимо-единыя силы и названы инстинктами. Имѣется крѣпкая вѣра, что существуетъ какой-то единый „инстинктъ самосохраненія“, „инстинктъ питанія“ и т. п., и идетъ великій споръ объ этихъ, въ дѣйствительности не существующихъ, вещахъ, лишь по недоразумѣнію предполагаемыхъ существующими.

На ряду съ легіонами такихъ эмоцій, къ которымъ пріурочены опредѣленныя, хотя бы по общему характеру и направленію, акціи, въ нашей психикѣ имѣются и играютъ весьма важную роль въ жизни еще такія эмоціи, которыя, сами по себѣ, не предопредѣляютъ не только частностей, но даже и общаго характера и направленія акцій и могутъ служить побужденіемъ къ любому поведенію; а именно онѣ побуждаютъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, представленія коихъ переживаются въ связи съ ними. Такія эмоціи мы назовемъ условно абстрактными или бланкетными эмоціями. Сюда, напр., относятся импульсіи, возбуждаемыя обращенными къ намъ велѣніями и запретами. Путемъ надлежащихъ опытовъ и самонаблюденія можно убѣдиться, что приказы и запреты, особенно если они внезапны, кратки и рѣзки, напр., „молчать!“, „назадъ!“, „не смѣть трогать!“, и высказываются надлежащимъ строго-внушительнымъ тономъ и съ надлежащею повелительною мимикою, дѣйствуютъ, такъ сказать, какъ электрическіе токи, моментально вызывая въ нашей психикѣ своеобразныя моторныя раздраженія, дѣйствующія въ пользу того поведенія, которое соотвѣтствуетъ содержанію велѣнія или запрещенія. Положительныя велѣнія возбуждаютъ понукающія

къ соотвѣтственному дѣйствію эмоціи; отрицательныя велѣнія, запреты, возбуждаютъ задерживающія, репульсивныя эмоціи по адресу запрещенныхъ движеній или иныхъ дѣйствій. Аналогично дѣйствуютъ на нашу психику, т. е. тоже возбуждаютъ своеобразныя импульсіи въ пользу или противъ извѣстнаго поведенія, обращенныя къ намъ просьбы, мольбы, совѣты"... и т. д.

2. Второй упрекъ моей теоріи эмоцій состоитъ въ слѣдующемъ:

Изобразивъ (съ помощью выясненнаго искаженія содержанія моей теоріи) дѣло такъ, что мое понятіе бланкетныхъ эмоцій противорѣчитъ моему общему понятію эмоцій и что такимъ образомъ „бланкетныя эмоціи не суть эмоціи въ нужномъ для автора смыслѣ: онѣ не предопредѣляютъ дѣйствій человѣка", критикъ продолжаетъ (стр. 16):

„Въ его распоряженіи все-же остаются эмоціи съ опредѣленными акціями. Число ихъ авторъ опредѣляетъ легіонами. Это, конечно, нуждается въ провѣркѣ. Въ дѣйствительности онъ называетъ только четыре: эмоцію голода, жажды, полового возбужденія и будительно-вставательную. О послѣдней я имѣлъ случай сказать, что она неизвѣстна очень многимъ людямъ, о трехъ первыхъ рѣчь будетъ впереди. Итакъ, до легіоновъ очень еще далеко".

Такимъ образомъ оказывается, что я, обѣщая легіоны эмоцій, строя на этой почвѣ теорію поведенія животныхъ и людей и т. д., сумѣлъ открыть и указать всего только четыре эмоціи—сообщеніе, весьма дискредитирующее все ученіе и даже изображающее его въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ. И критикъ дальше издѣвается по поводу этихъ несчастныхъ четырехъ эмоцій, метода, ведущаго къ такимъ результатамъ, и т. д.

Но и это сообщеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Уже изъ того мѣста моего изложенія, которое перепечатано выше (стр. 20 и сл.) и которымъ критикъ воспользовался для неправильныхъ сообщеній объ отношеніи моей теоріи къ бланкетнымъ эмоціямъ, читатель можетъ усмотрѣть также, насколько заслуживаетъ довѣрія сообщеніе проф. Сергѣевича о четырехъ

эмоціяхъ. Здѣсь, вопреки его утвержденію: „въ дѣйствительности онъ называетъ только четыре (эмоціи съ опредѣленными акціями): эмоцію голода, жажды, полового возбужденія и будительно-вставательную“, приводятся еще другія эмоціи съ опредѣленными акціями, и даже называются общимъ именемъ цѣлые разряды такихъ эмоцій, включающіе въ себѣ разные болѣе спеціальные виды и разновидности. Въ качествѣ отдѣльныхъ спеціальныхъ эмоцій здѣсь, на ряду съ тѣми, которыя якобы единственно мною указываются, приводятся: эмоціи любопытства, страха, стыда, честолюбія, тщеславія; въ качествѣ цѣлыхъ разрядовъ эмоцій, включающихъ въ себѣ множество отдѣльныхъ спеціальныхъ эмоцій, приводятся здѣсь „пищевыя репульсіи“ (о ихъ природѣ и о томъ, что „дѣло идетъ о классѣ, включающемъ въ себѣ не мало разновидностей“,—Введеніе, стр. 240, 1-го изд., стр. 203, 3-го изд., говорится подробнѣе въ соотвѣтственномъ мѣстѣ „Введенія“, § 14), каритативныя эмоціи (благожелательныя эмоціи, лежащія въ основаніи симпатіи, дружбы, любви, милосердія, состраданія и проч.), одіозныя эмоціи (зложелательныя, обнимающія злость, гнѣвъ, ярость, жажду мщенія, зависть и т. п.).

Но этого мало. Во „Введеніи“ изложеніе моей теоріи эмоцій начинается съ доказательства существованія множества моторныхъ возбужденій, эмоцій, регулирующихъ питаніе въ мірѣ животныхъ и людей, эмоцій, на которыя разлагается т. н. „инстинктъ питанія“. Здѣсь, между прочимъ, на ряду съ разными положительными и отрицательными (отталкивающими и удерживающими) моторными возбужденіями (стр. 231 и сл. 1-го изд., стр. 201 и сл. 3-го изд.), регулирующими питаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, приводятся разныя эмоціи, управляющія добываніемъ средствъ пропитанія; особенно подробно изучаются „охотничьи эмоціи“, играющія большую роль въ мірѣ хищныхъ животныхъ (стр. 250 и сл. 1-го изд., 209 и сл. 3-го изд.), затѣмъ указываются иныя, отличныя отъ охотничьихъ, эмоціи въ области отысканія растительной пищи (у людей, особенно дѣтей, напр., при собираніи орѣховъ и т. п., стр. 257 и сл. 1-го изд., стр. 215 и сл. 3-го изд.), затѣмъ доказывается существованіе разныхъ „рабочихъ“ эмоцій, „земле-

дѣльческихъ“, „пастушескихъ“ и т. д. (стр. 259 и сл. 1-го изд., стр. 218 и сл. 3-го изд.) [1]). Попутно, при изученіи эмоцій, касающихся питанія, въ томъ числѣ добыванія средствъ пропитанія, указываются еще для цѣлей поясненія разныя другія эмоціи, сильныя репульсивныя эмоціи, вызываемыя у насъ прикосновеніемъ пауковъ и другихъ насѣкомыхъ, змѣй и другихъ рептилій (стр. 240—241, 1-го изд.), военныя эмоціи (стр. 263, 1-го изд.) и др. Уже само заглавіе соотвѣтственнаго отдѣла изложенія: „Другія моторныя раздраженія, относящіяся къ питанію“, сообщаетъ, что утвержденіе проф. Сергѣевича: „въ дѣйствительности онъ называетъ только четыре: эмоціи голода, жажды, полового возбужденія и будительно-вставательную“—вовсе „дѣйствительности“ не соотвѣтствуетъ. Затѣмъ, слѣдующій послѣ опредѣленія понятія эмоцій отдѣлъ изложенія подъ заглавіемъ: „Діагностика эмоцій и методы изученія эмоцій и ихъ акцій“ содержитъ, въ качествѣ иллюстрацій предлагаемыхъ методовъ открытія и изученія безчисленныхъ другихъ эмоцій, новые ряды примѣровъ эмоцій; между прочимъ, въ самомъ же, критикуемомъ проф. Сергѣевичемъ (ср. ниже), изложеніи о „будительно-вставательной“ эмоціи указываются другія эмоціи, не допускающія вставанія (стр. 273, 274 прим.), тутъ же рядомъ говорится о „сонной эмоціи“ [2]), затѣмъ тутъ же рядомъ (стр. 275) о разныхъ эмоціяхъ, соотвѣтствующихъ разнымъ естественнымъ потребностямъ организма, въ томъ числѣ касающимся разныхъ выдѣленій, и „искусственнымъ“ („напримѣръ, въ разныхъ

---

[1]) Ср., между прочимъ, въ качествѣ свидѣтельства третьяго лица, статью В. Фаусека, „Являются ли сновидѣнія формой обратнаго психическаго развитія?“ Въ „Вѣстникѣ психологіи“, п. ред. Бехтерева, 1909 г. 1., стр. 3: „на это указываетъ проф. Петражицкій и даетъ даже бѣглый обзоръ того, какія именно указанія мы можемъ извлечь изъ этихъ фактовъ. Онъ полагаетъ также, что и въ праздничныхъ, спортивныхъ занятіяхъ взрослыхъ людей можно найти „интересные памятники для изученія занятій нашихъ предковъ“, и очень тонко анализируетъ одинъ видъ такого рода памятниковъ—именно охотничьи эмоціи“, ср. тамъ же, стр. 9.

[2]) Ср. привед. выше статью Фаусека о сновидѣніяхъ, стр. 9: „совокупность всѣхъ этихъ стремленій въ связи съ общимъ позывомъ ко сну составляетъ то, что проф. Петражицкій называетъ „сонной эмоціей“.

возбуждающихъ веществахъ: кофе, чай, табакъ, ср. страсти алкоголиковъ, морфинистовъ и т. п.", стр. 275), и т. д., и т. д. (ср. стр. 246 о разныхъ „запретахъ природы", стр. 279 и сл. объ эмоціяхъ любопытства и т. д.). Половому возбужденію, о которомъ упоминаетъ проф. Сергѣевичъ, у меня противопоставляются отрицательныя, отталкивающія половыя эмоціи (стр. 278 прим.). Тутъ же упоминаются эмоціи въ области купанія и политическія эмоціи. Въ главѣ „эмоціи въ современной психологіи" имѣются дальнѣйшіе примѣры эмоціи. Между прочимъ, въ другомъ мѣстѣ своей брошюры (стр. 8) проф. Сергѣевичъ критикуетъ (или, точнѣе, искажаетъ, сообщая неправильныя свѣдѣнія, ср. его сообщенія съ подлиннымъ текстомъ, „Введеніе" стр. 280 и сл.) мое изложеніе, касающееся эмоцій любопытства. Но и это его не стѣсняетъ и не мѣшаетъ ему утверждать, что я сумѣлъ открыть и назвать всего четыре эмоціи.

3. Третье возраженіе проф. Сергѣевича противъ моего ученія объ эмоціяхъ, тоже сильно дискредитирующее все критикуемое ученіе и его автора, гласитъ такъ (стр. 17, 18):

„Всматриваясь въ особенности открытыхъ имъ эмоцій, авторъ наблюлъ такой знаменательный фактъ: „эмоціи не столь сильны, чтобы поддаваться интроспективному наблюденію и различенію. Онѣ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ доступны внутреннему наблюденію". (Вв. 286). Для изученія эмоцій, значитъ, и интроспекція, этотъ единственно возможный пріемъ наблюденія, никуда не годится. Очень понятно, что я съ чувствомъ нѣкотораго недовѣрія отнесся къ подсчету эмоцій, произведенному авторомъ. Какъ сосчитать то, чего нельзя видѣть! Однако, какъ же тутъ быть, какъ наблюдать незримыя эмоціи? Авторъ не желаетъ ограничиться исключительными эмоціями, видимыми, онъ хочетъ наблюдать всѣ. Вотъ какое предлагаетъ онъ для этого средство. „Незримыя эмоціи надо наблюдать при помощи зримыхъ акцій; но для этого",—продолжаетъ онъ,—„надо знать тѣ факторы, которые способны вызывать данную эмоцію" (Вв. стр. 287).

Указанный здѣсь способъ наблюденія примѣнимъ, зна-

читъ, только къ эмоціямъ, имѣющимъ свои опредѣленныя акціи. Къ эмоціямъ безъ опредѣленныхъ акцій онъ не можетъ быть примѣненъ. Я пойду дальше и буду утверждать, что авторъ еще разъ впадаетъ въ крупное недоразумѣніе. Указанный имъ способъ наблюденія не можетъ быть примѣненъ и къ распознаванію эмоцій съ опредѣленной акціей. Для ихъ наблюденія, говоритъ онъ, надо знать тѣ факторы, которые способны вызывать данную эмоцію. Но, если мы не можемъ наблюдать самую эмоцію, то, конечно, мы не можемъ узнать и тѣ факторы, которые вызываютъ эту эмоцію. Чтобы знать эти факторы, надо ихъ видѣть въ процессѣ вызыванія ими эмоціи, а мы не видимъ эмоціи, не можемъ видѣть и процесса ея рожденія.

Итакъ, легіоны открытыхъ авторомъ эмоцій не подлежатъ нашему наблюденію. Онѣ незримы [1]).

Исключительныхъ эмоцій, доступныхъ внутреннему наблюденію, авторъ указываетъ только четыре" . . . и т. д. (повтореніе упрека, разобраннаго выше).

Такимъ образомъ, оказывается, что у меня не только получились совершенно жалкіе результаты теоріи: открытіе всего только четырехъ эмоцій, но иныхъ результатовъ и не могло получиться, какъ это видно изъ моихъ же словъ о недоступности эмоцій внутреннему наблюденію. При чемъ я, вопреки своему тезису объ интроспекціи, какъ единственно возможномъ пріемѣ наблюденія, предлагаю иной методъ наблюденія эмоцій,—явно нелѣпый и неисполнимый.

И эти возраженія, какъ и предыдущія, всецѣло основаны на существенныхъ искаженіяхъ излагаемыхъ мною положеній.

Казалось бы, здѣсь объ искаженіяхъ смысла, о сообщеніяхъ, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, не можетъ быть рѣчи. Вѣдь, критикъ приводитъ только мои собственныя слова,

---

[1]) „Нашъ авторъ очень забывчивъ. Чего бы, кажется, лучше, какъ примѣненіе къ изученію незримыхъ для невооруженнаго глаза эмоцій способа дразненія и противодѣйствія? Но онъ и не вспомнилъ о вновь изобрѣтенныхъ имъ микроскопахъ и телескопахъ!" (примѣчаніе проф. Сергѣевича).

въ кавычкахъ, и уже эти перепечатанныя положенія сами говорятъ за себя, они представляютъ сочетаніе явныхъ несообразностей (не только указанную критикомъ, но и другія, имъ незамѣченныя).

Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Прежде всего удостовѣреніе кавычками, что сообщается точная копія разсматриваемаго текста,—представляетъ литературное злоупотребленіе. У меня въ текстѣ нѣтъ не только тѣхъ несообразностей, которыя получаются отъ устроеннаго критикомъ сочетанія якобы моихъ тезисовъ, но даже и самихъ, приводимыхъ проф. Сергѣевичемъ въ кавычкахъ, отдѣльныхъ изреченій. Что касается перваго, приводимаго критикомъ въ кавычкахъ, сочетанія положеній: „эмоціи не столь сильны, чтобы поддаваться интроспективному наблюденію и различенію. Онѣ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ доступны внутреннему наблюденію“, то его, какъ таковового, въ моемъ текстѣ нѣтъ, но оно по крайней мѣрѣ составлено изъ кусковъ моего текста. Первое положеніе взято изъ придаточнаго предложенія одного тезиса: „поскольку лежащія въ ихъ основѣ эмоціи не столь сильны, чтобы поддаваться интроспективному наблюденію и различенію“. Второе положеніе взято тоже изъ придаточнаго предложенія другого моего тезиса, а именно слѣдующаго: „Такъ какъ приводящія насъ въ движеніе эмоціи, какъ уже указано выше, лишь рѣдко, лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ и исключительныхъ случаяхъ, доступны внутреннему наблюденію, то получается тотъ выводъ, что научный психологическій діагнозъ и причинное объясненіе нашихъ же собственныхъ движеній и дѣйствій, напр., нашего обыденнаго дневного поведенія, должны покоиться, главнымъ образомъ, почти исключительно, на предварительномъ ознакомленіи (съ помощью метода противодѣйствія и дразненія или т. п.) съ разными видами эмоцій, къ переживанію коихъ мы вообще способны, затѣмъ на дедуктивно-индуктивномъ изученіи акцій этихъ эмоцій и, наконецъ, на констатированіи признаковъ соотвѣтственныхъ акцій и умозаключеніи о скрытомъ дѣйствіи подлежащихъ эмоцій“. Мой критикъ отбросилъ главныя предложенія, и слова, показывающія, что дѣло идетъ о при-

даточныхъ предложеніяхъ къ какимъ-то, имъ не сообщаемымъ тезисамъ, соединилъ эти части придаточныхъ предложеній, изобразивъ ихъ, какъ главныя, вмѣстѣ, поставилъ съ обѣихъ сторонъ кавычки, и получилось то, нѣсколько странное и неудачное съ логической точки зрѣнія сочетаніе тезисовъ (сначала общій тезисъ о недоступности эмоцій внутреннему наблюденію, а затѣмъ другой тезисъ, обнаруживающій неправильность, слишкомъ большую общность перваго тезиса), которое приведено выше (и получаетъ въ связи съ дальнѣйшимъ весьма компрометирующій для меня смыслъ). Что же касается дальнѣйшаго, приводимаго въ кавычкахъ, сочетанія тезисовъ, якобы взятаго изъ моего текста, то оно (независимо отъ отсутствія такого сочетанія въ подлинномъ текстѣ) даже составлено не изъ кусковъ подлиннаго текста, а изъ собственныхъ изреченій проф. Сергѣевича. Фразы, якобы находящейся на стр. 287 моего изложенія: „Незримыя эмоціи надо наблюдать при помощи зримыхъ акцій“, на самомъ дѣлѣ тамъ вовсе не имѣется, и не можетъ быть въ научно грамотно написанномъ сочиненіи. Ибо это съ научно-логической точки зрѣнія неграмотныя фразы. Термины: „наблюденіе“, „наблюдать“ имѣютъ въ логикѣ и вообще въ наукѣ свой опредѣленный смыслъ, здѣсь, безъ логической несообразности, совсѣмъ неприложимый. Рѣчь можетъ идти, какъ это и видно изъ неудобнаго и исключеннаго проф. Сергѣевичемъ моего тезиса (ср. выше, стр. 29), только о косвенныхъ выводахъ, объ умозаключеніяхъ. Критикъ самъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ своей брошюры не находитъ, повидимому, ничего ненаучнаго въ такихъ явленіяхъ, какъ отождествленіе столь различныхъ средствъ познанія, какъ наблюденіе и умозаключеніе; онъ даже, повидимому, считаетъ возможнымъ „видѣть“ причинную связь, „процессъ вызыванія“ и т. п. (ср. выше, стр. 28); но въ критикуемомъ имъ научномъ трудѣ соблюдается научно-логическая грамотность, и поэтому, даже при фальсификаціяхъ и поддѣлкахъ подъ текстъ этого труда, слѣдовало бы говорить инымъ стилемъ. Точно такъ же нѣтъ въ подлинномъ текстѣ и фразы: „но для этого надо знать тѣ факторы, которые способны вызывать дан-

ную эмоцію“, и, добавлю и здѣсь, и не могло быть такой фразы не только по смыслу излагаемаго въ данномъ мѣстѣ (на стр. 287) методологическаго ученія, но вообще по самому характеру всего сочиненія. Ибо какая же жалкая логика автора, который, установивъ тезисъ, что о наличности эмоціи можно заключать по наличности специфической акціи данной эмоціи или даже что „при помощи акцій“ можно „наблюдать“ подлежащую эмоцію, затѣмъ, въ видѣ какого-то deus ex machina, вводилъ бы нѣчто другое, факторы, вызывающіе эмоціи, и тутъ же уничтожалъ предыдущій тезисъ.

Итакъ, во-первыхъ, то, что приведено проф. Сергѣевичемъ въ кавычкахъ, какъ подлинный текстъ, на самомъ дѣлѣ представляетъ сочетаніе цѣлаго ряда неправильныхъ сообщеній. Но затѣмъ, во-вторыхъ, то сочетаніе этихъ положеній, которое устраиваетъ проф. Сергѣевичъ, въ свою очередь, представляетъ литературное злоупотребленіе въ томъ же родѣ и направленіи.

Въ дѣйствительности мои положенія о пріемахъ изслѣдованія эмоцій въ § 15: „Діагностика эмоцій и методы изученія эмоцій и ихъ акцій“ имѣютъ совсѣмъ иное содержаніе, нежели изображенное проф. Сергѣевичемъ съ помощью его средствъ литературной борьбы. Указавъ, что эмоціи обыкновенно протекаютъ незамѣтно для насъ вслѣдствіе малой интенсивности возбужденія, и что „при наличности извѣстныхъ особыхъ условій такія эмоціи, которыя обыкновенно бываютъ относительно слабы и незамѣтны, нераспознаваемы, достигаютъ чрезвычайно сильнаго подъема интенсивности и дѣлаются тогда замѣтными и доступными наблюденію (стр. 271, 1-го изд., стр. 227, 3-го изд.), я затѣмъ перехожу къ изученію этихъ условій (271 и сл.), въ томъ числѣ такихъ, которыя могутъ быть умышленно создаваемы для цѣлей экспериментальнаго изслѣдованія; здѣсь рѣчь идетъ о методахъ, названныхъ мною условно „методомъ противодѣйствія“ (стр. 273 и сл.) и „методомъ драз̆ненія“ (277 и сл.), при чемъ приводятся ряды примѣровъ примѣненія этихъ методовъ и поддающихся съ ихъ помощью весьма легкому открытію и интроспективному изученію эмоцій. Изложивъ, подъ именемъ

„субъективнаго діагноза“, т. е. интроспективнаго, самонаблюдательнаго открытія и изученія, это ученіе (содержащее, такимъ образомъ, вопреки неправильнымъ сообщеніямъ проф. Сергѣевича о моемъ признаніи негодности интроспективнаго метода, доказательства его примѣнимости и разработку правилъ примѣненія), я, затѣмъ, перехожу къ вопросу объ изученіи физіологическаго дѣйствія, вообще „акцій“ (уже открытыхъ и извѣстныхъ эмоцій, стр. 283 и слѣд.), а затѣмъ указываю (стр. 286): „По мѣрѣ достиженія, съ помощью указанныхъ методическихъ средствъ, открытія и возможно болѣе обстоятельнаго изученія эмоцій и ихъ акцій (соотвѣтственныхъ спеціальныхъ и общихъ законовъ), наука будетъ пріобрѣтать цѣнныя орудія для дальнѣйшихъ изслѣдованій и открытій, состоящихъ въ нахожденіи и научномъ доказательствѣ существованія и дѣйствія опредѣленныхъ эмоцій тамъ, гдѣ непримѣнимъ интроспективный методъ“ (напр., при изученіи психики дѣтей, дикарей, животныхъ). „Такъ, зная акцію опредѣленной эмоціи и констатировавъ въ изслѣдуемой области наличность сочетанія такихъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ акцію этой эмоціи, мы, и не будучи въ состояніи наблюдать самой эмоціи, такъ сказать, не видя ея, имѣемъ почву для умозаключенія, что она имѣется на лицо. Такія умозаключенія тѣмъ вѣроятнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ основательнѣе и обстоятельнѣе извѣстна акція данной эмоціи“, и т. д. Эти умозаключенія относительно наличности извѣстной намъ уже эмоціи съ извѣстною, изученною акціею, въ конкретныхъ случаяхъ, я называю объективнымъ діагнозомъ, въ отличіе отъ изложеннаго раньше интроспективнаго изученія эмоцій, субъективнаго діагноза. По поводу этого пріема изученія эмоцій я еще дальше добавляю, что „вспомогательнымъ средствомъ“ для подлежащихъ изслѣдованій является еще знаніе тѣхъ факторовъ, которые способны вызывать данную эмоцію (стр. 287).

Вотъ изъ этой части изложенія (объ объективномъ діагнозѣ) проф. Сергѣевичъ (скрывъ отъ читателя все мое, изложенное въ томъ же параграфѣ, ученіе о субъективномъ діагнозѣ, скрывъ и то обстоятельство, что и въ этой части

изложенія говорится и повторяется объ извѣстности и изученности съ помощью указанныхъ средствъ эмоціи и только объ открытіи ея in concreto по объективнымъ признакамъ) при помощи произвольнаго пользованія кавычками, отбрасываній моихъ и добавленій собственныхъ словъ, соединенія разрозненныхъ частей текста въ одно и соотвѣтственной разстановки уже самихъ по себѣ фальсифицированныхъ тезисовъ, создалъ себѣ матеріалъ для приведенной выше торжествующей и уничтожающей критики.

Но особенно ненормальнымъ представляется то обстоятельство, что тѣми же моими методологическими положеніями, касающимися субъективнаго діагноза, которыя критикъ скрываетъ отъ читателя на стр. 17 для изображенія, будто по моему субъективный, интроспективный, методъ оказывается негоднымъ для изученія эмоцій, самъ же критикъ на другихъ страницахъ своей статьи и брошюры пользуется—для дальнѣйшихъ литературныхъ злоупотребленій (т. е. онъ не считаетъ даже нужнымъ скрывать предо мною, своимъ противникомъ, или тѣми другими читателями, которые знакомы съ моими положеніями и моей терминологіей, что онъ отлично знаетъ, что все то, что онъ внушаетъ среднему читателю, неправда). Такое пользованіе, якобы неизвѣстными критику на стр. 17 его статьи, моими ученіями имѣется тутъ же рядомъ на стр. 18, въ примѣчаніи, гдѣ критикъ называетъ „методы дразненія и противодѣйствія“ и внушаетъ читателю, опять-таки не соотвѣтствующую дѣйствительности, мысль о какой-то непослѣдовательности и забывчивости (это тѣмъ болѣе странно, что у меня, какъ видно изъ перепечатаннаго выше, на стр. 29, тезиса, изъ котораго проф. Сергѣевичъ вырѣзываетъ для своихъ цѣлей придаточное предложеніе, имѣется и въ этомъ мѣстѣ упоминаніе о методахъ противодѣйствія и дразненія). Другое мѣсто, гдѣ проф. Сергѣевичъ говоритъ о методѣ дразненія, имѣется у него на стр. 8. Здѣсь онъ пользуется подлежащимъ мѣстомъ моего изложенія тоже для литературнаго злоупотребленія, а именно для внушенія читателю, незнакомому съ тѣмъ, что я разумѣю подъ условнымъ именемъ „методъ дразненія“, смѣшной и дискредитирующей меня идеи,

которую онъ выражаетъ словами: „Да, у него есть такой пріемъ, надо раздразнить человѣка, подвергаемаго наблюденію“, остроумничая затѣмъ на тему объ опасности этого (само собою разумѣется, и это неправда, ср. Введеніе, стр. 277 и сл. 1-го изд., стр. 232 и сл. 3-го изд.).

4. Четвертый, тоже съ внѣшняго вида, эффектный ударъ моей теоріи, состоитъ въ томъ, что критикъ уничтожаетъ и тѣ четыре эмоціи, которыя, по его сообщеніямъ, въ результатѣ всей моей теоріи о множествѣ эмоцій мнѣ только и удалось найти.

„Что эти эмоціи“,—говоритъ критикъ на стр. 18,—„имѣютъ опредѣленную акцію, непосредственно проявляющуюся въ соотвѣтственныхъ физіологическихъ и психическихъ процессахъ и проявленіяхъ воли, играющей при этомъ только роль посредника между претерпѣваніемъ и вызываемымъ имъ дѣйствіемъ,—все это утверждается на основаніи единственно возможнаго для автора пріема наблюденія—самонаблюденія [1]).

[1]) Само собою разумѣется, и это утвержденіе критика относительно самонаблюденія неправильно. Такого абсурда, какъ изученіе *физіологическихъ* процессовъ путемъ самонаблюденія, т. е. *психологическаго* наблюденія, у меня нѣтъ. Для иллюстраціи степени правдивости фактическихъ утвержденій проф. Сергѣевича, если таковыя еще нужны послѣ изложеннаго выше, привожу слѣдующій отрывокъ моего изложенія объ акціи моторнаго возбужденія аппетита (голода въ психологическомъ смыслѣ). (Введеніе, стр. 231, 1-го изд.):

„Изъ другихъ данныхъ можно заключить, что на ряду съ нервными, периферическими и центральными, органами подвергаются важнымъ физіологическимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ аппетита и другіе органы: железы и мускулы. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій поддаются констатированію безъ особыхъ технически-лабораторныхъ приспособленій и, отчасти, общеизвѣстны въ обыденной жизни. Такъ, напр., выраженіе „слюнки текутъ“ (въ переносномъ смыслѣ) и соотвѣтственныя выраженія другихъ языковъ (напр., „der Mund wässert ihm darnach“) представляютъ сообщеніе народнаго опыта о томъ, что съ аппетитомъ связано повышеніе дѣятельности слюнныхъ железъ; какъ увидимъ ниже, возбужденное состояніе слюнныхъ железъ и обильное производство и выдѣленіе слюны вызывается не только аппетитомъ, но и нѣкоторыми другими моторными раздраженіями, имѣющими отношеніе къ функціи питанія, но дѣйствующими вообще въ противоположномъ аппетиту направленіи, въ направленіи недопущенія ѣды извѣстныхъ объектовъ, очищенія рта или желудка отъ нѣкоторыхъ веществъ, и т. д. Въ виду этого небезынтересны свидѣтельства разныхъ языковъ, что въ случаѣ аппетита бываетъ „глотаніе слюнокъ“, а не „плеваніе“, какъ при противоположныхъ аппетиту психическихъ возбужденіяхъ, т. е. что мускулы глотки и

Я считаю этотъ способъ далеко не единственнымъ и пополню добытые авторомъ результаты интроспекціи наблюденіемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ.

. Начну съ эмоціи голода. Я совершенно согласенъ съ авторомъ, что голодные протягиваютъ руку къ пищѣ;

другіе мускулы, отъ которыхъ зависитъ глотаніе, дѣйствуютъ при наличности аппетита уже до пріема пищи въ томъ направленіи, какое соотвѣтствуетъ положительной функціи питанія (въ отличіе отъ отрицательной функціи удаленія вредныхъ веществъ). Выраженіе „облизываться" (въ переносномъ смыслѣ) и соотвѣтственныя выраженія другихъ языковъ констатируютъ, далѣе, что подъ вліяніемъ аппетита получаются возбужденное состояніе и судорожныя движенія языка, органа, играющаго весьма важную роль въ области питанія. Картины, изображающія обжоръ предъ возбуждающими аппетитъ яствами, традиціонно констатируютъ особое положеніе губъ и вообще мускуловъ лица, а именно протяженіе ихъ впередъ по направленію къ яствамъ (прямо противоположное направленіе имѣютъ сокращенія мускуловъ при наличности противоположныхъ аппетиту психическихъ возбужденій). Путемъ соотвѣтственныхъ простыхъ и экспериментальныхъ наблюденій надъ людьми и животными можно каждому легко убѣдиться, что приведенныя свидѣтельства массоваго опыта вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, и констатировать еще разныя иныя интересныя явленія въ томъ же направленіи. Напр., при сильномъ экспериментальномъ дразненіи аппетита или наблюденіи соотвѣтственныхъ неэкспериментальныхъ явленій, напр., кормленія звѣрей въ звѣринцѣ, можно наблюдать внѣшнія проявленія сильной иннерваціи и другихъ, кромѣ упомянутыхъ выше, частей мускульной системы, въ частности ногъ и особенно переднихъ лапъ у хищныхъ звѣрей (играющихъ особо важную роль въ области питанія); при чемъ, при отсутствіи фактическихъ условій для нормальнаго примѣненія соотвѣтственной мускульной энергіи, получается картина „бѣзцѣльныхъ" разрядовъ ея, бѣганіе взадъ и впередъ по клѣткѣ, грызеніе разныхъ предметовъ и т. п. Подобныя же явленія можно наблюдать при благопріятныхъ условіяхъ и у людей; въ случаѣ же стремленія удержаться отъ такихъ „безцѣльныхъ" разрядовъ мускульной энергіи и сохранить неподвижность замѣчается дрожаніе въ нѣкоторыхъ областяхъ мускульной системы, мускуловъ щекъ, головы, рукъ. Это слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснять, какъ иную форму проявленія той же ищущей разряда энергіи, аналогично замѣнѣ молярнаго, массоваго, движенія молекулярнымъ въ области механическихъ явленій".

Начинается мое изложеніе объ акціи голода-аппетита слѣдующими словами (Введеніе, стр. 227 1-го изд.): „Но, какъ видно будетъ изъ краткихъ намековъ въ этомъ направленіи ниже, дѣло идетъ о безчисленныхъ физіологическихъ измѣненіяхъ въ организмѣ и глубокомъ вліяніи на психику и разныя ея отправленія, и о сколько-нибудь полномъ индуктивномъ опредѣленіи дѣйствій голода-аппетита здѣсь тѣмъ болѣе не можетъ быть рѣчи, что для производства соотвѣтственныхъ спеціальныхъ изслѣдованій требуется множество разныхъ лабораторно-техническихъ приспособленій и инструментовъ и много лѣтъ кропотливаго труда.

Нижеслѣдующія замѣчанія ограничиваются сравнительно весьма скромною

это фактъ давно извѣстный [1]). Но, рядомъ съ признаніемъ такого факта, я приведу другіе, доказывающіе, что голодные не всегда протягиваютъ руку къ пищѣ и что ѣдятъ и не голодные. Это тоже давно всѣмъ извѣстно, но въ виду появленія новой эмоціональной психологіи въ курсѣ теоріи права, считаю полезнымъ напомнить объ этомъ ученикамъ почтеннаго профессора.

Въ концѣ IV вѣка нашей эры Аврелій Симмахъ (Symmaque), писатель, сановникъ, богатый римлянинъ и большой любитель народныхъ зрѣлищъ, устраивалъ въ честь полученія его сыномъ званія претора блистательныя игры для народа. Онѣ стоили ему болѣе 500.000 руб. Для устраиваемыхъ игрищъ онъ выписалъ, между прочимъ, нѣсколько крокодиловъ изъ Египта. Эти земноводныя очень привлекали тогда народное любопытство. Къ великому сожалѣнію Симмаха, крокодилы, привезенные въ Римъ, перестали принимать пищу. Сострадательный римлянинъ приказалъ ихъ перебить, чтобы они не умерли съ голоду [2]).

У одного русскаго натуралиста я не такъ давно прочелъ, что существуетъ порода змѣй, которыя, попавъ въ неволю, тоже не принимаютъ пищи и умираютъ съ голода. Отказываются отъ пищи и голодные люди"... Критикъ приводитъ затѣмъ рядъ фактовъ, подтверждающихъ это, въ частности разсказываетъ о голодовкахъ политическихъ заключенныхъ, цѣляхъ этого явленія и отношеніи тюремнаго начальства, о подвижникахъ первыхъ вѣковъ христіанства и т. д., и затѣмъ продолжаетъ: „Во всѣхъ этихъ случаяхъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію,—ибо они основаны

задачею уяснить—на почвѣ общеизвѣстныхъ или поддающихся наблюденію каждаго безъ особыхъ приспособленій и инструментовъ фактовъ—общій характеръ" и т. д.

По поводу содержащагося въ приведенныхъ въ текстѣ словахъ проф. Сергѣевича другого искаженія („роль посредника между претерпѣваніемъ и вызываемымъ имъ дѣйствіемъ") ср. выше, стр. 165 и сл.

[1]) Эти ироническія замѣчанія внушаютъ незнакомому съ фактическимъ положеніемъ дѣла читателю мысль, что моя открытія въ области акціи аппетита сводятся къ тому, что голодные протягиваютъ руку къ пищѣ, и т. п.

[2]) G. Boissier, La fin du paganisme. 1903.

не на интроспекціи, а на наблюденіи всѣми видимыхъ человѣческихъ дѣйствій,—мы имѣемъ дѣло не съ эмоціональными акціями въ смыслѣ эмоціональной психологіи, а съ цѣлевыми и волевыми дѣйствіями. Не буду утверждать этого только по отношенію крокодиловъ IV в. и современныхъ намъ змѣй". Затѣмъ слѣдуютъ не относящіяся къ данному вопросу соображенія о волѣ и цѣлевыхъ дѣйствіяхъ у животныхъ, въ частности сообщеніе, что критикъ ежедневно наблюдаетъ („наблюдаю") „не только волевыя, но и цѣлевыя дѣйствія двухъ собакъ", а затѣмъ проф. Сергѣевичъ заключаетъ: „Для меня ясно только то, что и у нихъ" (крокодиловъ и змѣй) „не дѣйствуетъ двусторонняя эмоція, открытая самонаблюденіемъ Л. О. Петражицкаго и постоянно дѣйствующая въ немъ".

Эти аргументы критика, какъ и другіе, разсмотрѣнные выше, дѣйствительно могутъ дискредитировать мои ученія и меня въ глазахъ моихъ „учениковъ" и другихъ читателей,—поскольку они подумаютъ, что проф. Сергѣевичъ имѣетъ фактическое основаніе для обученія меня такимъ элементарнымъ и общеизвѣстнымъ истинамъ, какъ то, что „голодные не всегда протягиваютъ руку къ пищѣ", и т. д. Но въ дѣйствительности и здѣсь проф. Сергѣевичъ, не находя научныхъ аргументовъ противъ моей теоріи, дискредитируетъ ее путемъ введенія читателей въ фактическія заблужденія.

Я не только нигдѣ не утверждаю и не предполагаю косвенно, что голодъ-аппетитъ всегда фактически вызываетъ „протягиваніе руки къ пищѣ", вообще тѣ явленія, которыя я отношу къ акціи аппетита (голода въ психологическомъ смыслѣ), но даже, пожалуй съ излишнею осторожностью и педантизмомъ, выражаю и настойчиво повторяю противоположное. Прежде всего я въ § 6-мъ введенія (стр. 113 и сл. 1-го изд.) установляю и подробно выясняю общія положенія, что законы природы, формулы причинной связи явленій и т. д., слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, будто въ каждомъ конкретномъ случаѣ за такимъ-то явленіемъ фактически слѣдуетъ такое-то и т. д., а лишь въ смыслѣ тенденцій, стремленій. „Смыслъ такихъ формулъ состоитъ

въ указаніи того, что бы было, если бы не было разныхъ осложняющихъ условій, и къ чему въ тѣмъ большей степени должна приближаться дѣйствительность, чѣмъ слабѣе отклоняющіе факторы по сравненію съ тѣмъ факторомъ, законъ дѣйствія котораго представляетъ данная формула, вообще чѣмъ менѣе существенную роль играютъ осложняющія условія" (стр. 113, 1-го изд.).

„Сообразно съ этимъ и общій законъ причинной связи иногда формулируется такъ, что „всякое явленіе возникаетъ безусловно постоянно за другимъ опредѣленнымъ явленіемъ или другими опредѣленными явленіями, *если къ тому нѣтъ препятствій*" (въ текстѣ подчеркнуто), и т. п."

Казалось бы, такія предварительныя объясненія уже достаточны для того, чтобы исключить возможность добросовѣстныхъ заблужденій относительно смысла установляемыхъ мною дальше формулъ причинной связи, въ частности такого толкованія этихъ формулъ (вопреки ихъ смыслу и смыслу закона причинной связи вообще), что будто бы я утверждаю, что такой-то факторъ всегда фактически вызываетъ такія-то явленія.

Тѣмъ не менѣе я, говоря о причинномъ дѣйствіи (акціяхъ) эмоцій, напоминаю и повторяю многократно, что дѣло идетъ не о фактическомъ вызываніи во всѣхъ конкретныхъ случаяхъ подлежащихъ явленій, а о *тенденціи* вызыванія (т. е. о фактическомъ вызываніи въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ противодѣйствующихъ факторовъ). Какъ, между прочимъ, видно изъ приведеннаго выше (стр. 19 и сл.) отрывка, моя общая характеристика эмоцій со специальными акціями начинается словами: „Нѣкоторыя эмоціи имѣютъ тенденцію вызывать опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально пріуроченное поведеніе"... Формула, опредѣляющая общимъ образомъ характеръ подлежащихъ процессовъ, гласитъ: „спеціальныя импульсіи имѣютъ тенденціи превращать организмъ"... (тамъ же, выше, стр. 20). Говоря спеціально объ акціи голода-аппетита, я тоже напоминаю и повторяю, что дѣло идетъ о тенденціи вызыванія, ср., напр., Вв. 229 стр. 1-го изд.: „голодъ-аппетитъ имѣетъ тенден-

цію (какъ это можно констатировать путемъ внимательныхъ самонаблюденій и опытовъ съ другими) создавать такое"... На той же страницѣ: „На основаніи приведеннаго... матеріала получается индуктивный выводъ, что голоду-аппетиту свойственна тенденція вызывать и, по мѣрѣ своего усиленія, усиливать такую интеллектуальную... дѣятельность" и т. д. На той же страницѣ: „Голодъ имѣетъ тенденцію вызывать соотвѣтственное направленіе вниманія"... Такія же напоминанія и повторенія идутъ дальше. Мой общій выводъ, общая формула акціи аппетита (стр. 232, 1-го изд.) гласитъ: „Моторное раздраженіе—психологическій голодъ имѣетъ тенденцію превращать организмъ"... и т. д. То же видно изъ множества другихъ мѣстъ моего изложенія, между прочимъ, и изъ того мѣста, то укрываемаго, то обнаруживаемаго проф. Сергѣевичемъ, гдѣ я говорю о методахъ изученія эмоцій и ихъ акцій, въ частности о методахъ противодѣйствія и дразненія. Ибо тамъ рѣчь идетъ объ умышленныхъ, для экспериментальныхъ цѣлей, дѣйствіяхъ вопреки эмоціальнымъ позывамъ, о недѣланіи того, что относится къ акціямъ данныхъ эмоцій, о дѣланіи противоположнаго и т. д. и т. д. (Ср. Введеніе, стр. 273 и сл., Теорія I, стр. 5: „напр., эмоціи аппетита, жажды достигаютъ большой силы въ случаѣ воздержанія отъ удовлетворенія ихъ требованій").

Такимъ образомъ, проф. Сергѣевичу совершенно не нужно было обращаться къ историкамъ и натуралистамъ и ихъ свидѣтельствамъ о крокодилахъ и змѣяхъ, попавшихъ въ неволю, для того, чтобы убѣдить меня и моихъ слушателей, довѣряющихъ профессору, что голодные иногда воздерживаются отъ ѣды, тѣмъ болѣе лишне и неумѣстно съ научной точки зрѣнія, что и эти примѣры выбраны неудачно; они не только ничего не доказываютъ противъ моей теоріи, но даже ничего не доказываютъ и въ пользу того, что якобы проф. Сергѣевичу приходится доказывать; ибо у дикихъ животныхъ, попавшихъ въ плѣнъ, бываетъ, подъ вліяніемъ эмоцій страха, потеря аппетита (психологическаго голода, несмотря на физіологическое голоданіе организма, каковыя вещи слѣдуетъ строго различать). Страннымъ образомъ и случаи,

отысканные проф. Сергѣевичемъ, какъ уничтожающія новости для меня, предусмотрѣны мною, указываются мною въ „Введеніи“ на стр. 227: „психическія воздѣйствія, устраняющія надолго психологическій голодъ, напр., сильный испугъ (годный объектъ для эксперимента дикія, а не ручныя животныя), надолго устраняютъ ѣду“ и т. д. Между прочимъ, ограничиваясь по поводу попавшихъ въ плѣнъ дикихъ животныхъ, крокодиловъ и змѣй, тезисомъ: „Для меня ясно только то, что и у нихъ не дѣйствуетъ двусторонняя эмоція голода, открытая самонаблюденіемъ Л. О. Петражицкаго и постоянно дѣйствующая въ немъ“, по поводу людей проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ видъ, что доказалъ еще что-то большее противъ моей теоріи, подчеркивая, что въ подлежащихъ случаяхъ „мы имѣемъ дѣло не съ эмоціональными акціями въ смыслѣ эмоціональной психологіи, а съ цѣлевыми и волевыми дѣйствіями“. Но и это литературное злоупотребленіе. Я нигдѣ не отрицаю цѣлевыхъ и волевыхъ дѣйствій, не только признаю эти дѣйствія, но излагаю въ подлежащемъ мѣстѣ свою теорію цѣлевой мотиваціи, различая разные виды цѣлей и соотвѣтственныхъ мотивовъ поведенія (ср. Теорія I, стр. 13 и сл., 1-го изд.); мало того, спеціально по поводу голода-аппетита у меня въ разныхъ мѣстахъ говорится о цѣлевомъ и волевомъ воздержаніи отъ ѣды (ср. приведенное выше мѣсто о воздержаніи отъ ѣды для экспериментальныхъ цѣлей, ср. также заключительные тезисы моей теоріи голода-аппетита и его акціи, стр. 235 и сл., гдѣ какъ разъ говорится о подавленіи *волею* разныхъ элементовъ акціи голода-аппетита, напр.: „Такіе (элементы акціи голода-аппетита), которые поддаются воздѣйствію воли, при наличности соотвѣтственной воли могутъ быть остановлены, подавлены, напр., системы движеній (сокращеній мускуловъ), составляющихъ схватываніе пищи и жеваніе, и т. д.)“.

Доказавъ, что голодные не всегда протягиваютъ руку къ пищѣ, проф. Сергѣевичъ продолжаетъ: „Приведу случаи, противоположные указаннымъ. Кто не знаетъ, что есть обжоры, которые продолжаютъ ѣсть и пить, когда уже достигнуто полное насыщеніе? А исторія знаетъ и такихъ гурма-

новъ, которые, по полномъ насыщеніи, прибѣгали къ рвотному, чтобы очистить желудокъ и снова ѣсть. И всѣ эти господа живутъ не по эмоціи проф. Петражицкаго. А зачѣмъ пьютъ водку передъ ѣдой?—Чтобы вызвать аппетитъ, котораго нѣтъ!"

Всякій знакомый съ моею теоріею аппетита долженъ прійти въ недоумѣніе. Что доказываютъ противъ моей теоріи факты продолженія ѣды послѣ насыщенія! Какое отношеніе къ дѣлу имѣетъ умышленное вызываніе аппетита, рвотныя, питье водки и т. п.! Какая-то безсильная и жалкая аргументація!

Но по адресу не читавшихъ моихъ книгъ и судящихъ о нихъ по сообщеніямъ проф. Сергѣевича и эти, какъ и другіе, по существу такіе же, безсильные противъ моихъ ученій, аргументы проф. Сергѣевича имѣютъ свой смыслъ. Ибо они внушаютъ незнакомымъ съ моею теоріею читателямъ мысль, что я, стало быть, утверждаю, прямо или косвенно, противоположное, а именно: 1) что не бываетъ ѣды безъ аппетита, въ частности послѣ насыщенія, и 2) что нельзя искусственно возбуждать аппетитъ, или этого никогда не дѣлается.

Само собою разумѣется, я ничего подобнаго не утверждаю и не предполагаю, и приписывать мнѣ подобныя положенія было бы литературнымъ произволомъ и неправдою и въ томъ случаѣ, если бы я просто ничего не говорилъ о ѣдѣ безъ аппетита и т. д. Но виновность критика усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что явленія, о которыхъ онъ сообщаетъ, какъ о разрушительныхъ для меня новостяхъ, у меня уже предусмотрѣны и указываются по разнымъ поводамъ. Такъ, о ѣдѣ безъ аппетита съ объясненіемъ, почему „народно-эмпирическая мудрость весьма рѣшительно высказывается противъ ѣды безъ аппетита", говорится у меня въ заключительныхъ положеніяхъ моей теоріи голода-аппетита (конецъ § 12, стр. 236, 1-го изд.), по поводу вопроса о томъ, насколько воля ѣсть (при отсутствіи аппетита) и воля не ѣсть (при наличности аппетита) могутъ распоряжаться элементами акціи аппетита; затѣмъ о „продолженіи ѣды чего

либо и послѣ полнаго удовлетворенія и исчезновенія аппетита“, о „излишествѣ въ области ѣды“, питья и разныхъ другихъ областяхъ, въ томъ числѣ въ половой области (ср. ниже аргументы проф. Сергѣевича по поводу полового возбужденія), у меня говорится по поводу изученія разныхъ отталкивающихъ и удерживающихъ моторныхъ раздраженій (эмоцій) въ области ѣды, питья и въ другихъ областяхъ (стр. 239). Мало того, въ связи съ тѣмъ же вопросомъ, у меня не только допускается возможность, но и рекомендуется для экспериментальныхъ цѣлей, для интроспективнаго познанія множества разныхъ репульсивныхъ эмоцій, нѣчто бо̀льшее и болѣе трудное, чѣмъ ѣда послѣ насыщенія, а именно ѣда (или, по крайней мѣрѣ, попытки взять въ ротъ, жевать и т. д.) разныхъ, возбуждающихъ отвращеніе, предметовъ, и т. д. (стр. 240 и сл.); объ искусственномъ возбужденіи аппетита, между прочимъ и о томъ, что „соотвѣтственное кулинарное искусство въ значительной степени сводится къ тому, чтобы заставить съ надлежащимъ аппетитомъ ѣсть дальнѣйшія блюда людей, физіологически уже не голодныхъ или даже слишкомъ много поѣвшихъ“, говорится у меня въ началѣ изложенія моей теоріи голода-аппетита (стр. 217, 1-го изд.).

Разрушивъ окончательно мою теорію аппетита сообщеніями о ѣдѣ послѣ насыщенія и искусственномъ вызываніи аппетита, проф. Сергѣевичъ продолжаетъ:

„Эмоція жажды едва-ли представляетъ что либо особенное сравнительно съ эмоціей голода. Что касается эмоціи половыхъ возбужденій, то я спрошу автора, неужели ему неизвѣстны случаи искусственнаго возбужденія сей эмоціи медицинскими средствами и отправленія ея по обязанности, безъ всякаго возбужденія. Онъ могъ и не наблюдать такихъ явленій при помощи интроспекціи, поэтому-то я и говорю, что его единственно возможный способъ наблюденія—очень недостаточенъ. Надо было поговорить съ людьми знающими“.

Еще раньше, съ помощью такихъ же по своему умственному и этическому характеру аргументовъ, проф. Сергѣевичъ создалъ впечатлѣніе опроверженія того, что̀ я говорю

о моторныхъ возбужденіяхъ, бывающихъ у людей здоровыхъ и достаточно поспавшихъ, особенно при наличности яркаго солнечнаго свѣта, и дѣйствующихъ въ пользу вставанія (стр. 10—12 брошюры, ср. выше стр. 161). Здѣсь посвящается критикомъ много мѣста сообщеніямъ фактовъ, наблюдавшихся самимъ проф. Сергѣевичемъ и его знакомыми, состоящихъ въ томъ, что люди не всегда встаютъ, проснувшись, что „есть люди, которые, проснувшись поутру, но не въ обычное время, поднимаютъ крикъ и звонъ на весь домъ, приказываютъ спустить шторы, если есть лишній свѣтъ, прекратить шумъ и т. д. и мгновенно засыпаютъ снова", и т. д., и т. д., затѣмъ фактовъ вставанія въ любое назначенное время, даже безъ будильника, факта, „что люди просыпаются не одинъ разъ, когда надо вставать, а и въ теченіе ночи", и т. д.

Хотя эти факты ни въ чемъ не опровергаютъ моихъ положеній, отчасти вообще не относятся къ дѣлу, отчасти даже предусмотрѣны у меня въ текстѣ (стр. 273), несмотря на краткость замѣчаній о подлежащихъ моторныхъ возбужденіяхъ [1]), критикъ пользуется подлежащей комедіей опроверженія не только для того, чтобы затѣмъ, послѣ такихъ же комедій опро-

---

[1]) Между прочимъ, уже само упоминаніе о подлежащихъ моторныхъ возбужденіяхъ дѣлается у меня для иллюстраціи примѣненія т. н. метода противодѣйствія, т. е., въ данномъ случаѣ, невставанія, несмотря на наличность противоположной потребности организма; о продолженіи лежанія въ кровати послѣ пробужденія говорится и въ самомъ текстѣ изложенія; въ примѣчаніи говорится объ условіяхъ успѣшности даннаго эксперимента, т. е. высказывается положеніе, что подлежащія моторныя возбужденія бываютъ не всегда, а лишь при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Мало того, даже говорится о томъ, что иногда не только не бываетъ моторныхъ возбужденій въ пользу вставанія, но даже бываютъ противоположныя, удерживающія въ кровати моторныя возбужденія. „Въ случаѣ болѣзни, физіологически требующей лежанія, обыкновенно этой эмоціи не бываетъ, или даже появляется и дѣйствуетъ противоположная эмоція, не допускающая вставанія. И ее можно обнаружить съ помощью метода противодѣйствія, т. е. въ данномъ случаѣ съ помощью опытовъ вставанія и борьбы противъ влеченія опять лечь. Своеобразная эмоція, тоже дѣйствующая противъ вставанія (и открытія тѣла), подчасъ появляется и вступаетъ въ борьбу со вставательной эмоціей въ случаѣ ненормально низкой температуры въ комнатѣ. Соотвѣтствующій экспериментъ (двойной методъ противодѣйствія, обнаруживающій сразу двѣ различныхъ эмоціи) можетъ доставить", и т. д.

верженія моихъ положеній о голодѣ, жаждѣ и половомъ возбужденіи, объявить, что и тѣ четыре эмоціи, которыя якобы мнѣ только удалось открыть и упомянуть, не оправдываютъ моей теоріи, но и для того, чтобы дѣлать разныя отрицательныя заключенія о моихъ пріемахъ изслѣдованія: „Итакъ, авторъ наблюдаетъ явленія не для того, чтобы изучить ихъ природу, а для того, чтобы найти въ нихъ то, что ему нужно, именно—двустороннія эмоціи, и, конечно, всегда ихъ находитъ“...„ (стр. 12. Упрекъ въ противоположномъ направленіи, что я сумѣлъ найти только четыре эмоціи, находится въ другомъ раздѣлѣ статьи)... „онъ оруduетъ при помощи одного самонаблюденія и только. Но и этимъ способомъ онъ пользуется не очень внимательно. Возвращусь къ только-что приведенному примѣру. Неужели авторъ никогда не наблюдалъ, что люди просыпаются не одинъ разъ, когда надо вставать, а и въ теченіе ночи? Спрашивается, почему же, проснувшись ночью, они сейчасъ же засыпаютъ опять, а, проснувшись поутру въ часъ, когда, по образу ихъ жизни, принято вставать, они встаютъ“? Какъ будто ненаблюденіе или неумѣніе объяснить этотъ фактъ относится къ самонаблюденію и доказываетъ ненадлежащее пользованіе „и этимъ способомъ“! Какъ будто этотъ фактъ въ чемъ либо противорѣчитъ моей теоріи! Между прочимъ, онъ очень понятенъ и легко объяснимъ или, точнѣе, уже объясненъ моими замѣчаніями о подлежащихъ моторныхъ возбужденіяхъ; ибо, согласно моимъ указаніямъ, моторныя возбужденія побуждающія къ вставанію, появляются и дѣйствуютъ въ соотвѣтствіи съ физіологическими потребностями организма, а не вопреки этимъ потребностямъ (ср. выше стр. 43). Мало того, на слѣдующей же страницѣ моего текста говорится о моторныхъ возбужденіяхъ, дѣйствующихъ въ случаяхъ потребности организма въ отдыхѣ и снѣ и заставляющихъ позаботиться объ удовлетвореніи этой потребности, каковыя моторныя возбужденія я называю „сонною эмоціею“. Такимъ образомъ, фактъ, которымъ критикъ наноситъ послѣдній ударъ по поводу моихъ замѣчаній о вставаніи, а именно что люди ночью, т. е. не выспавшись еще, не встаютъ, а утромъ встаютъ, не только

не необъяснимъ, съ точки зрѣнія моей теоріи, но даже дважды объясненъ на подлежащихъ страницахъ моего изложенія. И то же относится къ первому удару: „Есть люди, которые, проспувшись поутру, но не въ обычное время, поднимають крикъ... и мгновенно засыпаютъ снова“. Но, если бы критикъ оперировалъ болѣе годными для его цѣлей примѣрами, примѣрами, въ которыхъ дѣйствительно имѣются подлежащія моторныя возбужденія, и люди все-таки, вопреки имъ, не встаютъ, то и это было бы только комедія опроверженія, а не опроверженіе моихъ тезисовъ; ибо я, какъ уже видно изъ изложеннаго выше, вполнѣ допускаю возможность невставанія даже и при наличности моторныхъ возбужденій, дѣйствующихъ въ пользу вставанія, и вопреки имъ, точно такъ же, какъ я вполнѣ допускаю возможность вставанія не только при отсутствіи этихъ моторныхъ возбужденій, но даже вопреки другимъ моторнымъ возбужденіямъ, дѣйствующимъ въ пользу лежанія (ср. выше, стр. 43).

Уязвивъ приведенными выше поученіями: „Надо было поговорить съ людьми знающими“, проф. Сергѣевичъ продолжаетъ:

„Итакъ, и четыре исключительныхъ случая, въ которыхъ авторъ наблюдалъ свою двустороннюю эмоцію, не подтверждаютъ его теоріи и говорятъ противъ созданной имъ эмоціональной психологіи: и эти четыре эмоціи имѣютъ не одну только соотвѣтствующую имъ акцію, а разныя, и между ними совершенно „не соотвѣтствующія“. Тѣмъ не менѣе онъ примѣняетъ новую психологію къ изученію права и нравственности, гдѣ, по собственному его признанію, вовсе нѣтъ соотвѣтствующихъ акцій. Перейду къ его праву и нравственности въ этой совершенно новой постановкѣ“.

Этимъ проф. Сергѣевичъ заканчиваетъ свою критику моей книги: „Введеніе въ изученіе права и нравственности. Эмоціональная психологія“.

Оглядываясь на сдѣланный выше подробный разборъ этой критики и оставляя въ сторонѣ этическую ея оцѣнку, я не могу не указать слѣдующаго поразительнаго обстоятельства.

Во всякой книгѣ, даже въ геніальнѣйшихъ произведеніяхъ, написанныхъ элегантнѣйшимъ образомъ съ точки зрѣнія логики, послѣдовательности, доказательности, ясности, точности и опредѣленности содержанія, предусмотрѣнности возможныхъ сомнѣній и возраженій и т. д., можно найти такія мѣста, которыя и при правильномъ пониманіи даютъ поводъ для болѣе или менѣе солидныхъ сомнѣній и возраженій, не предусмотрѣнныхъ авторомъ (особенно, если излагаются новыя, оригинальныя теоріи), а равно такія мѣста, которыя даютъ поводъ для разнаго толкованія и пониманія, въ томъ числѣ, несмотря на полную добросовѣстность и объективность критики, такого пониманія, что получаются сомнѣнія и возраженія противъ положеній автора. Въ случаѣ же недостаточной объективности и добросовѣстности критики, желанія во что бы то ни стало опровергать и придираться и т. д., и подавно можно во всякомъ научномъ сочиненіи, и геніальномъ по существу и образцово написанномъ, найти не мало благовидныхъ поводовъ для придирокъ, исключающихъ возможность уличенія во *лжи*, въ *умышленно* неправильномъ толкованіи и т. п.

Моя книга далеко не претендуетъ не только на научную геніальность, но и на относительную образцовость логики, аргументаціи и т. д.

Не поразительно ли то обстоятельство, что критикуемыя проф. Сергѣевичемъ ученія оказались для него, несмотря на все его отрицательно-критическое усердіе, не только неопровержимыми и совершенно неуязвимыми по существу, но даже недоступными для сколько нибудь благовидныхъ, соблюдающихъ внѣшнее литературное приличіе, упрековъ.

Вся его критика построена на такихъ полемическихъ пріемахъ, которые много хуже указанныхъ выше пріемовъ критики низшаго разряда, и изъ которыхъ каждый въ отдѣльности былъ бы достаточенъ для того, чтобы обосновать о такомъ критикѣ совершенно опредѣленное мнѣніе весьма отрицательнаго свойства.

2. Критика „Теоріи права и государства въ связи съ теоріею нравственности".

I.

Критику моей „Теоріи права и государства въ связи съ теоріей нравственности" проф. Сергѣевичъ начинаетъ разборомъ второго параграфа Теоріи, озаглавленнаго: „Основныя положенія эмоціональной теоріи этическихъ явленій." Соотвѣтственный, III раздѣлъ критики (стр. 20—26 брошюры проф. Сергѣевича) озаглавленъ: „Теорія этическихъ явленій". Въ дѣйствительности, впрочемъ, критикъ моей „Теоріи этическихъ явленій", вопреки этому заглавію и начальному заявленію этого раздѣла критики, не сообщаетъ и не критикуетъ, изибрая вмѣсто этого для критики нѣкоторыя положенія, имѣющіяся у меня въ 1-мъ § Теоріи, и нѣкоторыя частныя и спеціальныя замѣчанія 2-го §, представляющіяся, на почвѣ умолчаніи о существенномъ содержаніи моей теоріи этическихъ явленій, странными и непонятными.

Та часть текста перваго параграфа, изъ которой проф. Сергѣевичъ выбираетъ нужные ему для его мнимой критики содержанія второго параграфа, отрывки, гласитъ:

„Наконецъ, въ качествѣ еще одного вида интеллектуально-эмоціональной мотиваціи, играющаго существенную роль въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческаго поведенія, въ томъ числѣ въ области нравственныхъ и правовыхъ поступковъ, слѣдуетъ упомянуть такіе мотиваціонные процессы, въ которыхъ роль познавательныхъ процессовъ, возбуждающихъ эмоціональные процессы, побуждающіе къ разнымъ положительнымъ и отрицательнымъ дѣйствіямъ (воздержаніямъ), играютъ самые образы поступковъ, представленія подлежащихъ дѣйствій—назовемъ ихъ для краткости акціонными представленіями.

Если честному человѣку предлагаютъ совершить, напр. за деньги или иныя выгоды, обманъ, лжесвидѣтельство, клевету, отравленіе кого либо или т. п., то само представленіе такихъ „гадкихъ", „злыхъ" поступковъ вызываетъ репульсивныя эмоціи, отвергающія эти дѣйствія и при томъ достаточно

сильныя репульсіи, чтобы не допустить возникновенія аттрактивныхъ эмоцій по адресу обѣщаемыхъ выгодъ и соотвѣтственной цѣлевой мотиваціи или подавить такіе мотивы въ случаѣ ихъ появленія. Другія акціонныя представленія, напр., представленія поступковъ, называемыхъ хорошими, симпатичными, вызываютъ, напротивъ, аттрактивныя эмоціи по адресу этихъ поступковъ (потому то они и называются хорошими, симпатичными, равно какъ эпитеты „злой", „гадкій" по адресу нѣкоторыхъ другихъ поступковъ означаютъ наличность и дѣйствіе репульсій по ихъ адресу, ср. ниже); и получается такимъ образомъ побужденіе въ пользу соотвѣтственныхъ дѣйствій.

Такую мотивацію, въ которой дѣйствуютъ акціонныя представленія, возбуждающія аппульсивныя или репульсивныя эмоціи въ пользу или противъ соотвѣтственнаго поведенія, мы назовемъ акціонною или самодовлѣющею мотиваціею (самодовлѣющею въ томъ смыслѣ, что здѣсь не нужно никакихъ посторонныхъ, цѣлевыхъ и другихъ познавательныхъ процессовъ, а достаточно представленія самого поведенія, чтобы нашлись импульсы въ пользу или противъ него).

Существованіе и дѣйствіе въ нашей психикѣ непосредственныхъ сочетаній акціонныхъ представленій и отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, репульсивныхъ или аппульсивныхъ, эмоцій проявляется, между прочимъ, въ формѣ сужденій, отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, не какъ средство для извѣстной цѣли, а само по себѣ, напр., „ложь постыдна", „не слѣдуетъ лгать", „слѣдуетъ говорить правду" и т. п. Сужденія, въ основѣ которыхъ лежатъ такія сочетанія акціонныхъ представленій и репульсій или аппульсій, мы называемъ принципіальными практическими (т. е. опредѣляющими поведеніе) сужденіями, или, короче: нормативными сужденіями, а ихъ содержанія принципіальными правилами поведенія, принципами поведенія, или нормами. Соотвѣтственныя диспозиціи, диспозитивныя сужденія, мы называемъ принципіальными практическими, или нормативными убѣжденіями [1]).

[1]) Ср. о природѣ сужденій и убѣжденій Введеніе § 17.

Соотвѣтственная часть критики проф. Сергѣевича гласитъ:

„Выше, говоря объ интеллектно-эмоціональной мотиваціи, играющей существенную роль въ области нравственныхъ и правовыхъ поступковъ, авторъ высказалъ мнѣніе, что такіе эмоціональные процессы возбуждаются представленіями подлежащихъ дѣйствій, которыя для краткости онъ называетъ „акціонными дѣйствіями“ (17).

Являющаяся здѣсь мотивація есть самодовлѣющая, т. е. дѣйствіе должно произойти въ силу одного представленія того поступка, который надо совершить, безъ всякихъ цѣлевыхъ и иныхъ побужденій (18).

Авторъ поясняетъ свою мысль примѣромъ: „Если честному человѣку“,—говоритъ онъ,—„предлагаютъ совершить за деньги обманъ, клевету и пр., то само представленіе такихъ гадкихъ поступковъ вызываетъ репульсивныя эмоціи, отвергающія эти предложенія“. Тутъ, значитъ, акція неизбѣжно слѣдуетъ за представленіемъ, какъ въ эмоціи голода она слѣдуетъ за ощущеніемъ.

Такъ ли это?

Авторъ говоритъ: *честный человѣкъ* отвергнетъ гнусное предложеніе. Да, честный отвергнетъ, а безчестный приметъ. Итакъ, самодовлѣющей мотиваціи нѣтъ, а все зависитъ отъ настроенія человѣка, какъ при чувствѣ голода: одинъ протянетъ руку къ пищѣ, другой—нѣтъ.

Я указалъ уже выше на то, что авторъ подорвалъ свою эмоціональную психологію допущеніемъ бланкетныхъ эмоцій. Представленія человѣка о характерѣ дѣлаемыхъ ему предложеній нисколько еще не предопредѣляютъ его дѣйствій, какъ чувство голода не предопредѣляетъ того, будетъ ли человѣкъ ѣсть или нѣтъ. И то и другое можетъ зависѣть отъ нѣкоторыхъ иныхъ условій. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ бланкетными эмоціями. Развивая свою мысль, авторъ продолжаетъ такъ: „акціонныя представленія, отвергающія или одобряющія соотвѣтственное поведеніе, проявляются въ формѣ сужденій, отвергающихъ или одобряющихъ

соотвѣтственное поведеніе не какъ средство для извѣстной цѣли, а само по себѣ, напр.: ложь постыдна, не слѣдуетъ лгать, слѣдуетъ говорить правду и т. п. Сужденія, въ основѣ которыхъ лежатъ такія акціонныя представленія, назовемъ нормативными, а ихъ содержаніе—принципіальными правилами поведенія или нормами". Названіе въ данномъ случаѣ не есть дѣло безразличное. Акціонное представленіе есть не что иное, какъ представленіе, вызывающее дѣйствіе безъ всякаго опредѣленія характера дѣйствія. Нормативныя сужденія и принципіальныя правила поведенія или нормы—это уже совершенно другое, это представленіе, предопредѣляющее характеръ поведенія. Замѣнять акціонныя представленія правилами поведенія авторъ не имѣлъ ни малѣйшаго права; этой подстановкой онъ переходитъ отъ бланкетныхъ представленій къ обязательнымъ общимъ нормамъ, не имѣя на то никакихъ основаній. Его норма, выразившаяся въ формѣ ужденія—ложь постыдна,—въ психикѣ слушающаго произведетъ бланкетную эмоцію, не болѣе. Одинъ скажетъ „да, лгать не слѣдуетъ", а другой скажетъ совсѣмъ иначе: „ложь во спасеніе", или: „цѣль оправдываетъ средства, а потому я буду лгать, когда окажется нужно". Перехода отъ акціоннаго представленія, хотя бы и подъ названіемъ нормативнаго сужденія, къ соотвѣтствующей эмоціи нѣтъ, эмоція остается бланкетной. Чтобы утверждать противное, надо забыть указанную самимъ авторомъ разницу между чувственно-эмоціональными процессами и интеллектуально-эмоціональными, а въ дѣйствительности всѣ его эмоціи бланкетныя.

Какъ слагаются нормы нравственности и права,—это подлежитъ еще уясненію. Авторъ же ровно ничего не уясняетъ. Онъ беретъ честнаго человѣка и говоритъ, что честный человѣкъ отказывается отъ взятки. Конечно, это свойство честнаго человѣка, какъ свойство воздержаннаго—не объѣдаться и прекращать ѣду до полнаго насыщенія" (стр. 21—23 брошюры).

Между прочимъ, и по поводу этой части статьи проф. Сергѣевича слѣдуетъ отмѣтить, что и здѣсь критикъ, реферируя мысли автора, искажаетъ ихъ и при передачѣ собственными

словами, и при пользованіи кавычками. Нѣкоторыя искаженія для аргументаціи критика ненужны и имѣютъ только то непріятное для автора значеніе, что его положенія въ передачѣ критика получаютъ болѣе или менѣе странный и неграмотный видъ. Такъ, напр., первое, резюмирующее мои положенія на стр. 17 Теоріи, сообщеніе критика, содержитъ рядъ мелкихъ искаженій, придающихъ моимъ мыслямъ отчасти непонятный, отчасти неграмотный съ точки зрѣнія научной психологіи видъ, причемъ и слова, поставленныя въ кавычки „акціонными дѣйствіями“ (вмѣсто подлинныхъ моихъ словъ: „акціонными представленіями“) представляютъ хотя и не важное по существу, но досадное для автора (терминъ былъ бы довольно несообразною и лишнею тавтологіею) искаженіе.

Другія искаженія помогаютъ критику находить возраженія противъ меня по существу. Таковъ характеръ искаженій, заключающихся въ приведенныхъ проф. Сергѣевичемъ въ кавычкахъ словахъ: „акціонныя представленія, отвергающія или одобряющія соотвѣтственное поведеніе, проявляются въ формѣ сужденій“ и т. д. Какъ читатель можетъ убѣдиться путемъ сличенія этихъ словъ съ подлиннымъ текстомъ, профессоръ Сергѣевичъ замѣнилъ здѣсь, послѣдовательно и систематически, въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ это было нужно, мои слова „сочетаній акціонныхъ представленій и отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, репульсивныхъ или аппульсивныхъ, эмоцій“ и „такія сочетанія акціонныхъ представленій и репульсій или аппульсій“, словами: „акціонныя представленія, отвергающія или одобряющія соотвѣтственное поведеніе“ и „такія акціонныя представленія“; и эти, сдѣланныя самимъ проф. Сергѣевичемъ, несмотря на удостовѣреніе кавычками, что онъ приводитъ точную копію текста, подстановки помогаютъ ему обвинять меня въ яко бы мною совершенной подстановкѣ, а именно въ томъ, что я подставляю на мѣсто акціонныхъ представленій нормативныя сужденія и т. д. Въ дѣйствительности у меня, конечно, никакой подстановки нѣтъ. Между прочимъ, въ Введеніи, въ § 17, на который ссылается мой текстъ въ „Теоріи“, у меня

подробно выясняется, что сужденія представляютъ сочетанія представленій и эмоцій и т. д.

Является также очень страннымъ полемическій пріемъ, заключающійся въ словахъ проф. Сергѣевича: „Тутъ, значитъ, акція неизбѣжно слѣдуетъ за представленіемъ, какъ въ эмоціи голода она слѣдуетъ за ощущеніемъ. Такъ ли это?“ и въ послѣдующемъ оспариваніи этого яко бы вытекающаго изъ моей теоріи (между прочимъ, психологически совершенно неграмотно формулированнаго) тезиса. Ибо проф. Сергѣевичу отлично извѣстно и понятно, что я не только не утверждаю неизбѣжности всегдашней наличности и успѣшности дѣйствія самодовлѣющей мотиваціи (такъ же какъ и то, что я не утверждаю, будто эмоція аппетита всегда вызываетъ ѣду), а, напротивъ, во множествѣ мѣстъ своего изслѣдованія указываю по разнымъ поводамъ на возможность и фактическое биваніе противоположнаго. Уже изъ той части моихъ пояснительныхъ замѣчаній, которою проф. Сергѣевичъ пользуется для опроверженія придуманнаго имъ и приписаннаго мнѣ тезиса („Если *честному* человѣку предлагаютъ“ . . . и т. д.), видно, что о всегдашней наличности и успѣшности дѣйствія подлежащей мотиваціи съ моей точки зрѣнія не можетъ быть рѣчи. То же видно изъ дальнѣйшихъ, отброшенныхъ проф. Сергѣевичемъ, словъ, гдѣ предполагается возможность борьбы со стороны другихъ мотивовъ. То же видно изъ находящейся рядомъ и сообщенной проф. Сергѣевичемъ въ искаженномъ видѣ формулы опредѣленія самодовлѣющей мотиваціи („эмоціи въ пользу или противъ соотвѣтственнаго поведенія . . . импульсы въ пользу или противъ него“, т. е. говорится только о дѣйствіи, импульсѣ въ пользу или противъ извѣстнаго поведенія, о тенденціи вызыванія, а не о всегдашнемъ неизбѣжномъ вызываніи). То же видно изъ обходимаго критикомъ молчаніемъ содержанія § 2 Теоріи, изъ методологическихъ указаній относительно примѣненія метода противодѣйствія (т. е. неподчиненія, дѣйствія вопреки) въ области эстетической мотиваціи, стр. 22, затѣмъ въ области этической мотиваціи (стр. 27 „реализація эмоцій долга наталкивается на противодѣйствіе въ видѣ пе-

реживаній и дѣйствій другихъ моторныхъ возбужденій, побуждающихъ къ иному поведенію", стр. 28. „Но и послѣ рѣшенія борьбы въ пользу или противъ эмоціи долга... Если побѣждаетъ противная долгу эмоція . . . исполненія противнаго эмоціи долга дѣйствія... И послѣ окончательнаго и безвозвратнаго нарушенія долга; ср. также стр. 29 объ „угрызеніяхъ совѣсти" и т. д.), и проч. и проч. Это все, какъ и множество другихъ мѣстъ моего изслѣдованія, исключающихъ уже въ отдѣльности возможность добросовѣстныхъ сомнѣній и неправильныхъ толкованій, не мѣшаетъ проф. Сергѣевичу устраивать комедію опроверженія съ разрушительнымъ для моей теоріи выводомъ; „Итакъ, самодовлѣющей мотиваціи нѣтъ".

Странное впечатлѣніе производятъ также повторяемыя критикомъ на разные лады въ приведенномъ отрывкѣ и въ дальнѣйшихъ частяхъ полемики положенія о „бланкетныхъ представленіяхъ" и о бланкетности эмоцій, о которыхъ я говорю (первое понятіе—психологическая несообразность, а на бланкетномъ характерѣ эмоцій, дѣйствующихъ въ области эстетическихъ, этическихъ и т. д. переживаній, я самъ настаиваю). Между прочимъ, заключительныя положенія проф. Сергѣевича о „бланкетности" моихъ эмоцій, въ частности: „эмоція остается бланкетной. Чтобы утверждать противное, надо забыть указанную самимъ авторомъ разницу между чувственно-эмоціональными процессами и интеллектуально-эмоціональными, а въ дѣйствительности всѣ его эмоціи бланкетны" представляютъ (независимо отъ того, что я не только не утверждаю противнаго, но самъ настаиваю на бланкетной природѣ подлежащихъ эмоцій) фразы, которыя только по внѣшнему виду заключаютъ въ себѣ какую то мысль, указаніе на какое то противорѣчіе, такъ что читатель, хотя и не пойметъ и не можетъ понять этой мысли, подумаетъ, что здѣсь имѣется какой то критическій ударъ и даже уличеніе меня въ противорѣчіи самому себѣ. На самомъ же дѣлѣ это фразы безъ всякаго смысла: различіе между названными двумя категоріями сочетаній, состоящее въ томъ, что въ первой имѣются чувства въ техническомъ смыслѣ, т. е.

наслажденія или страданія, а во второй—представленія, абсолютно никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ; дѣло идетъ о сочетаніи словъ, лишенномъ содержанія, но вызывающемъ впечатлѣніе какого то логическаго успѣха и тріумфа на сторонѣ критика.

Слѣдующія затѣмъ положенія критика: „Какъ слагаются нормы нравственности и права,—это подлежитъ еще уясненію. Авторъ же ровно ничего не уясняетъ“ и т. д.—представляютъ тоже неправильный полемическій пріемъ. Ибо проф. Сергѣевичъ, конечно, знаетъ, что въ данномъ мѣстѣ моего изложенія рѣчь идетъ только о природѣ и составѣ нормативныхъ переживаній, а вопросу о происхожденіи нравственности и права посвящена у меня послѣдняя, шестая глава моего труда (о ней критикъ въ своей брошюрѣ вообще умалчиваетъ).

Но если отбросить всѣ эти нехорошія, по существу ненужныя для аргументаціи, мелкія полемическія манипуляціи, то все таки остается одинъ упрекъ по адресу моей теоріи нормативныхъ переживаній, дѣйствительно соотвѣтствующій смыслу этой теоріи, а не основанный на неправильныхъ сообщеніяхъ,—и этимъ весьма выгодно отличающійся отъ другихъ возраженій критика, своего рода плюсъ въ пользу него.

Этотъ упрекъ, вполнѣ соотвѣтствующій ясному содержанію моего изложенія и взятый изъ него (и только неправильно изображаемый критикомъ, какъ установленный имъ вопреки моимъ тезисамъ и въ опроверженіе ихъ), состоитъ въ томъ, что констатированныя и анализируемыя мною самодовлѣющая мотивація и принципіальныя, нормативныя сужденія и убѣжденія не предопредѣляютъ неизбѣжно поведенія всѣхъ людей, въ частности не оказываютъ вліянія на поведеніе безчестныхъ людей, негодяевъ и т. д. „Авторъ говоритъ: честный человѣкъ отвергнетъ гнусное предложеніе. Да, честный отвергнетъ, а безчестный приметъ“ (выше, стр. 50). „Его (т. е. моя) норма, выразившаяся въ формѣ сужденія—ложь постыдна,—въ психикѣ слушающаго произведетъ бланкетную эмоцію, не болѣе. Одинъ скажетъ: „да, лгать не слѣ-

дуетъ", а другой скажетъ совсѣмъ иначе: „ложь во спасеніе", или „цѣль оправдываетъ средства, а потому я буду лгать, когда окажется нужно".

Статья и брошюра проф. Сергѣевича не заслуживаютъ того, чтобы по поводу нихъ вести съ ихъ авторомъ научные споры по существу, отстаивать правильность моихъ взглядовъ, оспаривать высказываемые критикомъ взгляды и т. д., и мое изложеніе, предыдущее и дальнѣйшее, посвящено не такимъ спорамъ, по существу научныхъ вопросовъ, а разъясненіямъ фактическаго положенія вещей, разоблаченію природы тѣхъ средствъ литературной борьбы, которыми оперируетъ проф. Сергѣевичъ.

Но по поводу указаннаго упрека нельзя не отмѣтить слѣдующаго.

Мои нормы („его нормы"), въ частности моя этика, т. е. изучаемые мною, подъ именемъ нормативныхъ и этическихъ явленій, элементы человѣческой духовной жизни и факторы поведенія, къ сожалѣнію, дѣйствительно безсильны противъ негодяевъ, безчестныхъ, лжецовъ и т. д.; онѣ не могутъ заставить ихъ воздерживаться отъ лжи, клеветы, отъ примѣненія безчестнаго правила: „буду лгать, когда окажется нужно" и т. д.

Но развѣ этика проф. Сергѣевича, та, отличная отъ моей, этика, которую онъ имѣетъ въ виду, имѣетъ власть и надъ негодяями, заставляетъ лжецовъ избѣгать лжи, не допускаетъ примѣненія сообщаемаго проф. Сергѣевичемъ безчестнаго правила: „буду лгать, когда окажется нужно" и т. д.?

Между прочимъ, что касается отношенія къ истинѣ и постыдности лжи, то подлежащіе этическіе принципы имѣютъ сугубое значеніе въ области науки и поведенія ученыхъ. Здѣсь, въ области науки, и для ученыхъ, обязанныхъ посвящать себя служенію истинѣ и правдѣ, всякая ложь особенно и чрезвычайно постыдна и позорна. Но этого мало. Ученымъ этика предписываетъ не только нѣчто чисто отрицательное, воздержаніе отъ искаженія истины; она, далѣе, налагаетъ на нихъ, какъ глав-

ный и существеннѣйшій долгъ ихъ призванія, обязанность всѣми средствами, всѣми силами своими служить дѣлу торжества и распространенія научнаго свѣта, истины, т. е. того, что данному ученому представляется убѣдительно, крѣпко обоснованнымъ, не вызывающимъ основательныхъ сомнѣній и возраженій, хотя бы авторами подлежащихъ ученій были не они сами, а другіе. Но развѣ можно утверждать, что всѣ ученые исполняютъ этотъ, въ наукѣ высшій и священный, долгъ. Мало того, несомнѣнный, хотя и печальный, фактъ, что бываютъ и такіе ученые, которые не только не содѣйствуютъ, но даже противодѣйствуютъ, путемъ замалчиванія или неосновательнаго оспариванія, торжеству и распространенію научнаго свѣта, если онъ достигается не ими; и даже, хотя и рѣдко, и такіе, которые для этой низкой цѣли пользуются, въ свою очередь, совершенно недопустимыми этически средствами, даже тѣмъ, которое приводитъ проф. Сергѣевичъ: „буду лгать, когда окажется нужно".

Вообще выставленный проф. Сергѣевичемъ противъ моей теоріи этическихъ явленій упрекъ таковъ, что возникаетъ вопросъ, неужели критикъ самъ вѣритъ въ его серьёзность, неужели онъ дѣйствительно полагаетъ, что подлинная человѣческая этика, въ отличіе отъ того, о чемъ я говорю, неизбѣжно предопредѣляетъ соотвѣтственное поведеніе всѣхъ людей, такъ что не бываетъ и не можетъ быть въ человѣчествѣ лжи, клеветы и иныхъ противныхъ этикѣ поступковъ. Между прочимъ, намъ придется ниже имѣть дѣло съ собственнымъ этическимъ ученіемъ проф. Сергѣевича, въ частности съ его тезисомъ, что „нравственныя обязанности связываютъ нравственнаго человѣка и не связываютъ безнравственнаго" [1]). Но и независимо отъ такого аутентическаго подтвержденія, можно было бы думать, что проф. Сергѣевичъ, конечно, самъ не можетъ вѣрить и не вѣритъ въ такую явную несообразность, какъ абсолютное фактическое подчиненіе этическимъ нормамъ со стороны всѣхъ людей; такъ что его полемика не имѣетъ серьёзно-убѣжденнаго характера, а представляетъ только изо-

---

[1]) Стр. 41 брошюры.

браженіе внѣшняго вида несогласія и спора, такъ же какъ и приведенное выше, лишенное вообще содержанія, полемическое замѣчаніе, начинающееся словами: „Чтобы утверждать противное“ и т. д. Съ этой точки зрѣнія становятся понятными и тѣ затемняющія дѣло и наводящія туманъ полемическія осложненія, съ которыми мы имѣли дѣло выше, въ частности изображеніе дѣла въ такомъ видѣ, что будто, по моему ученію, въ области самодовлѣющей мотиваціи „акція неизбѣжно слѣдуетъ за представленіемъ, какъ въ эмоціи голода она слѣдуетъ за ощущеніемъ“, и послѣдующій споръ противъ этого. У читателей (у которыхъ проф. Сергѣевичъ, повидимому, предполагаетъ не особенно высокую степень внимательности и мыслительныхъ способностей) всетаки можетъ получиться на почвѣ сочетанія этихъ полемическихъ пріемовъ впечатлѣніе дѣйствительной критики и опроверженія.

Между прочимъ, по поводу моей теоріи самодовлѣющей мотиваціи и нормативныхъ сужденій и по поводу моей теоріи этическихъ явленій считаю не лишнимъ сообщить слѣдующее: Традиціонныя психологическія ученія, исходящія изъ тройственнаго дѣленія элементовъ нашей психики: на познаніе (ощущенія, воспріятія, представленія), чувства (наслажденія и страданія) и волю, приводятъ къ толкованію всякаго человѣческаго поведенія, какъ гедонистическаго (направленнаго на сохраненіе или достиженіе наслажденій или избѣганіе страданій) и эгоистическаго [1]); соотвѣтственная теорія поведенія (мотиваціи) лежитъ и въ основаніи разныхъ попытокъ представителей науки этики выяснить психологическую природу этическихъ явленій и соотвѣтственнаго поведенія. Особенность моихъ теорій о составѣ нашей психики, о мотивахъ поведенія и о природѣ нравственнаго и правового сознанія и соотвѣтственнаго поведенія состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что, доказавъ существованіе и дѣйствіе въ человѣческой и животной психикѣ не предусмотрѣнныхъ традиціонною психологію элементовъ—моторныхъ возбужденій, импульсій, я могъ построить совершенно иную,

[1]) Введеніе §§ 8—11.

нежели существующія, теорію поведенія и его мотивовъ, въ частности доказать существованіе разныхъ такихъ видовъ мотивовъ поведенія и поступковъ, которые совершенно чужды гедонизма и эгоизма, въ томъ числѣ указанной выше самодовлѣющей или нормативной мотиваціи и вообще такихъ психическихъ сочетаній (нормативныхъ переживаній), въ которыхъ извѣстное поведеніе отвергается или требуется, какъ таковое, независимо отъ какихъ либо расчетовъ и т. д. На этой почвѣ я строю теорію эстетики и этики, въ частности доказываю, что въ составъ этическихъ переживаній, сознанія долга поступить такъ, а не иначе, и т. д., входятъ особаго рода моторныя возбужденія, представляющіяся намъ какъ внутреннія понуканія поступить такъ, а не иначе, съ особымъ характеромъ высшаго мистическаго авторитета и категоричности требованій („голосъ совѣсти“, „совѣсть повелѣваетъ“ и т. д.); каковыя моторныя возбужденія, подробно мною изучаемыя (Теорія § 2), я называю этическими эмоціями или эмоціями долга. Затѣмъ я различаю два вида эмоцій долга и этическаго сознанія и называю одинъ видъ нравственными эмоціями, нравственнымъ сознаніемъ, другой правовыми эмоціями, правосознаніемъ и т. д. И по моей теоріи, какъ и по господствующимъ ученіямъ, негодяи руководствуются своими личными цѣлями, пользуются безчестными средствами, ложью, клеветою и т. д., не стѣсняясь. Но по моей теоріи, въ отличіе отъ господствующей, не-негодяи, люди съ нормально развитымъ этическимъ сознаніемъ, руководятся вовсе не только гедонистическими и эгоистическими мотивами, а и мотивами болѣе высокаго свойства; въ частности въ нихъ дѣйствуютъ констатированныя мною специфическія моторныя возбужденія, эмоціи нравственныя, правовыя и т. д. [1]). Такое отношеніе моего ученія къ господствующимъ въ современной психологіи и теоріи этики, конечно, не отра-

[1]) Сообразно съ этимъ, между прочимъ, какъ сообщалось недавно въ газетныхъ отчетахъ о свиданіи студентовъ съ Л. Н. Толстымъ, послѣдній усматриваетъ въ моей теоріи права попытку этическаго оправданія и обоснованія права.

жается въ рефератѣ о моемъ ученіи и критикѣ проф. Сергѣевича. Онъ даже считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ поучать меня въ другомъ мѣстѣ брошюры отъ своего имени, что „не одно стремленіе къ наслажденію (гедонизмъ) управляетъ волею человѣка“ (стр. 12 брошюры).

Слѣдующая, послѣ приведенной выше, часть критики проф. Сергѣевича гласитъ: „Далѣе въ „Теоріи“ читаемъ: „Интересующими насъ видами нормативныхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній являются нравственныя и правовыя переживанія. Эти эмоціи имѣютъ нѣкоторыя общія свойства и образуютъ одинъ высшій классъ эмоцій. Этотъ высшій классъ эмоцій мы назовемъ условно эмоціями долга, обязанностями“ (26).

Всякій можетъ думать все, что ему угодно; но, чтобы онъ могъ все, что ему угодно, называть словами, имѣющими опредѣленный и установившійся уже смыслъ, въ этомъ я очень сомнѣваюсь: это можетъ только сбить съ толку читателя. Эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія, какъ мы видѣли, не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ акцій и могутъ вести къ какому угодно поведенію, какой же тутъ долгъ, въ чемъ тутъ обязанность? Тутъ нѣтъ ни долга, ни обязанности. Вмѣсто „назовемъ долгомъ“ автору лучше было бы сказать— „назовемъ X“. Но дѣло въ томъ, кто пишетъ теорію права и нравственности, тому нельзя обойтись безъ понятія долга и обязанности, хотя бы эмоціональная психологія и ничего о нихъ не знала; вотъ почему почтенный профессоръ и называетъ свои эмоціи—эмоціями долга и обязанности, а не буквой X“.

По поводу этой части критики приходится отмѣтить:

Сообщенныя въ кавычкахъ, въ качествѣ точной копіи моего текста, положенія, имѣющія несообразный и научно неграмотный видъ (смѣшеніе „эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній“ съ эмоціями, и отождествленіе обязанностей съ эмоціями) и дающія критику основаніе для слѣдующаго затѣмъ упрека, конечно, представляютъ, несмотря на кавычки, не точную, а соотвѣтственно искаженную копію.

Подлинный текстъ гласитъ:

„Дальнѣйшими и спеціально насъ интересующими видами нормативныхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній являются нравственныя и правовыя переживанія. Соотвѣтственныя, нравственныя и правовыя, аппульсивныя и репульсивныя эмоціи имѣютъ, на ряду съ нѣкоторыми, подлежащими выясненію ниже, различными, отличающими ихъ другъ отъ друга, свойствами, въ то же время нѣкоторыя общія свойства, дающія основаніе образовать одинъ высшій, обнимающій и тѣ, и другія импульсіи, классъ эмоцій. Этотъ высшій классъ импульсій мы назовемъ условно эмоціями долга, обязанности, или этическими эмоціями".

Кромѣ искаженія текста, въ частности замѣны слова „обязанности" (эмоціями обязанности), словомъ „обязанностями", искаженія, создающаго впечатлѣніе совершенно произвольнаго введенія съ моей стороны понятія обязанностей въ качествѣ какого то deus ex machina (путемъ подстановки обязанностей на мѣсто эмоцій), въ основѣ полемическихъ упрековъ проф. Сергѣевича лежитъ еще умолчаніе о содержаніи слѣдующаго у меня въ текстѣ подробнаго ученія объ эмоціяхъ долга и вообще моего ученія о природѣ и составѣ этическихъ явленій (хотя дѣлается видъ сообщенія и критики подлежащаго моего ученія). Изъ соотвѣтствующихъ частей моего ученія (стр. 27 и сл.) отлично видно, откуда появляются обязанности, почему соотвѣтствующія эмоціи я называю эмоціями долга и т. д. Наконецъ, приведенная полемика проф. Сергѣевича заключаетъ въ себѣ еще повтореніе и утилизацію разсмотрѣннаго выше аргумента, извлеченнаго изъ образа дѣйствія безчестныхъ людей, лжецовъ и т. д., аргумента, въ серьёзность котораго самъ критикъ, какъ мы видѣли выше, не можетъ вѣрить и не вѣритъ.

Затѣмъ, проф. Сергѣевичъ сообщаетъ нѣкоторыя положенія моего ученія объ „эмоціональной проекціи" въ области этическихъ явленій (какъ обыкновенно, въ искаженной и научно неграмотной формѣ: „Мы переносимъ на объекты, возбуждающіе въ насъ разныя представленія, наши ощущенія. Это авторъ и называетъ „эмоціональной или импульсивной

проекціей“ и т. д., стр. 24 брошюры. Само собою разумѣется, подъ эмоціональной проекціей я разумѣю не эту психологическую несообразность). При этомъ критикъ сообщаетъ, подчеркиваетъ и повторяетъ, для представленія моего изложенія въ смѣшномъ видѣ, что „авторъ въ объясненіе своей мысли приводитъ примѣръ, и какой примѣръ,—примѣръ жареной телятины (33)“ (стр. 24 брошюры, ср. тамъ же, нѣсколько строчекъ дальше: „Такъ“,—продолжаетъ авторъ... Здѣсь и приводится примѣръ жареной телятины“ и т. д., ср. также стр. 25 брошюры: „какъ и впечатлѣніе, производимое на насъ запахомъ жареной телятины“, стр. 28 „какъ, наримѣръ, жареная телятина“).

Долженъ признаться, что я самъ, прочитавъ эти сообщенія проф. Сергѣевича, не смотря на знаніе дѣйствительнаго характера средствъ литературной борьбы, примѣняемыхъ проф. Сергѣевичемъ, повѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ неосторожность употребить слово „телятина“ и дать этимъ поводъ для дешеваго остроумничанія и вышучиванія. Но, заглянувъ въ подлинный текстъ, убѣдился, что напрасно повѣрилъ, что и здѣсь дѣло не въ моей оплошности, а въ неправдивости противника, придумавшаго показавшійся ему годнымъ для примѣненія своего остроумія примѣръ телятины.

Въ качествѣ возраженія противъ подлежащихъ моихъ положеній (кромѣ представленія ихъ въ смѣшномъ видѣ съ помощью примѣра жареной телятины) проф. Сергѣевичъ опять повторяетъ въ разныхъ формахъ извѣстный уже намъ несерьёзный съ его собственной точки зрѣнія аргументъ: „Я уже указалъ на то, что изъ эмоціональной теоріи нельзя вывести никакихъ обязанностей. Она даетъ не обязанности, а бланкетныя эмоціи“ (стр. 24). „То же послѣдствіе“ (т. е. возможность различнаго отношенія, подчиненія или неподчиненія) „должны имѣть и созданныя въ этомъ отдѣлѣ проекціи, т. е. всякій будетъ поступать, какъ ему угодно, одинъ—такъ, другой иначе“ (стр. 25, 26).

Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, содержащее въ себѣ опять повторенія того же „аргумента“:

„Вотъ результатъ главы (§ 2), такъ много обѣщавшей. Отъ акціонныхъ представленій автору такъ и не удалось перейти къ общимъ нормамъ. Его акціонныя представленія могутъ вызывать у людей самый различный образъ поведенія, смотря по ихъ воспитанію, образованію, нравственности, направленію воли, преслѣдуемой цѣли и т. д.“ и т. д.

II.

Слѣдующій, четвертый, раздѣлъ критики проф. Сергѣевича, подъ заглавіемъ „Право“, представляетъ въ цѣломъ литературное злоупотребленіе. Оно состоитъ въ томъ, что референтъ и критикъ моей теоріи права выдаетъ этотъ отдѣлъ своей критики за сообщеніе и разборъ моего ученія о природѣ права, моего опредѣленія права. Въ дѣйствительности же онъ моего опредѣленія природы права не сообщаетъ читателямъ и не критикуетъ (такъ же, какъ и моего ученія о природѣ этическихъ явленій), а подставляетъ вмѣсто этого нѣкоторыя положенія § 3 Теоріи, имѣющія въ моемъ изложеніи лишь условное и подготовительное значеніе для выясненія дѣйствительной природы права. Вообще тѣ части моего изложенія, которыя заключаютъ въ себѣ мое опредѣленіе права, его обоснованіе, выясненіе содержанія и объема предлагаемаго мною понятія права и т. д., референтъ и критикъ моей теоріи права обходитъ молчаніемъ. Мало того, какъ увидимъ ниже, онъ изображаетъ дѣло такъ, какъ если бы ихъ не было въ книгѣ, путемъ неправильнаго сообщенія о порядкѣ моего изложенія. Я установляю понятіе (опредѣленіе) права, какъ оно представляется мнѣ годнымъ и необходимымъ для цѣлей теоретическаго изученія правовыхъ явленій, въ § 4-мъ теоріи, выясняю объемъ этого понятія въ § 5-мъ, обосновываю и оправдываю предложенное опредѣленіе путемъ вывода изъ него, изложенія и объясненія характерныхъ особенностей права въ §§ 6—12; въ §-ѣ 13 („Служебная роль государства въ области права. Понятіе офиціальнаго права“) я установляю понятіе права, имѣющаго офиціально-

обязательное значеніе въ государствѣ; въ §-ѣ 15-мъ („Рѣшеніе проблемы о природѣ права въ юридическомъ смыслѣ“) я, установивъ и обосновавъ раньше, въ §-ѣ 4-мъ, понятіе права въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ его принято разумѣть въ сферѣ практической юриспруденціи (для цѣлей теоретическаго изученія явленій), выясняю и опредѣляю, съ помощью этого понятія права въ обширномъ смыслѣ, что такое право въ томъ, болѣе узкомъ, смыслѣ, который ему придается практическою юриспруденціею и который соотвѣтствуетъ практическимъ потребностямъ правовой государственной и международной жизни и соціальнымъ функціямъ юриспруденціи. Всѣ эти части изложенія укрываются проф. Сергѣевичемъ отъ взора читателей, а за мое опредѣленіе права выдаются и, какъ таковое, критикуются нѣкоторыя подготовительныя замѣчанія 3-го §-а. Эта подстановка имѣетъ для моей теоріи дискредитирующее значеніе въ различныхъ отношеніяхъ и направленіяхъ, между прочимъ въ томъ отношеніи, что, если повѣрить сообщеніямъ проф. Сергѣевича о моемъ опредѣленіи понятія права, то оказывается, что то, что я разумѣю подъ правомъ и опредѣляю какъ таковое, по моимъ же собственнымъ объясненіямъ, не существуетъ въ дѣйствительности, есть нѣчто несуществующее. Между прочимъ, проф. Сергѣевичъ почему то не пользуется случаемъ, чтобы констатировать въ ясной и опредѣленной формѣ соотвѣтственную нелѣпость всей моей теоріи права (только нѣкоторые намеки на это можно развѣ усмотрѣть въ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаніяхъ критика, ср. стр. 28 брошюры: „Итакъ, права выводятся изъ обязанностей; обязанности однихъ лицъ, закрѣпленныя за другими, это и будутъ ихъ права“.

Откуда взялись эти закрѣпленныя за другими обязанности?

Выше, говоря объ этическихъ эмоціяхъ, авторъ условно присвоилъ имъ наименованіе долга, обязанности (27); но потомъ онъ объяснилъ, что его обязанности не имѣютъ никакого реальнаго значенія, это фантазмы, т. е. чисто субъективныя ощущенія, постоянно мѣняющіяся. Одинъ и тотъ же

предметъ можетъ то привлекать насъ, то отталкивать, какъ, напримѣръ, жареная телятина. Итакъ, обязанностямъ автора совершенно чуждо свойство нормъ, это чисто субъективныя ощущенія, не подлежащія какому либо за кѣмъ либо закрѣпленію. Изъ нихъ нельзя вывести никакихъ нормъ права" [1]). Ср. стр. 31 брошюры: „Итакъ, право не существуетъ само по себѣ: „это долги однихъ, закрѣпленные за другими", что авторъ и называетъ правомъ этихъ послѣднихъ"). Можетъ быть критикъ не использовалъ, какъ слѣдуетъ быть, такого удобнаго случая разгромить и осмѣшить мою теорію права потому, что читатель, до сихъ поръ довѣрчиво читавшій его сообщенія о моихъ ученіяхъ, могъ бы здѣсь не повѣрить, и, въ виду ужъ слишкомъ невѣроятнаго абсурда, справиться въ моей книгѣ, и узнать дѣйствительное положеніе вещей; можетъ быть, причины были другія какія либо, не берусь судить.

Указанною подстановкою проф. Сергѣевичъ не довольствуется, а осложняетъ свою критику цѣлымъ рядомъ другихъ литературныхъ злоупотребленій.

Начинается подлежащій раздѣлъ критики сообщеніемъ:

„Судя по заглавію книги „Теорія права и государства" читатель можетъ подумать, что авторъ говоритъ о правѣ всѣмъ въ нѣкоторой степени извѣстномъ,—и жестоко ошибется. Онъ прямо и рѣшительно утверждаетъ, что его право вовсе не то, что „юристы относятъ къ праву, т. е. называютъ правомъ" (83).

Здѣсь комбинація трехъ полемическихъ неправильностей, во первыхъ искаженіе смысла сообщаемаго тезиса, говорящаго не о „моемъ правѣ", а о моемъ опредѣленіи права (въ предлагаемомъ мною широкомъ смыслѣ), а именно о томъ,

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній и здѣсь необходимо оговориться, что мои положенія и здѣсь, какъ и въ другихъ сообщеніяхъ проф. Сергѣевича, приводятся въ искаженномъ видѣ. Такихъ несообразностей и неграмотностей съ научно-психологической точки зрѣнія, какъ присвоеніе эмоціямъ (этическимъ) наименованія долга, обязанности, смѣшеніе обязанностей съ ощущеніями и т. п., у меня, конечно, нѣтъ. Но то, что я обязанности называю фантазмами, дѣйствительно правда (объясненіе, въ какомъ смыслѣ и почему я такъ говорю, потребовало бы здѣсь слишкомъ много мѣста).

что это понятіе права „не имѣетъ смысла опредѣленія того, что юристы относятъ къ праву“. Во вторыхъ, критику, конечно, отлично извѣстно, что читатель, ищущій въ моей книгѣ выясненія природы и состава той группы явленій, которую юристы называютъ правомъ, найдетъ въ подлежащемъ мѣстѣ, уже по оглавленію, обстоятельный отвѣтъ и на этотъ вопросъ, а не „жестоко ошибется“. Въ третьихъ, добросовѣстный критикъ, сообщая такой тезисъ, счелъ бы себя обязаннымъ сообщить и мои объясненія, мои основанія въ пользу такого отступленія отъ общепринятаго [1]).

Далѣе, проф. Сергѣевичъ сообщаетъ: „Онъ очень невысоко ставитъ способность современныхъ юристовъ понимать то, о чемъ они говорятъ“ и въ подтвержденіе этого приводитъ рядъ цитатъ, вырванныхъ изъ разныхъ, объясняющихъ и обосновывающихъ подлежащія положенія, контекстовъ; причемъ создается впечатлѣніе, что я отношусь отрицательно не только къ современной теоріи права, но и къ современной наукѣ и ученымъ вообще. „Современные ученые не умѣютъ опредѣлить того, о чемъ они строятъ свои теоріи“ (233), сообщаетъ проф. Сергѣевичъ на стр. 27 брошюры въ кавычкахъ, какъ подлинный текстъ, для дискредитированія меня. Если бы проф. Сергѣевичъ не примѣнилъ здѣсь своего обычнаго средства литературной борьбы—злоупотребленія кавычками, и привелъ подлинный текстъ, изъ котораго видно, что рѣчь идетъ не только не объ ученыхъ вообще, но даже и не объ ученыхъ юристахъ вообще, а спеціально о представителяхъ общей *теоріи* права (въ отличіе отъ догматической

---

[1]) Впрочемъ, во избѣжаніе недоразумѣній по поводу такого требованія, пожалуй слишкомъ высокаго и неумѣстнаго по отношенію къ такой критикѣ, какъ разсматриваемая, оговорюсь, что оно не означаетъ, будто въ другихъ мѣстахъ проф. Сергѣевичъ, сообщая мои тезисы, кажущіеся странными, если не знать основаній, сообщаетъ эти основанія. Напротивъ, реферируя содержаніе моихъ сочиненій проф. Сергѣевичъ систематически пользуется новизною этихъ ученій для того, чтобы дискредитировать ихъ уже укрываніемъ основаній и сообщеніемъ въ странномъ для читателя и непонятномъ видѣ. Но если бы останавливаться вездѣ на указаніи и объясненіи и такихъ или тому подобныхъ неправильностей критики, то это потребовало бы очень много мѣста и времени.

юриспруденціи) [1]), то и это было бы все-таки литературнымъ злоупотребленіемъ; ибо оно означало бы выставленіе, какъ простого порицанія въ общихъ выраженіяхъ, того, что у меня подробно обосновано и введено въ текстъ не для выраженія порицанія, а для пониманія дальнѣйшихъ тезисовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ демонстрирующее безпристрастіе и усиливающее литературный тріумфъ проф. Сергѣевича, побѣдоносно разрушающаго мои ученія, восклицаніе: „И это говоритъ глубокій юристъ, труды котораго пользуются почетною извѣстностью и не у насъ только, но и въ Германіи, гдѣ онъ легко могъ бы занять каѳедру въ любомъ университетѣ. Давно было замѣчено, что „жрецы“ первые теряютъ вѣру въ своихъ боговъ. Много ужъ очень знаютъ эти жрецы!“

Далѣе идетъ повтореніе еще разъ разсмотрѣннаго выше аргумента, извлеченнаго изъ поведенія лжецовъ и т. д., для постановки вопроса: „Какъ же перейти отъ дѣйствій съ чисто субъективнымъ характеромъ къ нормамъ права? Эмоціональная психологія ничего не знаетъ о правѣ. Откуда же беретъ нашъ авторъ право?“

Затѣмъ, критикъ, не сообщая имѣющагося у меня подробнаго отвѣта на этотъ вопросъ и вообще тщательно скрывая во всемъ своемъ разборѣ моей „Теоріи права“ мою теорію права (основанную на данныхъ эмоціональной психологіи и находящуюся уже по формулѣ опредѣленія въ ясной

---

[1]) Въ подлинномъ текстѣ, послѣ опредѣленія права въ юридическомъ смыслѣ и указанія, что соотвѣтственное, болѣе узкое, пониманіе права годно для цѣлей практической юриспруденціи, и послѣ указанія принципіальнаго различія между догматическою юриспруденціею и *теоріей права*, слѣдуетъ текстъ: „Избрать для построенія *этой науки* (въ текстѣ подчеркнуто) въ качествѣ объекта изученія право въ *юридическомъ смыслѣ* (какъ это дѣлаютъ современные ученые, хотя и не умѣютъ опредѣлить того, о чемъ они строятъ свои теоріи), было бы ненаучно, несмотря на выясненіе природы этого права“.

Между прочимъ, что теоретики права дѣйствительно находятся въ такомъ положеніи, не только подробно выясняется и доказывается въ моей книгѣ, но признается, какъ въ свою очередь видно изъ моей книги, и другими. Тутъ же рядомъ, въ примѣчаніи на стр. 232, у меня приводятся, между прочимъ, слова Бергбома: „Если меня не спрашиваютъ, то я знаю“, отвѣтилъ святой Августинъ на вопросъ, что такое „время“—подходящая отговорка и для юристовъ, которымъ стали бы надоѣдать вопросомъ, что такое право“.

и несомнѣнной связи съ этими данными), сообщаетъ въ кавычкахъ слѣдующія, производящія въ этой связи дѣйствительно впечатлѣніе какого то deus ex machina, положенія изъ § 3 моей книги:

„Правовыя обязанности“,—говоритъ онъ,—„долги однихъ, закрѣпленные за другими, разсматриваемые съ точки зрѣнія той стороны, которой долгъ принадлежитъ, мы, съ точки зрѣнія актива, будемъ называть правами. Наши права суть закрѣпленные за нами, принадлежащіе намъ, какъ нашъ активъ, долги другихъ лицъ“ (47). „То, къ чему обязаны одни, причитается, слѣдуетъ другимъ, какъ нѣчто имъ должное, авторитетно имъ предоставленное, за ними закрѣпленное (attributum), обязательно-притязательныя, императивно-аттрибутивныя нормы“ (56).

Далѣе слѣдуетъ приведенный мною выше, на стр. 63 passus, въ которомъ критикъ, ссылаясь на мою характеристику обязанностей, какъ эмоціональныхъ проекцій, фантазмъ, и на примѣръ „жареной телятины“, приходитъ къ заключенію, что „обязанностямъ автора совершенно чуждо свойство нормъ, это чисто субъективныя ощущенія, не подлежащія какому либо за кѣмъ закрѣпленію. Изъ нихъ нельзя вывести никакихъ нормъ права“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что я вовсе и не утверждаю, что обязанности обладаютъ свойствами нормъ права (что было бы смѣшеніемъ двухъ совершенно различныхъ объектовъ мысли: „обязанностей“ и „нормъ“) и, точно также, не вывожу нормъ изъ обязанностей (что съ точки зрѣнія моей теоріи права тоже было бы несообразностью).

Мои положенія относительно нормъ въ § 3 состоятъ въ слѣдующемъ:

„Нѣкоторыя нормы установляютъ свободныя по отношенію къ другимъ обязанности, авторитетно предписываютъ намъ извѣстное поведеніе, но не даютъ другимъ никакого притязанія на исполненіе, никакихъ правъ—односторонне обязательныя, безпритязательныя, чисто императивныя нормы. Таковы, напр., нормы, соотвѣтствующія извѣстнымъ евангельскимъ изреченіямъ:

„А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“ и т. д.

Въ психикѣ проповѣдывавшихъ и переживавшихъ или переживающихъ такія этическія сужденія соотвѣтственныя нормы, конечно, не имѣютъ такого смысла, чтобы онѣ устанавливали соотвѣтственныя притязанія для обидчиковъ, чтобы онѣ надѣляли ихъ правомъ требовать подставленія для удара другой щеки, чтобы отнявшему рубашку, такъ сказать, въ награду за это, причиталось еще, слѣдовало получить и верхнее платье обиженнаго, и т. п.

То же относится къ другимъ нормамъ евангельской, подлинной христіанской, этики. Ибо по духу этой этики (въ этомъ отношеніи коренным образомъ отличной, напр., отъ библейской этики, ср. ниже § 5) люди обязаны по отношенію къ ближнимъ къ весьма многому и даже трудно исполнимому, но притязаній на исполненіе этого со стороны ближнихъ нѣтъ и не должно быть. Христіанская этика совсѣмъ безпритязательная этика, и если въ средніе вѣка и въ новое время съ разныхъ сторонъ изъ евангельскихъ заповѣдей добросовѣстно выводились и выводятся разныя права и притязанія (церковнаго, соціальнаго характера и т. п.), то это полное непониманіе самаго существа и квинтэссенціи всего ученія.

Другія нормы, установляя обязанности для одныхъ, закрѣпляютъ эти обязанности за другими, даютъ имъ права, притязанія, такъ что по этимъ нормамъ то, къ чему обязаны одни, причитается, слѣдуетъ другимъ, какъ нѣчто имъ должное, авторитетно имъ предоставленное, за ними закрѣпленное (attributum)—обязательно-притязательныя, императивно-атрибутивныя нормы.

Таковы, напримѣръ, нормы, соотвѣтствующія изреченіямъ:

„Какъ по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, то всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому-либо вредъ или убытки

съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой производятъ право требовать вознагражденіе" (гражд. зак., ст. 574).

„А на коемъ сребро имати (если съ кого причитается другому извѣстная сумма денегъ—правоотношеніе), и тотъ человѣкъ до зароку (до срока) оучнетъ сребро отдавать кому виноватъ, ино *гостинца дать* (то онъ обязанъ уплатить проценты), *по счету ему взять*" (другой сторонѣ причитается получить проценты соотвѣтственно суммѣ капитала, безъ всякихъ вычетовъ).

Нормы перваго рода, односторонне-обязательныя, безпритязательныя, чисто императивныя нормы, мы будемъ называть нравственными нормами.

Нормы второго рода, обязательно-притязательныя, императивно-аттрибутивныя нормы, мы будемъ называть правовыми или юридическими нормами.

Двойственный, обязательно-притязательный характеръ правовыхъ нормъ отражается иногда въ юридической рѣчи, въ изреченіяхъ, выражающихъ содержаніе правовыхъ нормъ, въ весьма наглядной и поразительной формѣ, состоящей въ томъ, что содержаніе подлежащей нормы сообщается путемъ двухъ предложеній: одного, указывающаго на обязанность одной стороны, и другого, указывающаго на притязаніе, право другой стороны" и т. д.

Какъ уже упомянуто выше, положенія § 3-го являются въ моемъ изслѣдованіи лишь условными и подготовительными положеніями, и не заключаютъ въ себѣ моего, существенно отличнаго отъ этихъ тезисовъ, опредѣленія права, которое находится въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ § 4 и т. д. Какъ у меня въ началѣ 3-го §-а (стр. 45, I изд.) подчеркивается, рѣчь здѣсь идетъ лишь о „проекціяхъ", т. е. не о природѣ права и нравственности, какъ реальныхъ феноменовъ, а о томъ, что наивному, некритическому воззрѣнію на почвѣ переживанія актовъ этическаго сознанія представляется (ошибочно) реально существующимъ.

Но разъ критикъ рѣшилъ скрыть отъ читателя мое опредѣленіе права и вообще мою психологическую, на почвѣ

данныхъ эмоціональной психологіи построенную, теорію права и подставить на мѣсто нихъ тезисы подготовительнаго 3-го §-а, то, казалось бы, ему слѣдовало, по крайней мѣрѣ, усмотрѣть мое опредѣленіе права въ приведенныхъ только что положеніяхъ о нормахъ права, сообщить ихъ читателю и противъ нихъ направить свою критику, долженствующую имѣть видъ критики и разгрома моего опредѣленія права. Но и это неугодно проф. Сергѣевичу. Свое главное и основное литературное злоупотребленіе, укрываніе моего опредѣленія и вообще моей психологической теоріи права и подстановку вмѣсто этого тезисовъ 3-го §-а, онъ осложняетъ дальнѣйшимъ, состоящимъ въ произвольномъ выборѣ и выставленіи въ качествѣ моего опредѣленія права изъ тезисовъ 3-го §-а именно положенія о правахъ въ субъективномъ смыслѣ, правомочіяхъ, правопритязаніяхъ.

Для внушенія читателю мысли, будто мое опредѣленіе права заключается въ положеніи, что наши права суть закрѣпленные за нами, принадлежащіе намъ, какъ нашъ активъ, долги другихъ лицъ, проф. Сергѣевичъ совершаетъ различныя манипуляціи.

Наиболѣе простой и открытый способъ состоитъ въ систематическомъ называніи этого тезиса по различнымъ поводамъ моимъ „опредѣленіемъ права" (ср. стр. 28, 29, 30 и т. д.). Болѣе „дипломатическій" видъ имѣютъ манипуляціи, состоящія въ томъ, что проф. Сергѣевичъ вмѣсто моего выраженія „права"—множественное число, въ разныхъ контекстахъ подставляетъ единственное число „право" (ср., напр., стр. 31 брошюры, „Итакъ, право не существуетъ само по себѣ: „это долги однихъ, закрѣпленные за другими". . . нашъ авторъ утверждаетъ, что это только и есть право" и т. п.), дѣлаетъ соотвѣтственныя противопоставленія (ср., напр., стр. 34: „Народъ понимаетъ право не какъ долгъ, а какъ „правду". Древнѣйшій сборникъ нашего права озаглавленъ: „А се есть правда русская.") и т. п. Дальнѣйшія манипуляціи въ томъ же направленіи состоятъ въ обезвреживаніи для цѣлей критики приведенныхъ положеній о природѣ юридическихъ нормъ. Совсѣмъ скрыть слѣды этихъ положеній

критикъ почему то не рѣшается или не считаетъ необходимымъ. Въ непонятной и потому уже мало замѣтной для читателя формѣ эти слѣды имѣются среди прочихъ тезисовъ въ изложеніи проф. Сергѣевича. Такъ, въ перепечатанномъ выше, стр. 67, сообщеніи моихъ тезисовъ въ кавычкахъ, рядомъ съ тезисами о правахъ критикомъ поставлена въ видѣ какого то добавленія къ этимъ тезисамъ часть придаточнаго предложенія, взятая изъ моего тезиса о нормахъ права, имѣющая вслѣдствіе произвольнаго скрытія главнаго предложенія неграмотный и непонятный видъ, при чемъ критикъ скрываетъ и то обстоятельство, что говорится о нормахъ права. Для читателя получается впечатлѣніе какого то неграмотнаго и непонятнаго изложенія съ моей стороны тезиса объ обязанностяхъ и правахъ.

Второй слѣдъ тезисовъ о нормахъ права §-а 3-го имѣется въ слѣдующемъ кускѣ текста критики, на стр. 29: „Не измѣняетъ существа дѣла и терминъ „императивъ" въ выраженіи: „право состоитъ изъ императивно-аттрибутивныхъ нормъ". Мы уже знаемъ, что императивы автора вовсе не означаютъ велѣній чьей либо воли, это моторныя возбужденія, совершенно сходныя, какъ онъ самъ говоритъ, съ моторными возбужденіями, вызываемыми обращенными къ намъ повелѣніями. А мы тоже знаемъ, что повелѣнія могутъ возбуждать и подчиненіе, и сопротивленіе, кому что нравится, а общихъ нормъ никакихъ" [1]).

Третій слѣдъ заключается въ приведенныхъ выше словахъ критика: „Итакъ, обязанностямъ автора совершенно чуждо свойство нормъ..." и т. д., поддерживающихъ впечатлѣніе, будто мое опредѣленіе права исходитъ изъ понятія обязанностей, упоминаніе о нормахъ имѣетъ какое то несамостоятельное и несущественное значеніе и т. д.

Какъ бы то ни было, проф. Сергѣевичъ, съ помощью

---

[1]) Разумѣется, такой несообразности, какъ отождествленіе нормъ, императивовъ, съ моторными возбужденіями, я нигдѣ не высказываю. Но суть „аргумента" критики состоитъ въ повтореніи еще разъ того уже извѣстнаго намъ упрека, что нормы въ моемъ смыслѣ не всегда неизбѣжно вызываютъ требуемое поведеніе, что лжецы все таки лгутъ и проч.

различныхъ пріемовъ изображаетъ дѣло такъ, что мое опредѣленіе права, т. е. центральная и основная часть всего моего ученія о правѣ, заключается въ приведенномъ положеніи объ обязанностяхъ и правахъ. Если для достиженія такой полемической фальсификаціи производится столько усилій, дѣлается столько непозволительныхъ и рискованныхъ манипуляцій, то, вѣроятно, слѣдуетъ ожидать соотвѣтственнаго результата, по крайней мѣрѣ солиднаго разгрома избраннаго и облюбованнаго для созданія впечатлѣнія уничтоженія моего опредѣленія права частнаго и условнаго тезиса; но—и это въ свою очередь странно и поразительно—такъ подготовленная и обставленная критика, въ свою очередь, имѣетъ весьма печальный и жалкій видъ.

Изобразивъ путемъ приведенныхъ аргументовъ дѣло такъ, что изъ эмоціональной психологіи нельзя вывести никакихъ обязанностей и нормъ потому, что каждый можетъ поступать какъ ему угодно, что этическія эмоціи бланкетны и т. д., критикъ затѣмъ приводитъ рядъ аргументовъ, яко бы опровергающихъ мое новое опредѣленіе права, причемъ нѣкоторые изъ этихъ аргументовъ онъ называетъ разборомъ моего опредѣленія права „по существу".

Первое возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ:

„Въ доказательство вѣрности своего опредѣленія права онъ ссылается, кто бы могъ подумать,—на Сводъ законовъ. „Между прочимъ",—читаемъ у него,—„такое словоупотребленіе встрѣчается и въ русскомъ Сводѣ законовъ" (43). И затѣмъ приводитъ двѣ статьи: „Обязательства всякаго рода принадлежатъ къ имуществамъ движимымъ". И „имущества долговыя суть всѣ имущества, въ долгахъ на другихъ лицахъ состоящія" (48).

„Сокровищница нашего Свода законовъ заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для рѣшенія всевозможныхъ вопросовъ; всякій утопающій найдетъ въ немъ соломинку, за которую и можетъ ухватиться; но, чтобы онъ могъ спасти автора эмоціональной теоріи права въ данномъ случаѣ, этого я не могу сказать. Автору надо было привести доказательства вѣрности сдѣланнаго имъ опредѣленія права, а онъ ссылается

на статьи, гдѣ есть такое же „словоупотребленіе“, какъ и у него: онъ говоритъ объ обязанностяхъ и долгахъ, и Сводъ законовъ говоритъ о томъ же. Кто употребляетъ слова „обязанность и долгъ“, тотъ этимъ подтверждаетъ эмоціональную теорію права! Кто же не говоритъ о долгахъ? Всѣ говорятъ, только одни о своихъ, а другіе—о чужихъ. Значитъ, теорія автора принята всѣми?!“

И это возраженіе представляетъ сочетаніе полемическихъ злоупотребленій. На страницѣ, на которую ссылается критикъ (48, не 43), у меня говорится:

„Что права съ точки зрѣнія народной правовой психики представляютъ не что иное, какъ закрѣпленные за нами, намъ принадлежащіе, долги этихъ другихъ, подтверждается тѣмъ, общераспространеннымъ среди различныхъ народовъ, явленіемъ, что народная рѣчь на ряду со словами, соотвѣтствующими нашимъ современнымъ выраженіямъ: „право“, „правопритязаніе“, „требованіе“, или вмѣсто этихъ выраженій, пользуется, какъ равнозначащими оборотами, указаніемъ на активную принадлежность данному субъекту долга, обязательства другого лица“.

Затѣмъ въ подтвержденіе *этого положенія* приводятся соотвѣтственныя данныя, т. е. данныя, касающіяся многихъ и различныхъ народовъ, ихъ языковъ и юр. памятниковъ: русскаго народа (при чемъ приводятся цитаты изъ юр. памятниковъ разныхъ эпохъ, въ частности, кромѣ Свода законовъ, изъ Псковской Судной Грамоты, Русской Правды, Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, стр. 49, 50, ср. также сообщеніе, касающееся древнихъ завѣщаній „въ завѣщаніяхъ поручается наслѣднику: „долгъ собрати, долгъ заплатити“, т. е. осуществить права требованія наслѣдодателя въ свою пользу и уплатить его долги“, тамъ же стр. 49) и другихъ славянскихъ народовъ (польскаго, чешскаго, сербскаго), германскихъ народовъ (при чемъ сообщается соотвѣтственная терминологія древнихъ памятниковъ нѣмецкаго, шведскаго, норвежскаго и исландскаго права), народовъ греко-римской вѣтви языковъ (сообщается подлежащая греческая, латинская, французская, итальянская, испанская, пор-

тугальская терминологія), семитическихъ народовъ (древнееврейская, арабская терминологія), народовъ монгольской расы. При этомъ, между прочимъ, изъ области юридическихъ памятниковъ и юридическаго словоупотребленія другихъ народовъ приводятся еще болѣе интересныя и поразительныя иллюстраціи, чѣмъ изъ области русскихъ памятниковъ.

Сюда, между прочимъ, относится терминологія Code civil, по которой права требованія изображаются выраженіемъ: активные долги (dettes actives, Code, Art. 533), и такая же итальянская терминологія (debiti attivi), испанская (deuda activa), португальская (dividas activas), англійская (debts active and passive); далѣе сюда относится терминологія, по которой понятіе управомоченный изображается путемъ выраженій хозяинъ, господинъ долга (другого), Schuldherr древне-нѣмецкихъ памятниковъ, skuldugher шведскихъ, skyldugr норвежскихъ и исландскихъ юр. памятниковъ, baal chow (господинъ долга) древне-еврейскаго права, sahib haqq (хозяинъ долга) арабскаго права и такія же выраженія китайскаго и корейскаго языковъ.

Далѣе у меня приводятся подтверждающія то же юр. обряды и символическія дѣйствія различныхъ народовъ на разныхъ ступеняхъ развитія и т. д.

Объ этихъ частяхъ изложенія мнѣ, между прочимъ, приходилось упоминать выше для иллюстраціи правдивости сообщеній проф. Сергѣевича о томъ, что я признаю и примѣняю только методъ самонаблюденія, а до психики другихъ людей, письменныхъ памятниковъ и т. д. мнѣ никакого дѣла нѣтъ.

Эти же части изложенія являются и иллюстраціей правдивости сообщенія проф. Сергѣевича о томъ, что „въ доказательство вѣрности своего опредѣленія права“ я ссылаюсь на двѣ статьи Свода Законовъ, въ которомъ всякій утопающій можетъ найти соломинку и т. д.

Почему критикъ ужъ лучше не сообщилъ, что для доказательства правильности своего опредѣленія права я обратился къ корейскому полуострову и сообщаю, что тамъ управомоченный называется tsaj-tschu (господинъ долга) или т. п.?

Это была бы еще болѣе благопріятная почва для ироніи, для изображенія моего „доказательства вѣрности своего опредѣленія права“ въ жалкомъ видѣ, а нарушеніе правилъ литературной этики было бы не больше, чѣмъ то, которое онъ сдѣлалъ.

Второе литературное злоупотребленіе, заключающееся въ приведенной части критики, состоитъ въ томъ, что проф. Сергѣевичъ по поводу избранныхъ имъ изъ множества приводимаго матеріала двухъ статей Свода для изображенія ихъ, какъ моей единственной опоры, еще утверждаетъ, что подлежащія изреченія не подтверждаютъ того, въ подтвержденіе чего я ихъ привожу. Дѣло въ томъ, что не только подлежащія статьи ясно и несомнѣнно подтверждаютъ мой тезисъ, характеризуя наши права, какъ обязательства, долги другихъ лицъ, принадлежащіе намъ, составляющіе наше имущество, но, что еще хуже, проф. Сергѣевичъ отлично объ этомъ знаетъ и въ другомъ мѣстѣ своей статьи, гдѣ это ему нужно для другихъ цѣлей, самъ указываетъ, что это такъ. А именно, на стр. 31 брошюры, гдѣ ему нужно устроить иное литературное злоупотребленіе,—внушить читателю мысль, будто выставляемый мною, какъ мое открытіе, тезисъ о правахъ представляетъ на самомъ дѣлѣ уже до меня открытую и общеизвѣстную истину, проф. Сергѣевичъ говоритъ: „Что долги однихъ составляютъ право другихъ, это признаетъ и традиціонная школа, и Сводъ законовъ. Это не новость“. Поразительны та смѣлость и откровенность, та увѣренность въ довѣрчивости и невнимательности читателя, которыя примѣняются въ этихъ манипуляціяхъ проф. Сергѣевичемъ.

Третье, по существу главное и основное, литературное злоупотребленіе, заключающееся въ приведенной части критики, видно уже изъ указаннаго мною выше и состоитъ въ подстановкѣ вмѣсто моего подлиннаго опредѣленія права тезиса о правахъ. На этой почвѣ здѣсь получается то компрометирующее меня впечатлѣніе, что я въ пользу тезиса, долженствующаго изображать объективную, реальную природу права, вмѣсто соотвѣтственныхъ доказательствъ, ссылаюсь на чужія мнѣнія, выразившіяся въ соотвѣтственномъ словоупотребленіи

(на воззрѣнія автора или авторовъ приводимыхъ изреченій Свода).

Въ дѣйствительности мое опредѣленіе права, укрываемое проф. Сергѣевичемъ отъ взора читателей его критики моей теоріи права, имѣетъ совсѣмъ иной характеръ и иное содержаніе, нежели подставляемый критикомъ вмѣсто него тезисъ, и въ доказательство правильности его я привожу иныя доказательства, нежели статьи Свода и прочій матеріалъ, упомянутый выше. Доказательства эти слишкомъ обильны и обширны для того, чтобы ихъ можно было здѣсь сообщить, хотя бы въ видѣ главныхъ тезисовъ. Укажу только, что доказательству правильности моего опредѣленія права посвящены, во-первыхъ § 4 (содержаніе котораго проф. Сергѣевичемъ скрывается), гдѣ въ заключеніе дается опредѣленіе права, во вторыхъ 11 слѣдующихъ параграфовъ (ихъ содержаніе тоже скрывается критикомъ предъ читателями), какъ это указывается, между прочимъ, въ § 6, на почвѣ методологическихъ соображеній Введенія объ образованіи и средствахъ доказательства правильности научныхъ понятій. (Въ третьихъ подтвержденіе правильности моего понятія права представляетъ содержаніе §§ 17—21, гдѣ доказывается неприемлемость другихъ воззрѣній, а равно все содержаніе 2-го тома моего труда, гдѣ путемъ рѣшенія частныхъ вопросовъ теоріи права съ точки зрѣнія установленнаго и обоснованнаго раньше понятія права и доказательства невозможности ихъ рѣшенія съ точки зрѣнія прежнихъ воззрѣній на природу права доставляются дальнѣйшія подтвержденія правильности теоріи).

Что же касается тезиса о правахъ, то для *его* подтвержденія я привожу матеріалъ изъ области языковъ разныхъ народовъ, обрядовъ, символическихъ дѣйствій, отражающихъ народныя воззрѣнія и т. д. потому, что *этотъ тезисъ* выражаетъ не мое опредѣленіе реальной природы права, а изображеніе того, какъ представляется дѣло съ точки зрѣнія обычной правовой психики, наивно представляющей себѣ дѣло въ области проекціи обязанностей и правъ въ субъективномъ смыслѣ такъ, что на одномъ субъектѣ лежитъ, другому принадлежитъ долгъ и т. д. Т. е. мои доказательства

вполнѣ адэкватны природѣ подлежащаго тезиса, также какъ и мои подлинныя, обильныя и обширныя, доказательства другого, болѣе важнаго тезиса, а именно тезиса о подлинной, реальной природѣ права имѣютъ тоже адэкватный природѣ этого другого тезиса характеръ.

Устроивъ комедію опроверженія моего „доказательства вѣрности своего опредѣленія права", критикъ заявляетъ, что онъ подвергнетъ мое опредѣленіе права разбору по *существу*. „Теперь перейду къ разбору его опредѣленія по существу. Это необходимо сдѣлать въ виду того огромнаго значенія, какое онъ придаетъ своему опредѣленію: оно должно разрѣшить всю ту неурядицу, которая господствуетъ въ современной юриспруденціи" (стр. 30, 31).

Разумѣется, и это сообщеніе неправильно, ибо то „огромное значеніе", о которомъ говоритъ критикъ, я придаю не тому тезису, который дальше критикуетъ „по существу" проф. Сергѣевичъ подъ видомъ критики моего опредѣленія права, а другимъ положеніямъ; но интересно какія возраженія „по существу" сумѣлъ найти критикъ противъ избраннаго для критики тезиса.

Повторивъ еще разъ долженствующій изображать мое опредѣленіе права тезисъ объ обязанностяхъ и правахъ, критикъ говоритъ:

„Итакъ, право не существуетъ само по себѣ: „это долги однихъ, закрѣпленные за другими", что авторъ и называетъ правомъ этихъ послѣднихъ. Что долги однихъ составляютъ право другихъ, это признаетъ и традиціонная школа и Сводъ законовъ. Это не новость. Но нашъ авторъ утверждаетъ, что это только и есть право. Вотъ это новость. Если эту новость принять, то изъ области права придется выбросить массу явленій, которыя цѣлыя тысячелѣтія считались правовыми. Приведу два-три примѣра. Въ древнемъ Римѣ патриціи имѣли одни права, плебеи—другія. Первымъ, въ древнѣйшее время принадлежали всѣ политическія права, а потому и господство въ государствѣ. Они были избиратели и избираемые во всѣ должности. До республики они имѣли право избирать и быть избранными въ цари, въ періодъ республики—въ кон-

сулы, преторы и т. д.; избраніе въ жреческія должности осталось за ними и въ имперіи. У нихъ были особенности и въ гражданскомъ правѣ: они могли имѣть особую квиритскую собственность, которая и пріобрѣталась особымъ способомъ; ихъ браки совершались при соблюденіи особыхъ формальностей, которыми не пользовались плебеи. Благодаря политическимъ правамъ патриціевъ, они долгое время господствовали надъ плебеями. Только послѣ тяжелой и продолжительной борьбы плебеямъ удалось пріобрѣсти участіе въ политической жизни Рима и ограничить всемогущество патриціевъ. По новому ученію, если у патриціевъ были дѣйствительно права, то имъ должны были отвѣчать съ нѣкоторой другой стороны соотвѣтственныя обязанности, которыя и создали эти права, такъ какъ у автора права существуютъ не сами по себѣ, а вызываются обязанностями. Въ чемъ же состояли и у кого были эти обязанности? Нѣкоторый патрицій выставляетъ свою кандидатуру въ цари или консулы,— кто обязанъ выбрать его въ эти должности? Никто не только не обязанъ, но каждый можетъ противодѣйствовать его избранію. То же надо сказать и о его гражданскихъ правахъ. Если нѣкоторый патрицій желаетъ имѣть квиритскую собственность или вступить въ бракъ, онъ можетъ это сдѣлать, но при условіи, если въ первомъ случаѣ есть продавецъ такой собственности, а во второмъ—подходящая особа и согласіе лицъ, имѣющихъ на то право. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ никакихъ лицъ, которыя были бы что-либо обязаны для него сдѣлать, были бы ему что нибудь должны. Наоборотъ, каждый въ правѣ разстроить и продажу ему квиритской собственности, и вступленіе въ бракъ съ извѣстной особой. Активу патриція, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ никакой пассивъ. Примѣры такого же рода можно привести и изъ нашей исторіи. Квиритовъ у насъ не было, но были дворяне. Императрица Екатерина предоставила имъ весьма важныя права: они избирали изъ своей среды предводителей, судей, исправниковъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все мѣстное управленіе и судъ. Какъ и въ Римѣ, это выдающееся положеніе отразилось и на гра-

жданскихъ правахъ дворянъ. Только они могли владѣть населенными имѣніями да и вообще сельскими недвижимостями. Этимъ правамъ такъ же, какъ и въ Римѣ, не соотвѣтствовали никакія обязанности другихъ лицъ. И въ древнее и въ новое время и во всѣхъ государствахъ частнымъ лицамъ предоставляется право распоряжаться имуществомъ на случай смерти. Этому праву тоже не соотвѣтствуетъ никакая обязанность со стороны другихъ лицъ. Я бы могъ продолжать мои примѣры, но это ни для кого не нужно: сторонники традиціонной школы сами ихъ хорошо знаютъ, а нашъ авторъ отрицаетъ всякое ихъ значеніе. Онъ предусматривалъ такія возраженія и напередъ на нихъ отвѣтилъ. Явленія, относимыя традиціонной школой къ праву, если они не имѣютъ своимъ признакомъ двусторонности, не суть право, говоритъ онъ; они должны быть отнесены въ классъ явленій не парныхъ, а одностороннихъ. Онъ не настаиваетъ даже на наименованіи открытаго имъ двусторонняго класса явленій правомъ; если этотъ терминъ окажется неподходящимъ, онъ готовъ ихъ обозначать цифрами—классъ № 1 или № 2, или буквами—классъ а, б, или и совсѣмъ оставить безъ названія (134). Принявъ его опредѣленіе, мы должны отказаться считать правомъ то, что человѣчество цѣлыя тысячелѣтія считало правомъ. Такъ далеко идетъ вѣра автора въ указанные имъ признаки права. Но вѣдь его вѣра ни для кого не обязательна. Въ виду многочисленныхъ правовыхъ явленій, которыхъ нельзя втиснуть въ новое понятіе о правѣ, оно должно быть признано недостигающимъ цѣли и только."

Такимъ образомъ, существо приведенной критики по существу моего (мнимаго) опредѣленія права сводится къ тому, что, поскольку я утверждаю, что «долги однихъ составляютъ право (права) другихъ», это правильно, но это общеизвѣстная истина, а не мое открытіе; отличіе же моего положенія отъ господствующаго ученія состоитъ въ томъ, что я полагаю, будто в с ѣ права состоятъ въ долгахъ однихъ, закрѣпленныхъ за другими, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности имѣются и такія права, которымъ не соотвѣтствуетъ никакихъ обязанностей на сторонѣ другихъ.

Въ этихъ положеніяхъ критика содержится сочетаніе двухъ, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, сообщеній. Въ дѣйствительности традиціонное и господствующее ученіе исходитъ изъ того, что всѣмъ правамъ соотвѣтствуютъ на сторонѣ другихъ субъектовъ обязанности. Такія права, которыхъ бы никто не обязанъ былъ уважать, съ которыми никто не былъ бы обязанъ сообразоваться, представляютъ nonsens, нелѣпость. Положенія о необходимомъ соотвѣтствіи правъ и обязанностей повторяются традиціонно въ элементарныхъ учебникахъ по энциклопедіи права, по римскому праву и т. д., въ двухъ мѣстахъ изложенія: въ ученіи о правоотношеніяхъ и въ ученіи о правахъ или правомочіяхъ, правопритязаніяхъ [1]). Но господствующее ученіе, исходя, какъ изъ аксіомы, изъ положенія о необходимости соотвѣтствія правъ и обязанностей, тѣмъ не менѣе совершенно чуждо мысли, что „долги однихъ“ именно и „составляютъ право другихъ“, и всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки выяснить природу правъ имѣютъ совершенно иное содержаніе, нежели мой тезисъ; а именно онѣ исходятъ изъ предположенія, что права, хотя имъ всегда соотвѣтствуютъ обязанности на сторонѣ другихъ субъектовъ, представляютъ нѣчто особое и отличное отъ этихъ обязанностей, заключаются въ интересахъ управомоченныхъ, ихъ волѣ, защищаемыхъ правомъ, и т. п. И это проф. Сергѣевичу, и въ случаѣ полной неосвѣдомленности въ области общихъ вопросовъ и ученій правовѣдѣнія до чтенія моей книги, должно быть извѣстнымъ

---

[1]) Ср., напр., Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, § 27: „Каждое юридическое отношеніе, какъ мы видѣли, слагается изъ права и обязанности... Такимъ образомъ каждое юридическое отношеніе предполагаетъ субъекта права, субъекта обязанности и объектъ“, тамъ же § 29: „Такое прямое и положительное вліяніе юридическихъ нормъ, выражающееся въ расширеніи фактической возможности осуществленія, обусловленномъ установленіемъ соотвѣтствующей обязанности, мы и называемъ субъективнымъ правомъ или правомочіемъ. Или, короче, правомочіе есть возможность осуществленія интереса, обусловленная соотвѣтствующей юридической обязанностью... Обусловленностью соотвѣтствующей обязанностью правомочіе прежде всего отличается отъ простой дозволенности. Конечно, все, на что лицо имѣетъ право, дозволено, но не на все дозволенное онъ имѣетъ право, а лишь на то, возможность чего обезпечена установленіемъ соотвѣтствующей обязанности. Только такая возможность составляетъ право... Право непремѣнно предполагаетъ соотвѣтствующую обязанность...“ и т. д. и. т. д.

уже изъ содержанія критикуемаго имъ труда, гдѣ весьма полно и подробно сообщаются существующія ученія о природѣ правъ, формулы опредѣленій волевой теоріи, теоріи интересовъ, теоріи господства воли, свободы и проч. и проч.

Такимъ образомъ оба утвержденія проф. Сергѣевича о томъ, что ново, и о томъ, что не ново въ моемъ тезисѣ, противорѣчатъ дѣйствительности. То, что онъ объявляетъ новымъ, на самомъ дѣлѣ отнюдь не мое изобрѣтеніе, а господствующее мнѣніе въ юриспруденціи, а то, что онъ объявляетъ традиціоннымъ ученіемъ, на самомъ дѣлѣ представляетъ въ наукѣ новое ученіе (хотя въ Сводѣ Законовъ и безчисленныхъ другихъ юридическихъ памятникахъ разныхъ народовъ разныхъ расъ проявляется соотвѣтственное воззрѣніе народной правовой психики).

Такимъ образомъ и возраженіе проф. Сергѣевича противъ моего опредѣленія права, состоящее въ утвержденіи существованія правъ безъ обязанности со стороны кого либо сообразовать свое поведеніе съ этими правами, направлено по ложному адресу и не попадаетъ въ цѣль не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто моего дѣйствительнаго опредѣленія права критикъ подставляетъ нѣчто другое, но и въ томъ смыслѣ, что эти возраженія слѣдовало направлять вообще не по моему адресу, а по адресу традиціоннаго и господствующаго въ наукѣ ученія.

Я не имѣю вообще основаній и намѣреній отстаивать правильность моихъ мнѣній по существу предъ проф. Сергѣевичемъ и убѣждать его въ чемъ либо, тѣмъ менѣе у меня основаній отстаивать правильность традиціонныхъ и господствующихъ ученій противъ его возраженій, особенно такихъ очевидныхъ истинъ, какъ то, что права, которыхъ никто не обязанъ уважать и соблюдать, представляютъ nonsens. Но не могу по поводу отысканныхъ имъ въ древнемъ Римѣ и въ Россіи въ эпоху Императрицы Екатерины образцовъ правъ безъ обязанностей на чьей бы то ни было сторонѣ не отмѣтить, что для господствующаго ученія найденныя имъ явленія правовой жизни уже потому хорошо извѣстны, что ихъ

незачѣмъ такъ далеко искать, какъ это дѣлаетъ проф. Сергѣевичъ, что съ ними каждому юристу приходится и теперь имѣть дѣло на каждомъ шагу, и что разрѣшеніе возникшихъ у критика по поводу этихъ явленій недоумѣній онъ могъ бы найти въ любомъ учебникѣ по соотвѣтствующему праву, напр., что касается избирательныхъ правъ, въ любомъ элементарномъ учебникѣ государственнаго права, и т. д. Но и въ случаѣ отсутствія соотвѣтственной юридической образованности и начитанности въ научной юридической литературѣ, достаточно нѣкоторой, весьма скромной, собственной сообразительности, чтобы и самому разрѣшать подобныя сомнѣнія. Вѣдь не трудно сообразить, что содержаніе пассивнаго избирательнаго права состоитъ вовсе не въ томъ, что именно данный субъектъ, имѣющій это право, долженъ быть непремѣнно избранъ, что содержаніе активнаго избирательнаго права состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы былъ избранъ непремѣнно тотъ, кого назоветъ въ своемъ бюллетенѣ данный, имѣющій активное избирательное право, субъектъ, и т. д.; такъ что, само собою разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть и соотвѣтствующихъ нелѣпыхъ обязанностей на сторонѣ другихъ. Не трудно и при отсутствіи надлежащихъ познаній въ области государственнаго права самому сообразить, что избирательныя права имѣютъ нѣсколько болѣе скромное содержаніе, что дѣло идетъ о допущеніи къ выборамъ, внесеніи въ списки, въ принятіи во вниманіе правильно поданнаго голоса при счетѣ голосовъ, въ соотвѣтственномъ опредѣленіи результата выборовъ, въ признаніи избраннымъ, въ случаѣ избранія, и того, что изъ этого вытекаетъ. А если это сообразить, то сразу видно, въ чемъ состоятъ соотвѣтственныя обязанности другихъ лицъ; къ тому же уже изъ газетъ можно знать, что за нарушеніе подлежащихъ обязанностей полагаются наказанія и т. д. Точно также не трудно знать или сообразить, что то обстоятельство, что патриціи, въ отличіе отъ плебеевъ, „могли имѣть особую квиритскую собственность“, что дворяне, и только они, „могли владѣть населенными имѣніями да и вообще сельскими недвижимостями“ и т. п.,—не только не противорѣчитъ традицион-

ному ученію, объявляемому новостью, о необходимости соотвѣтствія правъ и обязанностей, но даже не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о взаимоотношеніяхъ правъ и обязанностей. Для этого надо только умѣть не смѣшивать понятій правоспособности и правъ, умѣть отличать способность къ извѣстнымъ правамъ отъ самихъ правъ. То различіе между патриціями и плебеями, дворянами и не-дворянами, которое проф. Сергѣевичъ считаетъ доказательствомъ существованія правъ безъ обязанностей, очевидно, состоитъ въ различіи объема правоспособности тѣхъ и другихъ, въ ограниченіяхъ правоспособности плебеевъ и т. д.

Точно также слѣдуетъ и не трудно умѣть отличать отъ правъ и правоспособности юридическую дѣеспособность, способность къ актамъ отчужденія при жизни и на случай смерти и т. д. То, что частныя лица, совершеннолѣтнія въ отличіе отъ малолѣтнихъ и т. д., могутъ „распоряжаться имуществомъ на случай смерти“, т. е. составлять завѣщаніе съ соотвѣтственною юридическою силою, составляетъ элементъ ихъ дѣеспособности.

Подлежащія знанія и умѣніе различать права, правоспособность и дѣеспособность, знаніе различной природы того, другого и третьяго, относятся къ основнымъ и элементарнымъ знаніемъ и умѣніямъ, необходимымъ для всякаго юриста.

Проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что я „предусматривалъ такія возраженія“ и даже сообщаетъ, какъ я на нихъ отвѣтилъ. Но эти сообщенія, конечно, тоже не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Во первыхъ, я такихъ возраженій со стороны имѣющихъ критиковать мои труды не предполагалъ. Во вторыхъ, въ случаѣ такого предположенія, я бы его печатно не высказалъ—изъ вѣжливости. Въ третьихъ, если бы у меня возникло такое предположеніе, и я бы сталъ на него отвѣчать, то я бы, конечно, отвѣтилъ не то, что придумалъ въ качествѣ отвѣта отъ моего имени проф. Сергѣевичъ, а

нѣчто болѣе подходящее; а именно то, что я по этому поводу указалъ только что [1]).

Въ результатѣ „критики по существу" моего „опредѣленія права" получилось слѣдующее своеобразное положеніе, не лишенное юмористическаго характера: мой критикъ и усердный противникъ оказался въ результатѣ всѣхъ своихъ стратегическихъ предпріятій противъ моей теоріи—моимъ союзникомъ, послѣдователемъ моего ученія. А именно, полагая или дѣлая видъ, что онъ полагаетъ, будто то, что является новымъ въ моемъ ученіи, представляетъ общеизвѣстную истину, онъ присоединился къ соотвѣтственному положенію и направилъ свой споръ противъ господствующаго, несомнѣнно правильнаго, мнѣнія о немыслимости правъ безъ чьей бы то ни

[1]) Между прочимъ, къ разсмотрѣнной собственной критикѣ по существу моего „опредѣленія права" проф. Сергѣевичъ въ примѣчаніи добавляетъ, въ качествѣ подкрѣпленія, цитату изъ статьи о моей теоріи Б. Н. Чичерина, который полагалъ, что мое положеніе о правахъ, какъ долгахъ однихъ лицъ, закрѣпленныхъ за другими, неприложимо къ праву собственности и другимъ правамъ, которымъ соотвѣтствуютъ отрицательныя обязанности. Отъ себя по этому поводу проф. Сергѣевичъ добавляетъ: „Это было напечатано за 7 лѣтъ до появленія въ свѣтъ разбираемой мною теоріи. Автору не угодно было обратить ни малѣйшаго вниманія на статью Чичерина". Но напрасно проф. Сергѣевичъ привлекаетъ къ своему литературному предпріятію почтенное имя покойнаго Б. Н. Чичерина, въ качествѣ союзника. Возраженія Чичерина только по внѣшнему виду, для невнимательнаго читателя, могутъ показаться однородными и подкрѣпляющими возраженія проф. Сергѣевича. Въ дѣйствительности, они, вопреки мнѣнію проф. Сергѣевича, исходятъ изъ предположенія наличности обязанностей, соотвѣтствующихъ правамъ, и направлены, опять таки вопреки мнѣнію проф. Сергѣевича, противъ того, что „долги однихъ лицъ составляютъ права другихъ" (съ каковымъ положеніемъ проф. Сергѣевичъ соглашается, отрицая только мою заслугу открытія, потому что, какъ онъ сообщаетъ, это „признаетъ и традиціонная школа, и Сводъ законовъ"); Чичеринъ полагаетъ, что подъ это положеніе нельзя подвести право собственности и другія права, которыя „связаны только съ отрицательными обязанностями всѣхъ другихъ", а во всякомъ случаѣ упрекаетъ меня въ томъ, что у меня „нѣтъ обстоятельнаго изслѣдованія этихъ отношеній". Это объясняется тѣмъ, что Чичеринъ имѣлъ дѣло не съ моею „Теоріею права", гдѣ уже имѣется „обстоятельное изслѣдованіе этихъ отношеній", въ частности обстоятельно развитая теорія права собственности, при чемъ выясняется до очевидности, что права, которымъ соотвѣтствуютъ отрицательныя обязанности всѣхъ другихъ, въ частности право собственности, не только не представляютъ для меня какихъ либо затрудненій, но именно съ помощью моихъ положеній объясняются и конструируются безъ тѣхъ затрудненій и несообразныхъ послѣдствій, которыя получаются на почвѣ господствующихъ ученій. Чичеринъ, конечно, теперь уже не повторилъ бы своихъ упрековъ, и повтореніе ихъ со стороны проф. Сергѣевича по поводу „Теоріи права" и противъ этого сочиненія, какъ если бы оно относилось къ содержанію этой книги, счелъ бы недопустимымъ; тѣмъ болѣе, что, какъ указано выше, дѣло идетъ только о кажущемся союзничествѣ по содержанію возраженій.

было обязанности уважать и соблюдать эти права. Такъ какъ этотъ споръ основанъ на явныхъ и элементарныхъ недоразумѣніяхъ, то проф. Сергѣевичу приходится признать правильность моего тезиса во всемъ объемѣ, не только въ томъ, что въ немъ имѣется новаго, но и въ старомъ его элементѣ.

Или, такъ какъ союзничество предполагаетъ добрую волю, а здѣсь то, что приключилось, произошло вопреки желаніямъ и намѣреніямъ критика, то картина, образно выражаясь, получилась такая: Осаждавшій крѣпость непріятель достигъ, съ помощью разныхъ подкоповъ и обходныхъ движеній, съ помощью разныхъ хитрыхъ, недозволенныхъ въ цивилизованной и честной войнѣ, средствъ, того, что не только не разрушилъ крѣпости, оставшейся невредимой, но самъ попалъ въ осаждаемую крѣпость въ качествѣ обезоруженнаго плѣнника.

Къ довершенію бѣдствія и трагизма положенія онъ еще по пути потерпѣлъ жестокіе удары отъ собственнаго своего, выписаннаго изъ дальнихъ странъ и временъ, оружія,— устроивъ себѣ добровольный экзаменъ въ области элементарныхъ понятій — съ весьма неблагополучнымъ исходомъ.

Этотъ случай не лишенъ поучительности, и изъ него вытекаютъ разныя полезныя нравоученія, напр.: 1) Хотя и возможно дѣйствовать по правилу: „цѣль оправдываетъ средства"... и т. д., но такъ дѣйствовать не только не должно, но бываетъ вредно и опасно. 2) Желая съ кѣмъ либо воевать, надо раньше сообразить, есть ли для этого достаточныя силы и надлежащее вооруженіе, и т. п.

III.

Къ разсмотрѣнной критикѣ по существу проф. Сергѣевичъ прибавляетъ еще полемическія замѣчанія противъ моего тезиса съ точки зрѣнія народныхъ воззрѣній на право и съ точки зрѣнія исторіи права.

Эти замѣчанія не могутъ имѣть серьезнаго значенія для полемики проф. Сергѣевича уже потому, что онъ отчасти

самъ призналъ, отчасти принужденъ признать правильность тезиса, противъ котораго направлены эти замѣчанія. И независимо отъ этого его дальнѣйшія возраженія имѣютъ несерьезный характеръ.

Послѣ приведенной выше части критики проф. Сергѣевичъ продолжаетъ (стр. 34):

„Проф. Петражицкій ищетъ опоры своему мнѣнію и“ въ народной правовой психикѣ“. „Рядомъ со словами «право», правопритязаніе, требованіе“, она пользуется“, — говоритъ онъ, — „какъ равнозначащими оборотами, указаніемъ на активную принадлежность данному субъекту долга — обязательства другого лица“, и приводитъ выраженія Псковской судной грамоты: „А истецъ возьметъ что за свой долгъ силою...“, „А на которомъ человѣкѣ имуть сочити (искать) долгу“.

Какъ можетъ такой совершенный юристъ, какъ проф. Петражицкій, видѣть въ этихъ выраженіяхъ подтвержденіе своему опредѣленію права. Вѣдь въ нихъ сказано только то, что кредиторъ взыскиваетъ долгъ съ должника, и ничего болѣе. Какая же связь этихъ словъ съ тѣмъ или инымъ опредѣленіемъ права вообще? Ни малѣйшей, какъ и выше приведенныхъ статей Свода законовъ. Авторъ находится въ какомъ то ослѣпленіи, онъ самъ себя загипнотизировалъ“.

Такъ какъ проф. Сергѣевичъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ его: „Что долги однихъ составляютъ право другихъ, это признаетъ и традиціонная школа и Сводъ законовъ. Это не новость“, знаетъ въ чемъ дѣло, и только, расчитывая повидимому на невнимательность читателя, дѣлаетъ видъ, что не знаетъ и не понимаетъ, то разъяснять, въ чемъ дѣло, приводить полностью ту часть текста, изъ котораго проф. Сергѣевичъ выхватилъ то, что ему угодно было сообщить, и т. д. представляется излишнимъ; тѣмъ болѣе, что какъ видно изъ этихъ же словъ проф. Сергѣевича, онъ призналъ раньше правильнымъ и самъ тезисъ, въ пользу котораго я привожу статьи Свода Законовъ, Псковской Судной Грамоты (и множество другого, взаимно разъясняющаго и подкрѣпляю-

щаго матеріала изъ области языковъ, юр. памятниковъ и обычаевъ разныхъ народовъ и расъ, ср. выше, стр. 73).

Интереснѣе отмѣтить здѣсь слѣдующее характерное обстоятельство:

Злоупотребляя своимъ авторитетомъ, какъ знатока русскихъ юридическихъ памятниковъ, и скрывая невозможность найти какія либо серьезныя по содержанію, по качеству, возраженія, проф. Сергѣевичъ старается искусственно увеличить количество своихъ возраженій и при томъ такихъ возраженій, въ области которыхъ онъ представляется довѣрчивому читателю авторитетнымъ судьею. Достигаетъ онъ этого, какъ это ясно видно изъ сообщеннаго выше (стр. 73 и сл.), съ помощью 1) сокрытія отъ читателя того факта, что я въ пользу своего тезиса, въ качествѣ одного (но сильнаго) подкрѣпленія привожу вовсе не спеціально и только статьи Свода, и не спеціально и только статьи Псковской Судной Грамоты, а множество однороднаго матеріала изъ области языковъ и юр. памятниковъ разныхъ народовъ и расъ, и 2) искусственнаго превращенія моего одного аргумента въ два, яко бы, различныхъ аргумента и соотвѣтственнаго искусственнаго умноженія своихъ возраженій, созданія вмѣсто одной двухъ сценъ опроверженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ достигается тотъ эффектъ, что мои „доказательства вѣрности" моего „опредѣленія права" получаютъ видъ какихъ то жалкихъ „соломинокъ", за которыя я хватаюсь. Въ одномъ мѣстѣ статьи проф. Сергѣевича оказывается, что мое „доказательство" состоитъ въ ссылкѣ на два изреченія Свода, въ другомъ мѣстѣ оказывается, что я ссылаюсь на народныя воззрѣнія и для соотвѣтственнаго доказательства не сумѣлъ ничего привести, кромѣ двухъ изреченій Псковской Судной Грамоты. А проф. Сергѣевичъ нашелъ два соотвѣтственныхъ возраженія.

Сокрытіе того обстоятельства, что я ссылаюсь по поводу отношенія народной правовой психики къ обязанностямъ и правамъ не спеціально и только на русскіе юр. памятники (и подавно не на два изреченія Псковской С. Гр. только) помогаетъ проф. Сергѣевичу найти поводъ для дальнѣйшаго возраженія.

А именно, послѣ приведенныхъ выше словъ по поводу Псковской С. Гр. проф. Сергѣевичъ продолжаетъ (стр. 34):

„Но, разъ онъ коснулся народныхъ воззрѣній, я не могу пройти этотъ вопросъ молчаніемъ.

Мы дѣйствительно имѣемъ данныя, на основаніи которыхъ можно судить о томъ, какъ понимаетъ русскій народъ право, только они остались неизвѣстны нашему автору. Между взглядомъ русскаго народа на право и взглядомъ проф. Петражицкаго нѣтъ ничего общаго. Народъ понимаетъ право не какъ долгъ, а какъ „правду“. Древнѣйшій сборникъ нашего права озаглавленъ: „А се есть правда русская“.

Въ другомъ, не менѣе древнемъ памятникѣ, въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами...“ и т. д. Критикъ приводитъ длинный рядъ соотвѣтственныхъ свидѣтельствъ, цитатъ изъ юр. памятниковъ, народныхъ поговорокъ, въ частности такихъ, которыя свидѣтельствуютъ о божественной природѣ и санкціи права—правды, а затѣмъ слѣдуетъ заключеніе:

„Напрасно проф. Петражицкій въ подтвержденіе своей теоріи ссылается на народное сознаніе. Народъ ищетъ идеаловъ: у него правда не плодъ ощущеній, она свѣтлѣе солнца, за правду Богъ“.

Далѣе проф. Сергѣевичъ выдвигаетъ противъ моего ученія историческій аргументъ, состоящій въ приведеніи ряда свидѣтельствъ, изображающихъ разныя жестокости и безчеловѣчности и доказывающихъ, по мнѣнію проф. Сергѣевича, что „Сила создала право сильныхъ и возложила обязанности на слабыхъ. Право изъ силы... сила остается силой и продолжаетъ творить право. И такъ будетъ всегда: гдѣ сила тамъ и право, это говоритъ исторія“; при чемъ проф. Сергѣевичъ указываетъ и на нѣкоторые, подтверждающіе это, институты древняго права, съ поясненіями въ своемъ духѣ и стилѣ: „у многихъ народовъ есть указанія на то, что новорожденные не имѣли даже права на жизнь, а допускались къ жизни, если это было угодно ихъ отцамъ. Понятно почему: за новорожденнымъ должна ходить мать, а это будетъ отрывать ее отъ услугъ мужу“ (стр. 40). Но это сведеніе права къ силѣ и приписываніе такихъ циничныхъ расчетовъ

народной психикѣ для якобы историческаго доказательства соотвѣтственнаго собственнаго взгляда на право находятся у проф. Сергѣевича въ другомъ мѣстѣ его статьи и брошюры; а тамъ, гдѣ онъ старается опровергнуть мое „опредѣленіе права“ съ помощью народныхъ воззрѣній, проф. Сергѣевичъ говоритъ объ идеализмѣ этихъ воззрѣній, объ „идеалахъ“ и даже самъ на время дѣлается юристомъ-идеалистомъ, съ негодованіемъ отвергая мое, слѣдуетъ думать, низменное воззрѣніе на право: „Напрасно проф. Петражицкій въ подтвержденіе своей теоріи ссылается на народное сознаніе. Народъ ищетъ идеаловъ: у него правда не плодъ ощущеній, она свѣтлѣе солнца, за правду Богъ“ *).

Если бы не та подкладка, на которой все это происходитъ, получилась бы картина, не лишенная юмористическаго оттѣнка и веселости.

Возраженія проф. Сергѣевича, взятое изъ области народныхъ воззрѣній и историческое, взаимно другъ друга уничтожаютъ; къ тому же оба они были напередъ лишены значенія признаніемъ со стороны проф. Сергѣевича, что „долги однихъ составляютъ право другихъ“ и т. д. Поэтому я считаю себя избавленнымъ отъ необходимости входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе по существу. Отмѣчу только, что тѣ народныя воззрѣнія, которыя даютъ проф. Сергѣевичу возможность выставить аргументъ: «Народъ понимаетъ право не какъ долгъ, а какъ „правду“. Древнѣйшій сборникъ нашего права озаглавленъ: „А се есть правда русская“ и т. д. (основанный, очевидно, на замѣнѣ множественнаго числа „права“ и „долги“ единственнымъ числомъ, на подстановкѣ моего положенія о п р а в а х ъ на мѣсто моего подлиннаго опредѣленія „права“) не только не составляютъ новости для меня (между прочимъ, Русская правда цитируется у меня на той же страницѣ, въ пользу того же положенія, что и Псковская Судная Грамота, ср. выше) и не представляютъ чего то,

---

*) Эти два взаимно исключающіе другъ друга взгляда на право раздѣлены у проф. Сергѣевича рядомъ страницъ, занятыхъ не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу изображеніемъ хитрой и жестокой расправы Одиссея съ женихами его жены и прислугою (стр. 36—39).

говорящаго противъ моей теоріи, но являются подтвержденіемъ моего, подлиннаго, понятія права (не опровергая, конечно, и моего тезиса о правахъ, и вообще не имѣя никакого отношенія къ этому тезису). И это не можетъ не быть извѣстнымъ проф. Сергѣевичу, ибо въ соотвѣтственномъ мѣстѣ у меня подробно говорится о высшемъ ореолѣ правовыхъ убѣжденій, о соотвѣтственномъ надѣленіи права божественнымъ авторитетомъ (стр. 66 I-го изд., ср. стр. 30 и сл. тамъ же). Вообще мое понятіе права таково (особый видъ этическихъ мнѣній, убѣжденій), что идеальныя воззрѣнія народа на природу „правды", на ея высшій этическій авторитетъ и т. д. вполнѣ соотвѣтствуютъ этому понятію.

IV.

Слѣдующій, пятый, раздѣлъ статьи и брошюры проф. Сергѣевича подъ заглавіемъ „Нравственность" изображаетъ мою теорію нравственности, какъ нѣчто „страпное и парадоксальное", и легко опровергаетъ эту теорію.

Достигается это съ помощью такихъ же средствъ, съ какими пришлось имѣть дѣло раньше.

Мое ученіе о нравственности излагается въ „Теоріи права и государства въ связи съ теоріею нравственности" параллельно съ ученіемъ о правѣ. Въ § 3-мъ еще не содержится выясненія природы и понятія нравственности, а лишь устанавливаются, какъ и относительно права, нѣкоторые, имѣющіе предварительное и условное значеніе, тезисы, въ первой части §-а о нравственныхъ обязанностяхъ, во второй части о нравственныхъ нормахъ. Затѣмъ, въ § 4-мъ выясняется существо нравственности и дается соотвѣтственное опредѣленіе, а рядъ дальнѣйшихъ §§ содержитъ обоснованіе правильности этого понятія и соотвѣтственной классификаціи этическихъ явленій.

Проф. Сергѣевичъ скрываетъ и здѣсь содержаніе § 4-го и слѣдующихъ, а равно и содержаніе второй части § 3-го, при чемъ секретъ относительно моихъ положеній о нормахъ

нравственности соблюдается болѣе строго, чѣмъ въ предыдущемъ раздѣлѣ относительно соотвѣтственныхъ положеній о нормахъ права; а именно здѣсь соблюдается абсолютная тайна.

Затѣмъ, то, что строится на такой почвѣ, представляетъ въ свою очередь сочетаніе литературныхъ delicta.

Во главѣ и въ основу своего изображенія моей теоріи въ странномъ и парадоксальномъ видѣ и соотвѣтственной критики ея проф. Сергѣевичъ ставитъ положеніе, что, по моему ученію, нравственный долгъ „не связываетъ человѣка". По этому поводу онъ помѣщаетъ длинное поученіе по моему адресу, начинающееся словами: „Можно ли сказать, нравственныя обязанности не связываютъ человѣка? Конечно, нѣтъ: онѣ связываютъ нравственнаго человѣка и не связываютъ безнравственнаго" и кончающееся словами: „Нельзя говорить, что нравственный человѣкъ свободенъ желать ограбить своего ближняго". (Стр. 41—42 брош.).

Дальше критикъ говоритъ о странности и парадоксальности моего мнѣнія и при томъ такъ, что получается впечатлѣніе, будто я самъ сознаю и признаю соотвѣтственную странность и парадоксальность моего ученія („Чѣмъ же авторъ доказываетъ свое, употреблю его выраженіе, парадоксальное и странное мнѣніе о нравственности?"), изслѣдуетъ ходъ мысли, съ помощью котораго я пришелъ къ своему „ученію о необязательности законовъ нравственности" и т. д.

Само собою разумѣется, подлежащую несообразность, между прочимъ, нелѣпость не только съ этической, но уже съ логической точки зрѣнія (contradictio in adjecto: необязательныя обязанности)—придумалъ самъ проф. Сергѣевичъ для того, чтобы приписать мнѣ и затѣмъ съ успѣхомъ критиковать и опровергать.

У меня, между прочимъ, если оставить въ сторонѣ главныя и основныя части моего изложенія о природѣ нравственности, и не выходить за предѣлы 3-го §, можно найти во второй части этого параграфа, въ качествѣ главнаго тезиса этой части изложенія, характеристику нормъ нравственности какъ „односторонне обязательныхъ, безпритязательныхъ"

нормъ (стр. 55, ср. тамъ же стр. 56: „Нормы перваго рода, односторонне-обязательныя, безпритязательныя, чисто императивныя нормы, мы будемъ называть нравственными нормами“). Уже эта терминологія „односторонне-обязательныя, безпритязательныя нормы“ наглядно показываетъ, что у меня идетъ рѣчь не о „необязательности законовъ нравственныхъ“, какъ сообщаетъ проф. Сергѣевичъ, а объ особомъ характерѣ обязательности этихъ законовъ. Но, какъ уже указано выше, проф. Сергѣевичъ соблюдаетъ строгую тайну не только относительно главнаго содержанія моего ученія о природѣ нравственности, но и относительно содержанія 2-й части 3-го параграфа, который онъ избралъ для критики.

Подлинное содержаніе моего ученія настолько противоположно придуманной и приписанной мнѣ проф. Сергѣевичемъ несообразности, что съ точки зрѣнія этого ученія представляется недостаточнымъ, неправильнымъ то ученіе объ обязательности нравственныхъ законовъ, которое проф. Сергѣевичъ выставляетъ отъ себя и противопоставляетъ, въ качествѣ правильнаго, моему мнимому „ученію о необязательности законовъ нравственности“.

По теоріи проф. Сергѣевича обязательность нравственныхъ законовъ распространяется на нравственныхъ людей и не распространяется на безнравственныхъ, нравственныя обязанности „связываютъ нравственнаго человѣка и не связываютъ безнравственнаго“ и т. д.

По моему же ученію нравственность обязательна для всѣхъ, она связываетъ, об(в)язываетъ (ср. Теорія § 2) всѣхъ; по этому ученію и о негодяѣ нельзя говорить, что онъ „свободенъ желать ограбить своего ближняго“, а не только, о „нравственномъ человѣкѣ“, какъ полагаетъ проф. Сергѣевичъ (ср. соотвѣтственное психологическое объясненіе, въ частности объясненіе отношенія этической связанности, обязанности не только ко всѣмъ людямъ, но и къ другимъ существамъ, на стр. 42 сл. Теоріи I 1-го изд.).

Эпитеты „парадоксальный и странный“, которыми критикъ надѣляетъ мое ученіе, въ дѣйствительности должны быть все-

цѣло отнесены къ его ученію о своеобразной нравственной свободѣ для негодяевъ.

Своеобразный курьёзъ представляетъ также то обстоятельство, что на страницѣ 22 и слѣд. своей брошюры проф. Сергѣевичъ, какъ мы видѣли, былъ абсолютнымъ ригористомъ въ этическихъ дѣлахъ. Тамъ онъ громилъ „мою“ этику за то, что по поводу „моей нормы“ („его норма“) „ложь постыдна“ негодяй можетъ сказать: „цѣль оправдываетъ средства, а потому я буду лгать, когда окажется нужно“, т. е. за то, что та этика, о которой я говорю, не въ силахъ фактически добиться соотвѣтственнаго признанія и поведенія и отъ негодяевъ, лжецовъ и т. д.; и этимъ онъ пользовался, какъ какимъ то разрушительнымъ аргументомъ противъ моихъ ученій, повторяя его упорно въ разныхъ формахъ въ дальнѣйшихъ частяхъ своей критики. А теперь, на стр. 41 и 42 его критики, оказывается, что онъ въ дѣйствительности либеральнѣйшій въ этическихъ дѣлахъ человѣкъ, такой либеральный и снисходительный, что безнравственые люди съ удовольствіемъ бы присоединились къ его ученію. Между тѣмъ какъ по „моей“ этикѣ лжецъ фактически лжетъ, но онъ именно негодяй, онъ нарушаетъ элементарныя этическія обязанности, онъ обязанъ съ точки зрѣнія „моей“ (т. е., конечно, всякой нормальной) этики этого не дѣлать, по этикѣ проф. Сергѣевича выходитъ, что лжецъ и не связанъ, не обязанъ воздерживаться отъ лжи, „свободенъ желать“ примѣнять свое правило о годности и умѣстности лжи для своихъ цѣлей.

Разумѣется, положенія проф. Сергѣевича объ обязательности нравственности для нравственныхъ и необязательности для безнравственныхъ людей не представляютъ серьезнаго и обдуманнаго ученія, а скорѣе lapsus linguae, поспѣшныя и необдуманныя фразы, которыя бы онъ устранилъ, если бы обдумалъ хорошо и сообразилъ, что онъ говоритъ. Поэтому я не имѣю въ виду пользоваться ими для какихъ либо дальнѣйшихъ серьезныхъ выводовъ. Но умѣстно и слѣдуетъ подчеркнуть, въ видѣ нравоученія, что если бы критикъ добросовѣстно излагалъ содержаніе моего ученія, не придумывая

небылицъ, то онъ бы самъ не попадалъ въ просакъ, не говорилъ несообразностей и т. д. (ср. выше, стр. 84 и сл.).

Приписаніе мнѣ такой несообразности, какъ то, что, по моему ученію, нравственный долгъ не связываетъ человѣка, тѣмъ болѣе нехорошо со стороны проф. Сергѣевича, что онъ, какъ видно изъ его же изложенія на стр. 41 и 42, отлично знаетъ и понимаетъ, въ чемъ состоитъ въ дѣйствительности мой тезисъ о природѣ нравственныхъ обязанностей и отличіи ихъ отъ правовыхъ. Онъ состоитъ въ томъ, что въ области правовыхъ обязанностей то, къ чему обязаны одни, причитается другимъ, какъ нѣчто *имъ* должное, слѣдуемое, что другимъ принадлежитъ соотвѣтственное притязаніе, или, что, какъ это призналъ правильнымъ самъ критикъ, „долги однихъ составляютъ право (права) другихъ“; между тѣмъ въ области нравственныхъ обязанностей то, къ чему обязаны одни, не является чѣмъ то причитающимся другимъ, составляющимъ предметъ ихъ права, притязанія, напр., въ области евангельскихъ нормъ и обязанностей, по смыслу евангельскаго ученія, нѣтъ соотвѣтствующихъ притязаній; нельзя сказать, чтобы ударившему по одной щекѣ причиталось подставленіе ему второй щеки и т. п.

Проф. Сергѣевичъ оспариваетъ это различіе. „Между нравственными и юридическими обязанностями, поучаетъ онъ, есть разница, но не эта. По обязанностямъ юридическимъ у вѣрителя есть право иска. Исполненіе нравственныхъ обязанностей не вынуждается судомъ. Въ этомъ разница. Но, чтобы исполненіе нравственныхъ обязанностей никому ничего не давало, — это опять большое недоразумѣніе. Исполненіе нравственныхъ обязанностей предполагается за всякимъ человѣкомъ; это даетъ каждому возможность относиться къ ближнему, какъ нравственному человѣку, пока противное не будетъ доказано. Какъ только противное доказано, отъ безнравственнаго человѣка отворачиваются, съ нимъ не говорятъ, не ведутъ дѣлъ, не общаются. Такимъ образомъ, со стороны связанныхъ нравственными обязанностями другимъ людямъ причитается очень много, а не ни-

чего, какъ думаетъ авторъ: эти обязанности только и дѣлаютъ общественную жизнь возможной" (стр. 42).

Разумѣется, я не утверждаю, „чтобы исполненіе нравственныхъ обязанностей никому ничего не давало", не отрицаю общественной важности и необходимости нравственности и т. д., такъ что внушеніе читателямъ мыслей, будто я подаю поводъ для соотвѣственныхъ поученій критика, представляетъ тоже неправильные полемическіе пріемы, совершенно лишніе и для аргументаціи критика. Но, съ другой стороны, вполнѣ признаваемый и мною фактъ, что исполненіе нравственныхъ обязанностей даетъ другимъ многое, что нравственность необходима для нормальной общественной жизни, конечно, ничего не доказываетъ противъ меня и въ пользу моего противника. Ибо этимъ совсѣмъ не рѣшается и даже не затрагивается другой и единственно интересный въ данномъ случаѣ вопросъ о различіи способовъ достиженіи подлежащихъ цѣнныхъ и важныхъ результатовъ со стороны права и нравственности. Точно также рѣшительно ничего не доказываетъ и тотъ фактъ, что отъ безнравственнаго человѣка отворачиваются, съ нимъ не говорятъ, не ведутъ дѣла, не общаются (ср., между прочимъ, о соотвѣтственныхъ реакціяхъ на нарушеніе нравственныхъ обязанностей и о различіи этихъ реакцій и реакцій на нарушеніе правовыхъ обязанностей, каковое различіе именно объясняется притязательною природою правовой психики и безпритязательной природой чисто нравственной психики, „Теорія" I § 9). Съ равною логикою можно было бы изъ факта, что мы питаемъ отвращеніе къ запаху падали, къ безобразному въ эстетическомъ смыслѣ и т. д., выводить тезисъ, что мы имѣемъ право на то, чтобы падаль не издавала своего запаха, чтобы уроды были красивыми и т. п. Не болѣе удачно, чѣмъ возраженія противъ моего тезиса, то, что проф. Сергѣевичъ самъ отъ себя сообщаетъ о дѣйствительномъ различіи между нравственными и юридическими обязанностями. Ибо всякому имѣющему элементарное образованіе юристу извѣстно, что то, что сообщаетъ проф. Сергѣевичъ, представляетъ недоразумѣніе даже по отношенію къ

„вѣрителю“, т. е. въ области обязательственнаго права; ибо т. н. obligationes naturales представляютъ собою обязательства безъ иска. И даже не требуется и „особой юридической образованности, а достаточно нѣкоторой собственной сообразительности, чтобы убѣдиться въ несостоятельности выставляемаго проф. Сергѣевичемъ критерія хотя бы въ виду обязанностей международнаго права, или въ виду множества обязанностей государственнаго права безъ „права иска“ и т. д.

Послѣ мнимаго опроверженія моего тезиса и сообщенія своего собственнаго взгляда на различіе нравственныхъ и правовыхъ обязанностей проф. Сергѣевичъ продолжаетъ (стр. 42):

„По мнѣнію автора, право и нравственность составляютъ одинъ общій классъ этическихъ явленій. Съ этимъ тоже трудно согласиться. Нравственность очень различается отъ права и, конечно, составляетъ особый и высшій классъ, чѣмъ право“.

Своеобразное представленіе о научной классификаціи. Съ такой точки зрѣнія въ области зоологической классификаціи человѣка нельзя было бы относить къ позвоночнымъ, млекопитающимъ и т. д., а слѣдовало бы его помѣстить въ качествѣ „особаго и высшаго класса“ надъ животными. Или, принимая во вниманіе, что нѣкоторые люди по своему характеру и поведенію до такой степени низки, что они хуже, ниже животныхъ, не знающихъ лжи, клеветы, завистливости и т. п., слѣдовало бы, располагая живыя существа по ихъ достоинству, и помѣщая большинство людей въ качествѣ особаго и высшаго класса надъ животными, нѣкоторыхъ людей выдѣлить въ „особый и низшій классъ“ и помѣстить ихъ ниже животныхъ. Конечно, такая классификаціи была бы неправильною. Но точно также въ области классификаціи явленій духовной жизни не слѣдуетъ спорить противъ классификаціи по психологической структурѣ явленій и рекомендовать вмѣсто этого какую то классификацію по достоинству, по высотѣ, и вообще не слѣдуетъ заниматься спорами и поученіями въ такой области, гдѣ не имѣется необходимаго для этого знанія и пониманія.

Далѣе критикъ продолжаетъ:

„Чѣмъ же авторъ доказываетъ свое, употреблю его выраженіе, парадоксальное и странное мнѣніе о нравственности?

„Какъ обыкновенно, ничѣмъ; онъ такъ думаетъ, вотъ и всѣ доказательства. Мысль свою онъ поясняетъ примѣромъ. Вотъ его примѣръ свободы нравственныхъ обязательствъ. “Если мы считаемъ себя обязанными оказать денежную помощь нуждающемуся, дать милостыню и т. п., то, къ чему мы себя считаемъ обязанными, не представляется намъ причитающимся другому, какъ нѣчто ему должное, слѣдующее ему отъ насъ, и соотвѣтственное притязаніе, требованіе съ его стороны представлялось бы намъ неумѣстнымъ, лишеннымъ основанія“ и т. д. Приведя подлежащій примѣръ въ кавычкахъ (не удержавшись и здѣсь отъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, скромныхъ измѣненій по сравненію съ текстомъ, критикъ заявляетъ:

„Въ этомъ примѣрѣ вся бѣда и причина заблужденій автора“ (43); затѣмъ критикъ говоритъ о трудности опредѣленія нравственности и старается вызвать впечатлѣніе, будто я въ дачѣ милостыни усматриваю какое то существо нравственности, отождествляя нравственное поведеніе съ дачею милостыни, и изъ этого вывожу свое парадоксальное ученіе о необязательности нравственности. „А что такое нравственность, какъ опредѣлить ее? Мнѣ кажется, это еще труднѣе, чѣмъ опредѣлить право. Нашъ авторъ, приводя вышеприписанный примѣръ, думаетъ, что дача милостыни и есть нравственный поступокъ. Изъ этого примѣра и родилось у него ученіе о необязательности законовъ нравственности!

Возникаетъ поэтому вопросъ, что такое подача милостыни. Это нравственный законъ?“

Далѣе слѣдуетъ длинное разсужденіе на устроенную такимъ образомъ тему, доказательства съ помощью исторіи и безъ таковой, что есть и иначе думающіе, что подача милостыни можетъ быть даже и безнравственнымъ актомъ, что помощь бѣднымъ не составляетъ „необходимаго условія нравственности“, что „нравственность не измѣряется количествомъ денегъ, выданныхъ бѣднымъ. Добродѣтель и нрав-

ственность не одно и то же“. (Подъ добродѣтелью, по этической терминологіи критика, слѣдуетъ, повидимому, разумѣть помощь бѣднымъ; отсюда, съ точки зрѣнія терминологіи, принятой въ этикѣ, странное противопоставленіе нравственности и добродѣтели).

Разумѣется, и эта часть критики покоится на неправильныхъ сообщеніяхъ относительно содержанія моего ученія.

Въ пользу моего дѣйствительнаго, подлиннаго ученія о существѣ нравственности имѣются въ моей книгѣ, также какъ и въ пользу моего подлиннаго ученія о существѣ права, доказательства и при томъ длинный рядъ ихъ (§ 4, §§ 6—10 и т. д., ср. выше стр. 76), только они, также какъ и мое подлинное ученіе о существѣ нравственности, мое опредѣленіе нравственности, скрываются критикомъ отъ читателей.

Конечно, въ пользу придуманнаго проф. Сергѣевичемъ абсурда о необязательности нравственныхъ обязанностей у меня не приводится никакихъ доказательствъ. Утилизировать этотъ фактъ для упрека, что я своего ученія о нравственности, „какъ обыкновенно“, ничѣмъ не обосновываю, такъ думаю, вотъ и всѣ доказательства — весьма своеобразный пріемъ полемики.

Не менѣе ненормальное явленіе — поученіе по поводу милостыни. Въ скрываемыхъ критикомъ главныхъ частяхъ изложенія моего ученія о нравственности, въ частности въ § 4-мъ съ полною ясностью и обстоятельностью излагается такое ученіе о природѣ нравственности, которое совершенно исключаетъ всякую возможность подобныхъ поученій въ видѣ добросовѣстно ошибочнаго толкованія моихъ мнѣній. Мое ученіе особенно далеко не только отъ такихъ несообразностей, какъ сведеніе нравственности къ подачѣ милостыни и усматриваніе въ подачѣ милостыни, какъ таковой, непремѣнно нравственнаго дѣйствія (ср. также § 8 о роли мотивовъ въ нравственности), но вообще отъ сведенія нравственности къ какому бы то ни было типу или направленію поведенія, какъ таковаго (хотя бы, напримѣръ, альтруистическаго вообще, ср. также о характерѣ и направленіи перво-

бытной нравственности § 32). Сообразно съ этимъ я въ § 21 опровергаю разныя существующія теоріи нравственности и попытки ея опредѣленія путемъ доказательства, что о сведеніи нравственности къ опредѣленному типу или принципу поведенія, объ отличеніи ея отъ права по содержанію предписаній, по предписываемому поведенію и т. д. не можетъ быть рѣчи. Независимо отъ этого, въ главномъ, основномъ, § 4-мъ и въ другихъ частяхъ изложенія приводится много разныхъ другихъ примѣровъ явленій нравственности, наглядно иллюстрирующихъ тотъ фактъ, что объ усматриваніи съ моей стороны какой то квинтэсенціи нравственности въ подачѣ милостыни не можетъ быть рѣчи (между прочимъ, уже перепечатанные проф. Сергѣевичемъ на стр. 21 и 22 его брошюры отрывки моего текста: „Если честному человѣку предлагаютъ совершить за деньги обманъ, клевету и пр., то само представленіе такихъ гадкихъ поступковъ...", „ложь постыдна"—представляютъ иллюстраціи степени правдивости его изложенія на стр. 43 и 44). Мало того, въ томъ же § 3, гдѣ критикъ находитъ сведеніе нравственности къ подачѣ милостыни, а именно въ скрываемой имъ части изложенія, касающейся нравственныхъ нормъ, приводятся въ качествѣ примѣровъ евангельскія заповѣди изъ нагорной проповѣди и вся евангельская нравственность, какъ таковая (съ соотвѣтственными поясненіями). Впрочемъ, и самъ текстъ примѣра, перепечатаннаго проф. Сергѣевичемъ въ качествѣ повода для поученій о милостынѣ, начинающійся словами: „Въ другихъ случаяхъ этическаго сознанія, напримѣръ, если мы считаемъ себя обязанными оказать денежную помощь нуждающемуся," показываетъ, что дѣло идетъ объ одномъ изъ многихъ возможныхъ другихъ случаевъ нравственнаго сознанія съ инымъ содержаніемъ. (Соотвѣтственныя слова, до слова „если" проф. Сергѣевичъ при перепечаткѣ въ кавычкахъ отбросилъ.

Точно также несерьезный характеръ имѣютъ и три дальнѣйшія полемическія замѣчанія, которыя проф. Сергѣевичъ прибавляетъ еще къ разсмотрѣнной „критикѣ" моей теоріи нравственности.

Послѣ словъ: „Нравственность не измѣряется количествомъ денегъ, выданныхъ бѣднымъ. Добродѣтель и нравственность не одно и то же“ критикъ продолжаетъ:

„Авторъ отправляется въ своемъ изслѣдованіи не отъ понятій, а отъ примѣровъ; но, не установивъ понятія, нельзя правильно подобрать примѣра.

Какая же послѣ этого можетъ быть рѣчь о томъ, хорошо ли авторъ разграничилъ право отъ нравственности? По его теоріи, всѣ вышеуказанныя права римскихъ патриціевъ и русскихъ дворянъ, въ силу ихъ односторонности, надо, кажется, отнести въ область нравственности“ (стр. 44).

Въ первомъ замѣчаніи, по поводу моего указанія на фактъ различнаго характера нашего этическаго сознанія въ различныхъ случаяхъ и примѣровъ этого различія, критикъ поучаетъ, какъ нужно вести научныя разслѣдованія, предлагаетъ соотвѣтственное правило логики, смыслъ котораго сводится къ тому, что при образованіи общихъ понятій не слѣдуетъ исходить отъ фактовъ; напротивъ, слѣдуетъ откуда то добыть готовое понятіе, а затѣмъ обращаться къ конкретнымъ фактамъ, примѣрамъ. И не обладая познаніями въ области логики, не трудно было бы уразумѣть, что такого правила логики не можетъ быть, и воздержаться отъ такихъ поученій.

Второе полемическое замѣчаніе представляетъ образецъ фактическаго примѣненія собственной логики проф. Сергѣевича. Здѣсь критикъ предполагаетъ возможность отнесенія найденныхъ имъ (на почвѣ неумѣнія отличать права отъ правоспособности, дѣеспособности и т. д.) правъ безъ обязанностей къ нравственности съ моей точки зрѣнія на томъ основаніи, что я къ нравственности отношу обязанности безъ правъ для другой стороны.

Такова же логика третьяго, длиннаго, полемическаго замѣчанія по поводу моего примѣчанія на стр. 47 Теоріи. Въ этомъ примѣчаніи я для иллюстраціи послѣдовательнаго проведенія своей, психологической, точки зрѣнія, въ частности положенія: „Мы различаемъ правовыя и нравственныя явленія по характеру субъективныхъ (психологиче-

скихъ) переживаній, а не по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ“ (по поведенію, о которомъ идетъ рѣчь и т. д.), говорю слѣдующее: „По поводу приведенныхъ въ текстѣ примѣровъ двухъ видовъ сознанія долженствованія, съ одной стороны сознанія долга уплатить условленную плату рабочему или прислугѣ, съ другой стороны сознанія долга помочь нуждающемуся, не отказать въ милостынѣ, во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ отмѣтить: мыслимы субъекты съ такою психикою, что, имѣя дѣло съ нищимъ, просящимъ милостыни, или т. п., они переживаютъ такое сознаніе долженствованія, по которому другой сторонѣ причитается отъ нихъ получить просимое, другая сторона можетъ притязать на доставленіе ей помощи и т. д.; равнымъ образомъ мыслимы такіе субъекты, которые, имѣя дѣло съ прислугою, требующею платежа условленнаго жалованья или т. п., переживаютъ такое сознаніе долженствованія, по которому другой сторонѣ ничего не причитается, она не можетъ притязать на платежъ и т. д.; съ точки зрѣнія нашей, психологической, классификаціи, такое сознаніе долга по отношенію къ нищему слѣдовало бы квалифицировать, какъ сознаніе правового долга; такое сознаніе долга по отношенію къ прислугѣ слѣдовало бы квалифицировать, какъ сознаніе нравственнаго, а не правового долга. Мыслимы и такіе субъекты (этическій идіотизмъ), которые, условившись уплатить за извѣстную работу извѣстную сумму денегъ, не сознаютъ затѣмъ никакого долженствованія исполнить обѣщанное. Въ психикѣ такихъ субъектовъ по поводу платежа условленной суммы не возникало бы никакого этическаго процесса, не было бы вообще этическаго феномена. Другими словами, смыслъ нашихъ опредѣленій и примѣровъ не таковъ, что при извѣстныхъ, въ частности приведенныхъ въ текстѣ для примѣра, житейскихъ обстоятельствахъ всегда имѣется правовая, при другихъ нравственная обязанность. Мы различаемъ правовыя и нравственныя явленія по характеру субъективныхъ переживаній, а не по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ.“

Можетъ быть моя, психологическая, точка зрѣнія неправильна и ее можно оспаривать, но, кажется, ясно, что при-

веденныя замѣчанія представляютъ послѣдовательное проведеніе этой точки зрѣнія и соотвѣтственной классификаціи.

А. проф. Сергѣевичъ по этому поводу заявляетъ (стр. 44): „Мы уже знаемъ, какъ легко авторъ самъ разрушаетъ свои теоретическія созданія (критикъ имѣетъ въ виду устроенное имъ путемъ передержки самоуничтоженіе моей теоріи эмоцій, ср. выше, стр. 14 и сл.). Это произошло и въ данномъ случаѣ". Затѣмъ онъ приводитъ мои замѣчаніи съ пропускомъ примѣра полной безсовѣстности, этическаго идіотизма, и затѣмъ продолжаетъ: „Что же осталось изъ всѣхъ разсужденій автора о существѣ права и нравственности? Всѣ сдѣланныя въ текстѣ опредѣленія и разграниченія падаютъ, такъ какъ въ дѣйствительности встрѣчаются люди, психика которыхъ не соотвѣтствуетъ психологической классификаціи автора, и въ результатѣ остаются только разрозненныя субъективныя переживанія. Только эти субъективныя переживанія и проходятъ красной нитью чрезъ все его изслѣдованіе, а изъ нихъ нельзя вывести никакихъ нормъ ни права, ни нравственности".

Этими словами проф. Сергѣевичъ заканчиваетъ свою критику моего ученія о нравственности.

Что въ моихъ замѣчаніяхъ никакого „разрушенія своихъ теоретическихъ созданій", никакого противорѣчія моей психологической классификаціи нѣтъ, это настолько очевидно, что не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ.

Но возникаетъ по поводу своеобразной логики всѣхъ трехъ приведенныхъ аргументовъ вопросъ: вѣритъ ли самъ критикъ въ серьезность и правильность этихъ кажущихся возраженій, или, не будучи въ состояніи найти какихъ либо серьезныхъ возраженій, онъ довольствуется, такъ же какъ и въ другихъ частяхъ своей полемики, созданіемъ внѣшняго вида критики и опроверженія? Трудно допустить, чтобы самъ критикъ вѣрилъ въ возможность подведенія правъ безъ обязанностей подъ понятіе обязанностей безъ правъ и т. п.

Что же касается положенія критика, что чрезъ все мое изслѣдованіе проходятъ красною нитью „субъективныя переживанія", то оно правильно въ томъ смыслѣ, что дѣйстви-

тельно я провожу вездѣ послѣдовательно психологическую точку зрѣнія, какъ это и подчеркивается въ приведенныхъ критикомъ моихъ словахъ: „мы различаемъ правовыя и нравственныя явленія по характеру субъективныхъ переживаній" и т. д., и въ разныхъ другихъ мѣстахъ своего труда. Но повтореніе моихъ положеній, конечно, не есть критика и опроверженіе [1]). То же, что проф. Сергѣевичъ придумалъ въ качествѣ критики и опроверженія, свидѣтельствуетъ, что касается моей теоріи нравственности, только о томъ, что эта теорія оказалась для него неопровержимой, до такой степени неопровержимой, что ему не удалось найти ни одного сколько нибудь серьезнаго возраженія противъ нея, такъ же, какъ и противъ моей теоріи права.

V.

Остальная часть брошюры проф. Сергѣевича содержитъ рядъ полемическихъ замѣчаній по поводу спеціальныхъ ученій, содержащихся во второмъ томѣ „Теоріи", въ предпослѣдней, пятой, главѣ „О видахъ и разновидностяхъ права", стр. 468 и сл., а именно по поводу моихъ ученій о позитивномъ и интуитивномъ правѣ и о справедливости. Подлежащія ученія мои покоятся, логически естественно и необходимо, на соотвѣтственныхъ общихъ ученіяхъ о правѣ, содержащихся въ обойденныхъ молчаніемъ со стороны проф. Сергѣевича частяхъ перваго и второго тома; и ихъ пониманіе и критика (серьезная, научная критика) невозможны безъ знанія содержанія и критики этихъ частей. Въ частности мои выясненія и опредѣленія природы позитивнаго и интуитивнаго права, какъ двухъ видовъ высшаго рода—права вообще, логически неизбѣжно покоятся на моемъ общемъ понятіи и опредѣленіи права. По извѣстному правилу логики объ опредѣленіяхъ: definitio fit per genus et differentiam specificam, мои

---

[1]) Слѣдуетъ при томъ отмѣтить, что, если критикъ считаетъ эту точку зрѣнія, психологическую точку зрѣнія, точку зрѣнія субъективныхъ переживаній, индивидуальною особенностью моей теоріи нравственности, то это недоразумѣніе (ср. выше, стр. 13).

опредѣленія природы интуитивнаго и позитивнаго права достигаются путемъ опредѣленія высшаго рода—права, и указанія специфическаго различія между подлежащими двумя видами. Такимъ образомъ, не сообщивъ моего опредѣленія природы права, нельзя сообщить и того, что я разумѣю подъ интуитивнымъ и позитивнымъ правомъ. Секретность моего понятія права влечетъ за собою неизбѣжно и секретность основныхъ понятій и существа моего ученія о позитивномъ и интуитивномъ правѣ. Что же касается явленій справедливости, то они, по моему ученію, представляютъ не что иное, какъ явленія интуитивнаго права. Такимъ образомъ и для знанія и пониманія того, что такое справедливость по моему ученію, необходимо знать мое понятіе права, и секретность послѣдняго влечетъ за собою неизбѣжно и секретность существа моего ученія о природѣ справедливости.

Для добросовѣстнаго реферата и критики моихъ ученій (о правѣ и нравственности и) о позитивномъ и интуитивномъ правѣ (и справедливости) необходимо было бы, сверхъ сообщенія подлежащихъ основныхъ тезисовъ моего общаго ученія о правѣ, въ частности моего опредѣленія понятія права, сообщить и мои основанія и доказательства правильности предлагаемой мною классификаціи, въ частности моего понятія права въ обширномъ смыслѣ (обнимающаго и интуитивное право, и справедливость), состоящія отнюдь не въ ссылкѣ на Сводъ законовъ и т. д.; ибо иначе непонятно, почему я считаю необходимымъ относить къ праву и интуитивное право и справедливость, соотвѣтственно опредѣлять ихъ природу и т. д.

Но все это, и содержаніе подлежащихъ общихъ ученій о правѣ и самаго понятія права, и соотвѣтственныя основанія и доказательства, проф. Сергѣевичъ скрываетъ и принужденъ сохранять въ строгой тайнѣ предъ читателемъ; ибо въ противномъ случаѣ произошло бы разоблаченіе дѣйствительной природы его критики моего „опредѣленія права“, обнаружилась бы неправильность его сообщеній о моемъ опредѣленіи права, о томъ, что доказательство правильности моего опредѣленія права состоитъ въ ссылкѣ на Сводъ законовъ, и т. д.

Такимъ образомъ его рефератъ и критика моихъ ученій о двухъ видахъ права и справедливости представляютъ собою своего рода литературные фокусы, состоящіе въ сообщеніи подлежащихъ ученій съ сохраненіемъ въ секретѣ ихъ существа, въ критикѣ соотвѣтственныхъ основныхъ понятій безъ сообщенія подлиннаго содержанія критикуемаго, и т. д.

Въ виду этого обстоятельства и въ виду того, что предыдущій подробный разборъ главныхъ и основныхъ частей критики проф. Сергѣевича уже, кажется, въ достаточной мѣрѣ выяснилъ природу этой критики, я считаю лишнимъ заниматься такимъ же подробнымъ сообщеніемъ и разборомъ остальной части его полемики, доказательствомъ съ помощью рядовъ цитатъ изъ подлиннаго текста и т. п. неправдивости его сообщеній, выясненіемъ всѣхъ тѣхъ литературныхъ злоупотребленій, которыя, обыкновенно во множественномъ числѣ, заключаются въ его сообщеніяхъ и возраженіяхъ и т. д.

Сообщивъ, что я различаю два вида права: интуитивное и позитивное, проф. Сергѣевичъ посвящаетъ много мѣста на изображеніе удивленія по поводу признанія съ моей стороны положительнаго права (стр. 45, 46); для этого онъ скрываетъ предъ читателемъ содержаніе § 10 Теоріи, гдѣ выясняется, что изъ самой природы права, какъ я ее опредѣляю, вытекаетъ необходимость и рѣшающее значеніе въ правѣ однообразнаго позитивнаго шаблона, опирающагося на обычаи, законы и т. д. (въ отличіе отъ нравственности, гдѣ преобладающую роль играютъ соотвѣтственныя автономныя, интуитивныя мнѣнія и убѣжденія, хотя и здѣсь имѣются позитивные, гетерономные элементы, соотвѣтствующія мнѣнія и убѣжденія объ обязательности извѣстнаго поведенія со ссылкою на обычаи предковъ, божескія велѣнія и иные авторитетно-нормативные факты). Къ признакамъ позитивности проф. Сергѣевичъ относитъ и принудительность и удивляется, какъ объяснить съ точки зрѣнія моей теоріи это свойство права, для чего нужно было скрыть содержаніе § 9 Теоріи, гдѣ выясняется, что изъ самой природы права, какъ я ее опредѣляю, вытекаетъ тенденція принужденія въ правѣ.

Далѣе, проф. Сергѣевичъ сообщаетъ, что я называю интуи-

тивное право «нашимъ», но не сообщаетъ мѣста моего труда, гдѣ онъ нашелъ такое называніе (я не нашелъ такого мѣста, повидимому такая же выдумка, какъ и примѣръ телятины) и добавляетъ еще, что я, повидимому, когда писалъ о позитивномъ правѣ, забылъ, что у меня «нѣтъ никакихъ средствъ для познанія положительнаго права. Единственно возможный признаваемый имъ пріемъ наблюденія правовыхъ явленій— есть самонаблюденіе; какъ же при такомъ пріемѣ изученія признать положительное право»? Заключающееся въ этомъ замѣчаніи литературное злоупотребленіе тѣмъ хуже, что мои указанія на необходимость примѣненія и внѣшняго наблюденія («соединеннаго метода внутренняго и внѣшняго наблюденія») повторяются и по поводу вопроса о методѣ изученія положительнаго права въ соотвѣтственномъ параграфѣ Теоріи (§ 39: «Позитивное право и его виды», стр. 522, ср. также § 41, стр. 548, 550, объ изученіи обычнаго права и т. д.).

Затѣмъ проф. Сергѣевичъ обѣщаетъ указать, «какъ авторъ пришелъ къ положительному праву и чтó собственно разумѣетъ онъ подъ положительнымъ правомъ» (стр. 46). Какъ уже видно изъ указаннаго выше по поводу необходимости для критика скрывать мое понятіе права, объ исполненіи этого обѣщанія не можетъ быть рѣчи. Вмѣсто этого критикъ совершаетъ рядъ мелкихъ полемическихъ манипуляцій въ своемъ стилѣ и духѣ по поводу отдѣльныхъ положеній моего изложенія, въ частности пользуется еще разъ выдуманнымъ имъ и приписаннымъ мнѣ примѣромъ телятины, а потомъ заявляетъ: «У него положительное право есть рядъ отдѣльныхъ переживаній (эмоцій или импульсій), испытываемыхъ людьми по поводу встрѣтившихся имъ какихъ либо правовыхъ явленій (нормативныхъ фактовъ)». (Стр. 50). Объяснять, что это сочетаніе нелѣпостей ничего не имѣетъ общаго съ подлиннымъ моимъ ученіемъ о позитивномъ правѣ, въ частности съ моимъ (скрытымъ отъ читателя) опредѣленіемъ позитивнаго права, представляется лишнимъ.

Затѣмъ критикъ изображаетъ дѣло такъ, будто по моему ученію «Закономъ можно установить какое угодно право. Эта пѣснь о всемогуществѣ воли и власти законодателя въ области

человѣческой психики совсѣмъ не подходитъ къ міровоззрѣнію автора, она попала въ его теорію изъ какой-то другой оперы». (Стр. 51). Достигается этотъ полемическій эффектъ съ помощью приведенія въ кавычкахъ, въ качествѣ точной копіи моего текста на стр. 544 Теоріи, слѣдующихъ словъ: «Характерною особенностью законодательства и законнаго права по отношенію къ другимъ видамъ нормативныхъ фактовъ и позитивнаго права, въ частности по отношенію къ обычному праву, является то, что здѣсь одно лицо или извѣстная группа лицъ можетъ по своему усмотрѣнію вызывать въ психикѣ другихъ, въ частности въ психикѣ болѣе или менѣе обширныхъ народныхъ массъ, такое право на будущее время, какое ему или ей представляется съ какой либо точки зрѣнія желательнымъ, а равно устранять, отмѣнять существующее право и производить разныя другія измѣненія въ чужой правовой психикѣ и жизни. При этомъ подлежащія правовыя измѣненія... въ области законодательства могутъ быть производимы внезапно, сразу, въ избранное по усмотрѣнію время» (544).

Но это фальсифицированная копія, какъ и разныя другія сообщенія проф. Сергѣевича, съ примѣненіемъ для убѣдительности кавычекъ. А именно, сличивъ эту копію съ подлиннымъ текстомъ на стр. 544 моей книги, читатель можетъ убѣдиться, что въ подлинномъ текстѣ между словами „правовой психики и жизни“ и словами „При этомъ подлежащія правовыя измѣненія“ находится не точка, какъ это изображаетъ проф. Сергѣевичъ, а слѣдуюшія слова: „(впрочемъ, разумѣется, въ предѣлахъ своего законодательнаго авторитета и соблюденія другихъ условій успѣшнаго нормативнаго дѣйствія законодательныхъ постановленій, избѣгая рѣзкихъ противорѣчій съ интуитивнымъ правомъ и т. д.)“.

До какой степени это злоупотребленіе кавычками искажаетъ смыслъ моего ученія о законномъ правѣ, не требуетъ особыхъ объясненій. Но не лишне отмѣтить, что если бы проф. Сергѣевичъ не совершилъ констатированнаго только что литературнаго деликта, если бы у меня въ текстѣ дѣйствительно между указанными словами находилась точка, какъ

въ неправильной копіи проф. Сергѣевича, а не тѣ слова, которыя тамъ въ дѣйствительности имѣются, все таки и тогда утвержденія проф. Сергѣевича о томъ, что по моему ученію „Закономъ можно установить какое угодно право" и т. д. были бы поразительною неправдою. Дѣло въ томъ, что приведенныя, неудобныя для проф. Сергѣевича и скрытыя имъ отъ взора читателя, слова имѣютъ въ моемъ текстѣ значеніе краткаго напоминанія о томъ, что было весьма подробно изложено тамъ же на стр. 514—520. Здѣсь обстоятельно, со ссылками на разныя категоріи историческихъ фактовъ указываются и выясняются разныя категоріи причинъ частаго въ исторіи нормативнаго безсилія законовъ. Что эта часть изложенія, устраняющая всякую возможность добросовѣстнаго приписыванія мнѣ „пѣсни о всемогуществѣ воли и власти законодателя" и т. д., отлично извѣстна проф. Сергѣевичу, видно изъ того, что онъ самъ пользуется ею для совершенія, въ свою очередь, разныхъ иныхъ литературныхъ злоупотребленій. А именно, на стр. 48 и 49 своей брошюры, онъ, скрывая мои поясненія, приводимые мною историческіе факты и т. д., изображаетъ дѣло такъ, что, по моему ученію, „нормативные факты" (общее выраженіе, обнимающее, по моему ученію, между прочимъ, и законы), подобно запаху жареной телятины, однимъ могутъ понравиться, а другимъ нѣтъ, когда понравятся, будетъ положительное право, сводимое, по моему ученію, къ ряду эмоцій, испытываемыхъ людьми по поводу встрѣтившихся имъ какихъ либо правовыхъ явленій и т. д. Такимъ образомъ, критикъ извлекаетъ для себя пользу изъ той части изложенія, гдѣ я говорю о разныхъ случаяхъ и причинахъ нормативнаго безсилія законовъ, а затѣмъ съ помощью указанной фальсификаціи выставляетъ противъ меня и прямо противоположный упрекъ, говоритъ о „пѣснѣ о всемогуществѣ воли и власти законодателя"; устраиваетъ это онъ такъ, что для читателя, незнакомаго съ содержаніемъ моихъ ученій, эти манипуляціи проходятъ незамѣтно.

Далѣе, критикъ устраиваетъ, какъ обыкновенно, картину моего самоуничтоженія („Авторъ, конечно, непослѣдователенъ и самъ себя уничтожаетъ", стр. 52). Достигаетъ онъ этого

слѣдующимъ, относительно невиннымъ, способомъ. Я высказываюсь противъ сведенія права къ приказамъ и запретамъ, обычнаго права къ „общей волѣ“ народа, къ какому то приказу, исходящему отъ народа (явныя фикціи и несообразность) и т. д. Съ другой стороны, я называю обычаи предковъ и вообще нормативные факты, которыми руководствуются люди въ области позитивнаго правосознанія, позитивнаго нравственнаго сознанія, позитивной эстетики, авторитетными, указываю, что позитивное право и позитивная нравственность ссылаются на внѣшніе авторитеты (такъ сказано въ Евангеліи и т. д.), въ отличіе отъ интуитивныхъ, автономныхъ права, нравственности и т. д., гдѣ дѣло идетъ о соотвѣтственныхъ самостоятельныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ безъ ссылки на посторонніе авторитеты. И вотъ критикъ пользуется словомъ „авторитетный“ для того, чтобы доказать, что я противорѣчу самъ себѣ, когда, съ одной стороны, спорю противъ сведенія права къ приказамъ и запретамъ, съ другой стороны, называю обычаи и т. д. авторитетными, нормативными фактами. „Auctoritas, заявляетъ критикъ, въ примѣненіи къ правовымъ вопросамъ у римлянъ имѣетъ значеніе проявленія воли, приказанія: воля сената, воля народа (auctoritas senatus, populi)“. Аргументація не особенно основательная. Во первыхъ, критикъ напрасно поучаетъ о смыслѣ слова auctoritas у римлянъ, не освѣдомившись объ этомъ надлежащимъ образомъ; слово auctoritas имѣло у римлянъ, въ томъ числѣ въ источникахъ римскаго права, гораздо болѣе обширный смыслъ, не означало непремѣнно приказовъ и запретовъ. Но, затѣмъ, если бы толкованіе проф. Сергѣевича слова auctoritas было правильно, то все таки аргументъ плохой; ибо я говорю въ своей книгѣ не по латыни, а по русски, а что слово „авторитетный“ по русски не означаетъ наличности приказовъ или запретовъ это, конечно, извѣстно и проф. Сергѣевичу. На безрыбьи и ракъ рыба. За отсутствіемъ какихъ либо серьезныхъ аргументовъ противъ моихъ теорій, годными оказываются и такіе. Мало того, аргументъ представляется проф. Сергѣевичу, повидимому, очень цѣнною и дорогою находкою. Это видно, между прочимъ, изъ того,

что для того, чтобы имъ воспользоваться, надо было покривить душою, а именно скрыть то обстоятельство, что я примѣняю это выраженіе вовсе не спеціально только по отношенію къ позитивному праву, а и къ позитивной нравственности, что это выраженіе повторяется у меня въ разныхъ частяхъ книги, въ частности уже въ началѣ, при установленіи понятія позитивной этики вообще (§ 2, стр. 44), при установленіи понятій позитивной и интуитивной нравственности (§ 4, стр. 72, 73): „Такія нравственныя переживанія, которыя содержатъ въ себѣ представленія нормативныхъ фактовъ, напр., мы должны прощать обиды, потому что „такъ училъ Христосъ...“, „такъ написано въ Евангеліи“, мы будемъ называть позитивными, позитивною моралью, прочія, чуждыя ссылокъ на внѣшніе авторитеты, интуитивными, интуитивною моралью“ и проч.). Для цѣлей проф. Сергѣевича надо найти у меня выраженіе „авторитетный“ спеціально въ примѣненіи къ праву и притомъ не раньше „параграфа объ интуитивномъ правѣ“, чтобы тамъ найти „новыя черты позитивнаго права, и опять изъ другой оперы“ (51); такъ онъ и дѣлаетъ—для спасенія драгоцѣннаго аргумента, основаннаго на томъ, что римляне понимали слово auctoritas въ смыслѣ „приказанія“.

Попутно критикъ совершаетъ еще одно полемическое злоупотребленіе, дѣлая видъ, что ему нужно отстаивать противъ меня положеніе объ обязательности позитивнаго права и для тѣхъ, кому оно не нравится. Это такъ же мало основательно, какъ и отстаиваніе противъ меня положенія, что нравственность обязательна и т. п. (ср. выше, стр. 92).

Созданіемъ внѣшняго вида непослѣдовательности и самоуничтоженія съ моей стороны на основаніи толкованія слова auctoritas критикъ заканчиваетъ разборъ моего ученія о позитивномъ правѣ (въ дѣйствительности оставшагося въ таинственной неизвѣстности за предѣлами критики) и совершаетъ далѣе аналогичныя критическія манипуляціи по адресу нѣкоторыхъ моихъ положеній объ интуитивномъ правѣ.

VI.

Критикъ заявляетъ напередъ (повторивъ еще разъ сообщеніе о моемъ называніи интуитивнаго права „своимъ“), что моя „обработка интуитивнаго права“... „представляетъ одинъ непрерывный рядъ противорѣчій и ничего болѣе“ и дальше устраиваетъ съ помощью своихъ полемическихъ пріемовъ рядъ изображеній этихъ противорѣчій.

Первое противорѣчіе состоитъ въ томъ, что, съ одной стороны:

„Суть интуитивнаго права объясняется авторомъ такъ: „Оно имѣетъ индивидуальный, индивидуально-измѣнчивый характеръ, опредѣляется индивидуальными условіями и обстоятельствами жизни каждаго (476)“ (стр. 52).

Съ другой стороны, я признаю возможнымъ „говорить объ интуитивномъ правѣ данной семьи, даннаго кружка или обширнаго круга общества, современнаго культурнаго общества“ и т. д., а въ примѣчаніи на стр. 493 у меня даже говорится „о народномъ интуитивномъ правѣ“.

По этому поводу проф. Сергѣевичъ поучаетъ, что „нельзя же одно и тоже право характеризовать, какъ индивидуальное, какъ классовое и какъ народное! Надо что нибудь выбрать одно, а не исключать одно другимъ“ (стр. 53).

Разумѣется, и здѣсь рядъ литературныхъ злоупотребленій. Что касается внѣшняго вида противорѣчія, то онъ созданъ проф. Сергѣевичемъ путемъ приведенія въ кавычкахъ кусковъ текста съ исключеніемъ неудобныхъ для него частей, устраняющихъ возможность говорить о противорѣчіи. Подлежащее мѣсто моего изложенія, показывающее вмѣстѣ съ тѣмъ, что рѣчь идетъ вовсе не объ „объясненіи сути интуитивнаго права“, а объ одной изъ многихъ побочныхъ характерныхъ особенностей интуитивнаго права, находящихся въ связи съ выясненнымъ раньше (путемъ установленія укрываемаго проф. Сергѣевичемъ общаго понятія права и указанія differentia specifica) существомъ этого права, гласитъ такъ:

„Съ указаннымъ также уже въ предыдущемъ изложеніи основнымъ отличіемъ (differentia specifica) интуитивнаго права отъ позитивнаго... связаны разныя дальнѣйшія характерныя особенности интуитивнаго права по сравненію съ позитивнымъ:

1. Между тѣмъ какъ позитивное право, вслѣдствіе опредѣляемости его содержанія воспріятіями внѣшнихъ фактовъ, могущихъ быть одинаково познаваемыми и авторитетными для многихъ людей, способно доставлять соотвѣтственный однообразный шаблонъ правилъ для болѣе или менѣе значительныхъ массъ людей, несмотря на различіе ихъ характера, воспитанія и т. д., интуитивное право имѣетъ индивидуальный, индивидуально-измѣнчивый характеръ; его содержаніе (составъ соотвѣтственныхъ диспозицій) опредѣляется индивидуальными условіями и обстоятельствами жизни каждаго, его характеромъ, воспитаніемъ, образованіемъ, соціальнымъ положеніемъ, профессіональными занятіями, личными знакомствами и сношеніями и проч. и проч. Конечно, общность извѣстныхъ условій и факторовъ развитія интуитивно-правовой психики нѣсколькихъ индивидовъ (напр., дѣтей одной и той же семьи) или большихъ или меньшихъ массъ ихъ можетъ вести и ведетъ къ наличности большей или меньшей степени согласія ихъ интуитивнаго права. Поэтому можно, напр., говорить объ интуитивномъ правѣ данной семьи, даннаго кружка или обширнаго круга общества, напр., современнаго культурнаго общества, объ интуитивномъ правѣ даннаго класса общества, напр., рабочихъ, фабрикантовъ, крестьянъ, помѣщиковъ, о дѣтскомъ, женскомъ, мужскомъ интуитивномъ правѣ и проч., въ смыслѣ указанія извѣстной общности содержанія подлежащаго интуитивнаго права (или общности и вмѣстѣ съ тѣмъ отличія его отъ содержанія интуитивнаго права другихъ круговъ, другихъ классовъ, эпохъ и т. д.). Нѣкоторые вопросы интуитивно-правовой этики, сообразно большей общности условій, дѣйствующихъ въ пользу выработки опредѣленнаго ихъ рѣшенія, находятъ одинаковое рѣшеніе въ интуитивномъ правѣ большихъ круговъ или обширныхъ категорій людей, другіе получаютъ

менѣе общее рѣшеніе и т. д. Изслѣдованіе соотвѣтственныхъ общностей (и различій)—интересная проблема психологической науки о правѣ. Но принципіально интуитивное право остается индивидуальнымъ, индивидуально-разнообразнымъ по содержанію, не шаблоннымъ правомъ, и можно сказать, что, по содержанію совокупностей интуитивно-правовыхъ убѣжденій, интуитивныхъ правъ столько, сколько индивидовъ".

Упоминаемое критикомъ примѣчаніе на стр. 493 гласитъ:

„Впрочемъ, это возможно только въ извѣстныхъ предѣлахъ; такіе законы, которые бы постановляли что либо, заключающее въ себѣ рѣзкое и существенное противорѣчіе народному интуитивному праву, способны были бы вызвать скорѣе народное возмущеніе, волненіе и т. д., чѣмъ нормальный позитивно-правовой успѣхъ, чѣмъ соотвѣтственное позитивное право; тѣмъ болѣе исключено развитіе обычнаго права, съ самаго начала рѣзко противорѣчащаго господствующему въ подлежащихъ сферахъ интуитивному праву".

(Между прочимъ, хорошая иллюстрація къ приведеннымъ выше сообщеніямъ проф. Сергѣевича, основаннымъ тоже на сокращенной передачѣ текста въ кавычкахъ, о томъ, что, по моему ученію, „закономъ можно установить какое угодно право... пѣснь о всемогуществѣ воли и власти законодателя" и т. д.).

Очевидно, никакого противорѣчія у меня нѣтъ, и вполнѣ ясно, въ какомъ смыслѣ я говорю объ индивидуальномъ характерѣ интуитивнаго права и въ какомъ смыслѣ допускаю возможность говорить о массовомъ интуитивномъ правѣ.

Второе противорѣчіе состоитъ въ слѣдующемъ [1]):

---

[1]) Между указаніями перваго и второго противорѣчія въ текстѣ проф. Сергѣевича находятся еще полемическія замѣчанія, имѣющія видъ критики, въ частности повтореніе еще разъ разсмотрѣннаго выше аргумента о невозможности выведенія нормъ изъ эмоціональной психологіи (въ новой, психологически неграмотной формѣ: „Мы дошли только до моторныхъ раздраженій, которыя вызываютъ въ насъ постоянно мѣняющіяся эмоціи", „одинаково получаются бланкетные результаты, т. е. не стоящіе ни въ какомъ отношеніи съ акціонными представленіями" и т. д , ср. выше стр. 50 и сл.), затѣмъ сообщеніе, что будто бы я, сравнивая интуитивное право съ позитивнымъ не выяснилъ себѣ вопроса, о какомъ позитивномъ правѣ идетъ рѣчь, о „моемъ" („своемъ") или о „настоящемъ позитивномъ" правѣ; ибо

На стр. 478 я говорю:

„Установленное положеніе, впрочемъ, отнюдь не содержитъ въ себѣ утвержденія, что интуитивное право представляетъ непремѣнно лучшее по содержанію, болѣе совершенное, идеальное право или т. п. Напротивъ, возможно и часто бываетъ, что интуитивное право представляетъ менѣе доброкачественное право по своему содержанію по сравненію съ соотвѣтственнымъ позитивнымъ правомъ. Во первыхъ, какъ было указано выше, интуитивное право разныхъ индивидовъ разнообразно, индивидуально по своему содержанію въ зависимости отъ условій индивидуальнаго развитія; а эти условія развитія могутъ быть таковы, что получается въ результатѣ болѣе или менѣе неудовлетворительное или даже весьма злокачественное интуитивное право; между прочимъ, уже выше (стр. 95 и сл.) были приведены примѣры патологическаго развитія интуитивно-правовой психики подъ вліяніемъ неудачнаго правового воспитанія въ семьѣ. Затѣмъ, интуитивное право, вырабатываемое путемъ взаимнаго психическаго общенія въ разныхъ кругахъ и кружкахъ людей съ общими интересами, противостоящими интересамъ другихъ, имѣетъ тенденцію развиваться въ направленіи одностороняго предпочтенія подлежащихъ интересовъ въ ущербъ другимъ. Содержаніе общаго законодательства въ этомъ отношеніи обыкновенно лучше, правильнѣе, чѣмъ содержаніе множества имѣющихся въ народѣ кружковыхъ и классовыхъ интуитивныхъ правъ. Далѣе, при наличности въ народѣ отставшихъ по своей культурѣ, въ частности этической культурѣ, слоевъ по сравненію съ руководящею, направляющею законодательство и. т. д. частью общества, законодательство получаетъ въ разныхъ сферахъ болѣе просвѣщенный, болѣе

„Въ однихъ случаяхъ онъ сравниваетъ со своимъ, ибо говоритъ о позитивномъ правѣ, вызываемомъ нормативными фактами (475, 480), въ другихъ—съ настоящимъ позитивнымъ, ибо говоритъ о законахъ, а иногда и прямо употребляетъ выраженія—„существующее положительное право“ (478, 497), и т. д. Само собою разумѣется, что я, по общимъ правиламъ научнаго изложенія и научной терминологіи, говоря о „существующемъ положительномъ правѣ“ и т. д. придаю этому выраженію тотъ смыслъ, который я установилъ въ своемъ опредѣленіи; но проф. Сергѣевичъ доволенъ уже тѣмъ, что получается хоть внѣшній видъ какой то полемики, возраженія и т. д.

культурный характеръ, чѣмъ интуитивное право отставшихъ культурно элементовъ и проч. Напр., по закону даннаго государства граждане въ области правъ личнаго уваженія, правъ чести, свободы отъ тѣлесныхъ наказаній и проч. равны, по интуитивному же праву разныхъ сферъ существуетъ величайшее неравенство личныхъ правъ разныхъ членовъ общенія; напримѣръ, по интуитивному праву, господствующему въ сферахъ прислуги, положеніе барина въ области правъ личнаго достоинства и чести совсѣмъ иное, нежели прислуги, положеніе камердинера совсѣмъ иное, нежели разныхъ лицъ низшей прислуги; законъ установляетъ культурное брачное право, интуитивное же право нѣкоторыхъ слоевъ общества приписываетъ мужу право бить, истязать жену, отказываетъ послѣдней въ правѣ жаловаться на мужа, считаетъ это преступленіемъ и проч., и проч.“.

Между тѣмъ на стр. 401, какъ сообщаетъ проф. Сергѣевичъ (стр. 55), читаемъ:

„интуитивныя нормы, сообразно ассоціативной связанности подлежащихъ эмоцій съ представленіемъ извѣстныхъ релевантныхъ фактовъ, какъ таковыхъ, внѣ зависимости отъ чьихъ либо велѣній, обычаевъ, представляются, въ отличіе отъ позитивныхъ нормъ, какъ нѣчто истинное, правильное само по себѣ“.

Перепечатавъ это мѣсто, проф. Сергѣевичъ продолжаетъ:

„Ассоціативной связанности эмоцій съ представленіями извѣстнаго поведенія, какъ я имѣлъ уже случай указывать во многихъ мѣстахъ, нѣтъ. Эти представленія бланкетныя. Стало быть, о вызываніи желательныхъ, истинныхъ нормъ въ психологической теоріи не можетъ быть рѣчи. Откуда же взялись истинныя, правильныя сами по себѣ нормы интуитивнаго права? Но допустимъ, что нормы интуитивнаго права истинны и правильны, — что тогда дѣлать съ утвержденіемъ автора, что нормы интуитивнаго права недоброкачественны и даже злокачественны?“

Т. е. критикъ опять повторяетъ въ психологически несообразной формѣ свой аргументъ о „бланкетности“ (относимой имъ то къ эмоціямъ, то къ представленіямъ), извле-

ченной имъ изъ факта, что лжецы все таки лгутъ, несмотря на мою норму о постыдности лжи, и констатируетъ у меня явное противорѣчіе: интуитивныя нормы оказываются то истинными и правильными по своей природѣ, то недоброкачественными и т. д.

И этотъ эффектный ударъ наносится путемъ перепечатки одной части текста съ сокрытіемъ другихъ, разоблачающихъ природу полемическаго пріема, а именно сообщающихъ, что рѣчь идетъ не о моемъ мнѣніи, а о психологически естественномъ, но **наивномъ** воззрѣніи, о томъ, какъ дѣло представляется съ проекціонной, наивно-проекціонной точки зрѣнія. Подлежащее мѣсто моего текста гласитъ:

„Съ этимъ далѣе связаны соотвѣтственныя различія между позитивно-правовыми и интуитивно-правовыми проекціями.

Между тѣмъ какъ позитивныя нормы представляются съ наивно-проекціонной точки зрѣнія нѣкоторыми высшими законами, существующими и царствующими надъ данною территоріею, въ теченіе извѣстнаго времени и т. д., интуитивно-правовыя нормы представляются высшими законами, существующими и господствующими вездѣ, всегда, по отношенію ко всѣмъ и т. д., поскольку субъектныя представленія или представленія релевантныхъ фактовъ, входящія въ составъ этихъ переживаній, не вносятъ соотвѣтственныхъ ограниченій. Обязанности и права въ области позитивнаго права представляются временными, мѣстными и т. д., въ области интуитивнаго права всеобщими, всегда и вездѣ сущими и т. д. (ср. выше стр. 41 и сл. и ниже о соотвѣтственныхъ представленіяхъ школы естественнаго права).

Далѣе, интуитивныя нормы, сообразно ассоціативной связанности подлежащихъ эмоцій съ представленіемъ извѣстнаго поведенія, какъ таковаго, или съ представленіями извѣстныхъ релевантныхъ фактовъ, какъ таковыхъ, внѣ зависимости отъ чьихъ либо велѣній, мѣстныхъ и временныхъ человѣческихъ обычаевъ и т. д., представляются, въ отличіе отъ позитивныхъ, имѣющихъ условное значеніе, нормъ, какъ нѣчто истинное, правильное само по себѣ. Отсюда въ области наивно-проекціонной психики высшій ореолъ, высшій рангъ

интуитивно-правовыхъ нормъ, значеніе ихъ какъ высшаго масштаба и критерія для оцѣнки позитивныхъ нормъ, для порицанія ихъ въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ содержанія содержанію интуитивныхъ нормъ и т. д.“.

Какъ видно изъ этого текста, во главѣ двухъ тезисовъ его поставлено сообщеніе, что рѣчь идетъ дальше о „проекціяхъ“, что́, для читавшаго книгу, уже равняется сообщенію о наивномъ, некритическомъ характерѣ подлежащихъ представленій, о наивныхъ „фантазмахъ“. Далѣе, ссылки въ текстѣ на предыдущее изложеніе, на стр. 41 и сл., гдѣ дается общее психологическое объясненіе подлежащихъ наивныхъ воззрѣній въ области этическихъ явленій вообще, и на послѣдующее изложеніе о соотвѣтственныхъ наивныхъ представленіяхъ школы естественнаго права, исключаютъ, въ свою очередь, возможность добросовѣстнаго приписанія подлежащей наивной вѣры мнѣ. Но и этихъ данныхъ не нужно. Ибо тотъ кусокъ текста, который проф. Сергѣевичъ перепечаталъ для приписанія мнѣ той вѣры, на наивности которой я въ разныхъ мѣстахъ настаиваю, съ обѣихъ сторонъ окруженъ выраженіями „съ наивно-проекціонной точки зрѣнія“ и „въ области наивно-проекціонной психики“, которыя сами по себѣ разоблачаютъ характеръ его полемическаго пріема.

Изъ того же, перепечатаннаго только что, текста критикъ извлекаетъ дальше еще другой, однородный тезисъ для приписанія воззрѣнія, которое я называю наивнымъ, мнѣ и уличенія меня въ противорѣчіи.

Но между этими двумя однородными возраженіями, касающимися одной и той же страницы моего текста, проф. Сергѣевичъ устраиваетъ антрактъ [1]). Послѣдній состоитъ въ томъ, что критикъ пользуется найденными имъ въ другихъ частяхъ моего изложенія выраженіями „интуитивно-правовая совѣсть“ и „неизбѣжно должны получаться разногласія между

[1]) Въ текстѣ проф. Сергѣевича названы разныя страницы, а именно при перепечатанномъ выше отрывкѣ, взятомъ съ 481 страницы моей книги, поставлено число не 481, а 401 (что затрудняетъ для читателя отысканіе подлиннаго текста и провѣрку и вызываетъ впечатлѣніе, что рѣчь идетъ о двухъ различныхъ возраженіяхъ по поводу различныхъ частей моего ученія). Слѣдуетъ думать, что это простая опечатка.

позитивно и интуитивно правовыми рѣшеніями конкретныхъ дѣлъ и житейскихъ вопросовъ, конкретныхъ казусовъ", чтобы пріурочить: къ первому выраженію еще одну варіацію на тему о бланкетности (при чемъ, такъ сказать, для разнообразія этотъ эпитетъ здѣсь приписанъ уже не представленіямъ, а эмоціямъ), ко второму выраженію длинное разсужденіе на тему о томъ, что это выраженіе можетъ подать поводъ думать, что „есть особые суды, примѣняющіе интуитивное право", что изъ моего текста видно, что рѣчь идетъ не объ этомъ, но что въ такомъ случаѣ не слѣдовало употреблять этого выраженія. Заполнивъ этимъ полемическимъ мусоромъ достаточное пространство, проф. Сергѣевичъ продолжаетъ (стр. 57):

„Вотъ еще новый признакъ интуитивнаго права. Мы уже знаемъ, что интуитивное право индивидуально, что содержаніе его опредѣляется обстоятельствами жизни каждаго, что оно измѣнчиво, какъ и эти обстоятельства. Но о томъ же интуитивномъ правѣ авторъ говоритъ: „интуитивно правовыя нормы представляются высшими законами, существующими и господствующими вездѣ, всегда, по отношенію ко всѣмъ и т. д." (481).

Читая изслѣдованія почтеннаго автора, мнѣ казалось, что я нахожусь въ дивномъ миѳическомъ зданіи, воздвигнутомъ знаменитымъ художникомъ Дедаломъ, который еще за много лѣтъ до троянской войны умѣлъ уже летать на крыльяхъ, какъ птица, о чемъ наши техники только еще мечтаютъ. Но я давно прочиталъ и „Введеніе" и „Теорію", а все еще не знаю, вышелъ я изъ этого лабиринта или все еще тамъ".

Какъ видно изъ перепечатаннаго выше (стр. 116) полнаго моего текста, проф. Сергѣевичъ возвращается, послѣ антракта, къ тому мѣсту моего изложенія, гдѣ говорится о наивныхъ воззрѣніяхъ съ проекціонной точки зрѣнія, обрѣзываетъ соотвѣтственный тезисъ съ обѣихъ сторонъ, а именно устраняетъ начальныя слова тезиса съ неудобными для него словами „съ наивно-проекціонной точки зрѣнія" и послѣднія слова тезиса, содержащія ограниченія „поскольку

субъектныя представленія...“ и т. д., сообщаетъ средину моего положенія для приписанія мнѣ той наивной вѣры, которую я въ самомъ этомъ тезисѣ называю наивною, сопоставляетъ эту вѣру съ инымъ, дѣйствительно моимъ, мнѣніемъ противоположнаго содержанія, получаетъ такимъ образомъ нужное ему противорѣчіе и приходитъ отъ этого въ такое удивленіе, что у него дѣлается головокруженіе и онъ самъ не знаетъ, гдѣ онъ находится. Оригинальный писатель въ своемъ родѣ.

Затѣмъ, критикъ приводитъ въ искаженномъ путемъ пропусковъ видѣ мои замѣчанія о вліяніи позитивнаго права на интуитивное, чтобы внушить читателю мысль о наличности еще какого то противорѣчія и еще разъ воспользоваться случаемъ уязвить меня по поводу моей (мнимой) вѣры въ вѣчность и т. д. интуитивнаго права.

У меня на стр. 492 и сл. подробно обсуждается вліяніе интуитивнаго права на позитивное, выясняется и доказывается, что образованіе позитивнаго права, законнаго, обычнаго и т. д. существенно опредѣляется и направляется интуитивнымъ правосознаніемъ, что, въ случаѣ появленія (неизбѣжнаго съ теченіемъ времени) несогласія по содержанію интуитивнаго и позитивнаго права, первое оказываетъ давленіе въ направленіи соотвѣтственной реформы позитивнаго права, мирной реформы или соціальной революціи и т. д., съ этой точки зрѣнія критикуется традиціонная теорія революцій и выставляется иная теорія и т. д. Затѣмъ я говорю (стр. 496):

„На ряду съ вліяніемъ интуитивнаго права на развитіе позитивнаго имѣется еще и процессъ обратнаго взаимодѣйствія,—вліяніе позитивнаго права на развитіе интуитивнаго. Интуитивное право индивида развивается въ дѣтствѣ, въ семьѣ, въ школѣ и дальнѣйшей жизни въ значительной степени подъ вліяніемъ не только интуитивно-правовыхъ воззрѣній окружающихъ и соотвѣтственныхъ внушеній со стороны родителей и т. д., но также и подъ дѣйствіемъ внушеній, исходящихъ отъ позитивнаго права, отъ соотвѣтственныхъ правовыхъ обычаевъ и законовъ и вообще отъ суще-

ствующаго позитивно-правового соціальнаго строя, особенно если данное позитивное право пользуется въ данной соціальной средѣ уваженіемъ и не подвергается сомнѣніямъ и критикѣ."

Затѣмъ я поясняю, что позитивное право вліяетъ и на формированіе интуитивнаго права взрослыхъ людей, особенно ученыхъ юристовъ, судей, адвокатовъ, которые постоянно имѣютъ дѣло съ извѣстнымъ позитивнымъ правомъ. „Въ болѣе слабой и менѣе замѣтной степени такъ же дѣйствуетъ позитивное право на интуитивно-правовую психику и всѣхъ прочихъ членовъ общежитія.

Сообразно съ этимъ разумное и дѣльное позитивное право является для народа, независимо отъ непосредственной своей цѣнности, драгоцѣнною школою интуитивной императивно-аттрибутивной этики (отчасти и чисто императивной: ибо между нравственностью и правомъ существуютъ аналогичныя взаимодѣйствія). Напротивъ, неразумное, злокачественное позитивное право, напримѣръ, право, допускающее и поощряющее злостное поведеніе, третированіе, преслѣдованіе и т. д. по отношенію къ извѣстной части народонаселенія, по религіи, расѣ, національности или т. п., является источникомъ отравленія и порчи народной интуитивной правовой (и нравственной) этики. Отстающее по содержанію, недостаточно прогрессивное позитивное право задерживаетъ въ извѣстной степени, пока оно само еще пользуется достаточнымъ авторитетомъ и уваженіемъ, и развитіе интуитивнаго права. Передовое позитивное право, въ частности законодательное или иное позитивное право, опережающее развитіе интуитивнаго права извѣстныхъ элементовъ общества, напримѣръ, менѣе культурныхъ слоевъ народонаселенія, ускоряетъ развитіе соотвѣтственнаго интуитивнаго права.

Степень способности позитивнаго права модифицировать интуитивное право сообразно собственному своему содержанію зависитъ въ сильной степени отъ качествъ этого содержанія, отъ его соотвѣтствія потребностямъ соціальной жизни, тенденціямъ ея развитія и т. д."

Проф. Сергѣевичу нужно, повидимому, для конструиро-

ванія какого то противорѣчія въ моемъ ученіи и для другихъ полемическихъ цѣлей (ср. ниже о справедливости) изобразить дѣло такъ, что по этой части моего изложенія интуитивное право всецѣло опредѣляется внушеніемъ со стороны законовъ и т. д., и что позитивное право вытѣсняетъ позитивное и можетъ совсѣмъ вытѣснить интуитивное право и стать на его мѣсто (ср. ниже, стр. 59 брошюры).

Онъ оставляетъ въ сторонѣ мое изложеніе о роли интуитивнаго права, какъ могучаго фактора развитія позитивнаго права, изображаетъ дѣло такъ, какъ будто я послѣ сравнительной характеристики интуитивнаго и позитивнаго права непосредственно перехожу къ указанію на вліяніе позитивнаго права на развитіе интуитивнаго, какъ къ какому то выводу изъ предыдущаго („Рядъ приводимыхъ сравненій заключается такимъ выводомъ"), и перепечатываетъ въ кавычкахъ отрывки соотвѣтственныхъ положеній съ такими пропусками, что получается видъ рѣшительной зависимости интуитивнаго права отъ позитивнаго. Такъ, положеніе начинающееся у меня словами: „Интуитивное право индивида развивается въ дѣтствѣ"... онъ перепечатываетъ съ пропускомъ всѣхъ ограничительныхъ словъ, начиная отъ „въ дѣтствѣ" и кончая словами „но также и", такъ что получается тезисъ, что „интуитивное право индивида развивается... подъ дѣйствіемъ внушеній, исходящихъ отъ существующаго позитивнаго права" и т. д. Изъ моихъ замѣчаній о взрослыхъ онъ перепечатываетъ слова, указывающія на сильное и рѣшительное вліяніе интуитивнаго права на психику профессіональныхъ юристовъ, а слова „Въ болѣе слабой и менѣе замѣтной степени такъ же дѣйствуетъ позитивное право на интуитивно-правовую психику и всѣхъ прочихъ членовъ общежитія" онъ пропускаетъ, дѣлая этотъ пропускъ незамѣтнымъ, перепечатывая яко бы мои слова безъ пропуска. Перепечатавъ слова о роли позитивнаго права, какъ драгоцѣнной школы, яко бы слѣдующія у меня непосредственно за словами о профессіональныхъ юристахъ, онъ заканчиваетъ словами „драгоцѣнною школою" и отбрасываетъ остальной текстъ, въ частности тезисъ о „неразумномъ, злокачественномъ позитивномъ правѣ".

Это искаженное сообщеніе моихъ положеній сопровождается слѣдующими коментаріями, заканчивающими раздѣлъ объ интуитивномъ правѣ (57):

„Это опять все изъ другой оперы, здѣсь и нормативныхъ фактовъ не нужно, и о моторахъ и эмоціяхъ нѣтъ рѣчи, здѣсь дѣйствуетъ новая сила, о которой прежде рѣчи не было, сила внушенія; подъ этимъ, думаю, могутъ подписаться всѣ профессора традиціонной школы и принести свои сердечныя поздравленія автору по поводу благополучнаго возвращенія его въ ихъ среду.

Позитивное право вытѣсняетъ интуитивное.—Прекрасно. Но вѣдь интуитивное право высшее, вездѣсущее и вѣчное, а позитивное—низшее, мѣстное и временное; хорошо ли, что оно побѣждаетъ?“

Впрочемъ, этотъ комментарій, даже въ случаѣ предположенія правильности передачи моихъ тезисовъ, все таки былъ бы неправильнымъ и безсильнымъ доказать наличность противорѣчія («изъ другой оперы») и возвращенія къ традиціоннымъ учніямъ. По традиціонному ученію, какъ извѣстно, рѣчь идетъ не о борьбѣ позитивнаго права и интуитивнаго и побѣдѣ перваго, а о единственномъ существованіи позитивнаго права. Положенія критика: «здѣсь и нормативныхъ фактовъ не нужно, и о моторахъ и эмоціяхъ нѣтъ рѣчи» явно неправильны (и лишены разумнаго смысла), ибо, конечно, разъ имѣется позитивное право, то предполагается наличность нормативныхъ фактовъ, законовъ и т. д. «Новая сила», «сила внушенія» есть, конечно, не какая то «новая сила», замѣняющая представленія нормативныхъ фактовъ, правовыя эмоціи и т. д., а явленіе психической ассимиляціи. Вообще мы имѣемъ предъ собою только внѣшнее изображеніе какой то критики, несерьезную комедію, — за исключеніемъ дискредитирующихъ меня словъ: «Но вѣдь интуитивное право высшее, вездѣсущее и вѣчное». Но, какъ видно изъ изложеннаго выше, этотъ послѣдній тріумфальный аккордъ критики интуитивнаго права представляетъ соединеніе въ одно продуктовъ двухъ литературныхъ проступковъ, двухъ фальсифицированныхъ копій.

Послѣдній, краткій, раздѣлъ брошюры (стр. 58, 59) проф. Сергѣевича содержитъ язвительныя замѣчанія по поводу моего тезиса о томъ, что справедливость есть интуитивное право. Сообщивъ этотъ тезисъ, критикъ находитъ, что онъ совершенно ясенъ, но нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ, и въ этихъ дополненіяхъ и заключаются его полемическія замѣчанія. Въ дѣйствительности, конечно, сообщеніе проф. Сергѣевича вовсе не уясняетъ, что такое справедливость по моему ученію, по той простой причинѣ, что онъ скрылъ предъ читателемъ существо моего ученія о правѣ, въ частности мое понятіе о правѣ, слѣдовательно и содержаніе понятія «интуитивное право», слѣдовательно и содержаніе моего понятія «справедливости». Этой темнотою и пользуется проф. Сергѣевичъ для своихъ манипуляцій. На ней основывается первое полемическое замѣчаніе, состоящее въ томъ, что справедливость, стало быть, можетъ быть и злокачественною, такъ какъ таковымъ можетъ быть интуитивное право. Для читателя, незнакомаго съ моимъ ученіемъ, остающагося неизвѣстнымъ и по прочтеніи брошюры проф. Сергѣевича, яко бы реферирующей это ученіе, это полемическое замѣчаніе дѣйствительно можетъ произвести впечатлѣніе въ желательномъ для проф. Сергѣевича направленіи и дискредитировать мой тезисъ о природѣ справедливости. Но въ скрытыхъ проф. Сергѣевичемъ существенныхъ частяхъ моего ученія о правѣ содержится весьма обстоятельное разъясненіе и обоснованіе такихъ положеній, которыя вполнѣ лишаютъ силы указанный полемическій ударъ. Здѣсь я ограничусь только указаніемъ, что, по моему ученію о правѣ, справедливость, какъ реальный феноменъ, въ отличіе отъ содержанія наивныхъ вѣрованій въ существованіе самихъ по себѣ истинныхъ, вѣчныхъ и т. д. нормъ (какъ разъ приписанныхъ *мнѣ* проф. Сергѣевичемъ), представляетъ психическое явленіе, человѣческія мнѣнія и убѣжденія особаго рода (выясненнаго и опредѣленнаго мною въ моемъ ученіи о природѣ права); и эти человѣческія мнѣнія и убѣжденія, напр., о справедливости преслѣдованія другихъ людей за ихъ вѣру, національность и т. п., конечно, могутъ быть и «злокачественны». Это не только не странно, но само собою разумѣется.

Второе полемическое замѣчаніе проф. Сергѣевича состоитъ въ констатированіи противорѣчія въ моемъ ученіи, въ несогласіи отнесенія справедливости къ интуитивному праву «съ тѣмъ, что онъ (я) самъ утверждалъ выше. Всѣ этическія явленія распадаются у него на позитивныя и интуитивныя: право, нравственность, эстетика, даже самыя обыденныя правила общежитія, суть позитивныя и интуитивныя... Почему же авторъ отрицаетъ значеніе нормативныхъ фактовъ въ области справедливости? Это простая непослѣдовательность». Другими словами, проф. Сергѣевичъ, въ качествѣ учителя логики и послѣдовательности, требуетъ, чтобы я, констатировавъ, что право (а равно и нравственность, и эстетическія правила поведенія) распадается на позитивное, гетерономное, и интуитивное, затѣмъ и интуитивное право (справедливость) дѣлилъ на позитивное (не-интуитивное) и интуитивное.

Съ точки зрѣнія такой, блестящей по своей послѣдовательности, логики, упрекъ въ непослѣдовательности по моему адресу слишкомъ снисходителенъ и представляетъ, въ свою очередь, непослѣдовательность со стороны остроумнаго критика; ибо слѣдовало констатировать безконечный рядъ противорѣчій, непослѣдовательностей, требовать не только дѣленія интуитивнаго права (справедливости) на позитивное и интуитивное$_1$, но и дѣленія интуитивнаго$_1$ права, въ свою очередь, на позитивное и интуитивное$_2$, интуитивнаго$_2$—на позитивное и интуитивное$_3$ и т. д. до безконечности.

Третій и послѣдній упрекъ и заключеніе брошюры проф. Сергѣевича гласятъ:

„Наконецъ, хорошее позитивное право, въ традиціонномъ смыслѣ, можетъ вытѣснить интуитивное право, а слѣдовательно и справедливость, и стать на ихъ мѣсто. Въ тѣхъ счастливыхъ обществахъ, гдѣ это произойдетъ, исчезнетъ и вопросъ о справедливости, и ученые будутъ спорить только о законности, такъ какъ справедливо будетъ все законное. Этому нельзя не порадоваться: чѣмъ меньше споровъ и больше согласія, тѣмъ лучше.

Такъ къ общему удовольствію разрѣшается по новой теоріи довольно-таки мудреный вопросъ о справедливости. На-

дѣюсь, авторъ признаетъ, что я хорошо усвоилъ „эмоціонально-психологическое мышленіе“ и совершенно согласно съ началами сего мышленія дополнилъ его ученіе о справедливости“.

Какъ проф. Сергѣевичъ добылъ матеріалъ для своего послѣдняго полемическаго удара путемъ соотвѣтственно искаженной передачи моего текста, путемъ изображенія „побѣды“ позитивнаго права, по моему ученію, съ помощью соотвѣтственнаго подбора отрывковъ моего текста, видно уже изъ изложеннаго выше; но приходится еще добавить: 1) даже та неправильная передача моего изложенія, съ которой пришлось имѣть дѣло, далеко не заключаетъ въ себѣ внѣшняго вида оправданія того, что дѣлаетъ проф. Сергѣевичъ, приписывая моей теоріи положеніе о возможности вытѣсненія интуитивнаго права позитивнымъ, т. е. исчезновенія интуитивнаго права. 2) Для выставленія приведеннаго, послѣдняго, полемическаго упрека, сверхъ указанныхъ злоупотребленій, проф. Сергѣевичу пришлось совершить еще одно укрывательство. Значительную часть содержанія моего ученія объ интуитивномъ правѣ и отношеніи его къ позитивному составляетъ выясненіе разныхъ причинъ и основаній неизбѣжности постояннаго существованія разногласій и конфликтовъ между двумя параллельно развивающимися видами права, позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ.

На стр. 488 и сл. у меня говорится:

„2. Съ другой стороны, между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ не только могутъ существовать (въ указанныхъ предѣлахъ) и существуютъ разныя частныя разногласія, но они даже по природѣ вещей неизбѣжны. Такъ что такого позитивнаго права, которое бы во всѣхъ частяхъ и элементахъ своего содержанія было согласно съ параллельно существующимъ интуитивнымъ правомъ ни у какого народа нѣтъ и не можетъ быть.

Основанія этого положенія, указывающія вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ разныхъ категорій неизбѣжныхъ разногласій, состоятъ въ слѣдующемъ“ и т. д.

Дальнѣйшія обстоятельныя разъясненія, конечно, еще больше разъясняютъ и подтверждаютъ фактъ прямой противоположности подлиннаго моего ученія тому, что угодно было проф. Сергѣевичу изобрѣсти и приписать мнѣ.

И въ послѣднихъ, заключительныхъ, словахъ статьи дѣло не обошлось безъ злоупотребленій. Странное съ научной точки зрѣнія выраженіе „эмоціонально-психологическое мышленіе“, приписанное мнѣ путемъ примѣненія кавычекъ, конечно, придумано самимъ проф. Сергѣевичемъ, какъ и множество другихъ выраженій и положеній, подлинность которыхъ онъ удостовѣряетъ кавычками.

Кромѣ того, приходится еще отмѣтить:

Послѣднія слова завершаютъ длинный рядъ различныхъ въ разныхъ частяхъ брошюры литературныхъ злоупотребленій, которыхъ я, въ виду embarras de richesse, для сокращенія изложенія не отмѣчалъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, и которыя направлены на введеніе читателей въ заблужденіе слѣдующаго свойства:

Проф. Сергѣевичъ изображаетъ во всей своей брошюрѣ, въ различныхъ частяхъ ея съ помощью различныхъ средствъ и пріемовъ, дѣло такъ, какъ будто онъ послѣдовательно, слѣдуя порядку моего изложенія, резюмируетъ мои ученія и подвергаетъ ихъ уничтожительной критикѣ, и въ результатѣ читателю дается резюме и критика всего моего ученія, всего существеннаго содержанія его, а не какихъ либо разрозненныхъ отрывковъ, выхваченныхъ для критики изъ разныхъ частей моихъ сочиненій. Уже это, независимо отъ неправильности сообщеній относительно содержанія разбираемыхъ частей изложенія, сильно дискредитируетъ мои сочиненія, вызывая впечатлѣніе крайней скудности ихъ содержанія. Содержаніе и результаты трехъ томовъ моихъ сочиненій сводятся къ весьма немногимъ, довольно жалкимъ въ отдѣльности тезисамъ (весьма страннаго и отчасти явно нелѣпаго свойства). Критика же, соотвѣтствующая этому резюме, производитъ на читателя (не знающаго дѣйствительнаго положенія вещей) впечатлѣніе послѣдовательнаго и эффектнаго раз-

рушенія всего ученія отъ начала до конца, такъ что камня на камнѣ не остается отъ всего ученія.

Въ дѣйствительности и въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ совершенно иначе. Подъ видомъ реферированія и критики послѣдовательныхъ частей моего изложенія и всего ученія въ цѣлости, проф. Сергѣевичъ сообщаетъ (въ искаженномъ видѣ) лишь нѣкоторые, немногіе разрозненные тезисы, представляющіеся ему подходящими для его критическихъ манипуляцій, выхваченные изъ нѣкоторыхъ, немногихъ частей моего изложенія и составляющіе въ суммѣ совершенно незначительную, микроскопическую долю содержанія моихъ книгъ, такъ что и критика проф. Сергѣевича касается лишь совершенно незначительной части содержанія моихъ книгъ; лишь нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, разрозненныхъ, для этой критики выбранныхъ положеній.

Это отчасти видно уже изъ предыдущаго изложенія. Уже для того, чтобы приписать мнѣ тѣ тезисы, которые критикъ мнѣ приписываетъ, нельзя было резюмировать, а, напротивъ, надо было тщательно скрыть огромную часть содержанія моихъ сочиненій. Для того, чтобы приписать мнѣ отрицаніе и фактическое непримѣненіе всѣхъ иныхъ пріемовъ изученія кромѣ самонаблюденія, надо было скрыть отъ читателей не только ту часть моего изложенія, которая именно посвящена изложенію этихъ другихъ методовъ, но и тѣ многочисленныя другія части изложенія, которыя явно опираются на эти другіе методы и демонстрируютъ или объясняютъ ихъ примѣненіе въ подлежащихъ спеціальныхъ областяхъ. Для того, чтобы найти въ моемъ методологическомъ ученіи въ качествѣ единственной новости его (мнимую) односторонность, надо было, кромѣ того, скрыть мое обширное, новое по содержанію, методологическое ученіе объ образованіи общихъ понятій и теорій (стр. 19—132; изъ первыхъ 18 страницъ скрыты по указанному раньше основанію стр. 14 и сл., положенія для мнимаго резюме и мнимой критики выбираются изъ стр. 8—11, т. е. трехъ страницъ изъ 132). Для того, чтобы установить и поддержать въ глазахъ читателя положеніе, что я открылъ всего четыре эмоціи, надо было скрыть всѣ тѣ

части изложенія, которыя посвящены многочисленнымъ другимъ эмоціямъ, кромѣ этихъ четырехъ. Для того, чтобы установить положеніе, что я и не могъ добыть болѣе обильныхъ результатовъ, ибо самъ признаю, что единственный допускаемый мною методъ, методъ самонаблюденія, непримѣнимъ въ области изученія громаднаго большинства эмоцій, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, немногихъ и т. д., проф. Сергѣевичу надо было скрыть тѣ части моего изложенія, которыя именно посвящены доказательству примѣнимости въ этой области этого метода, изложенію соотвѣтственныхъ правилъ и т. д. Для того, чтобы уничтожить и тѣ четыре эмоціи, которыхъ проф. Сергѣевичъ не скрылъ отъ читателя, ему необходимо было скрыть тѣ части моего изложенія, въ которыхъ я говорю о законахъ природы, какъ тенденціяхъ, а равно соотвѣтствующія общія положенія объ акціяхъ эмоцій (какъ тенденціяхъ) и спеціальныя положенія о критикуемыхъ четырехъ эмоціяхъ, напередъ устраняющія его возраженія. Для того, чтобы построить свою мнимую критику моихъ общихъ теорій права и нравственности, въ частности подставить для критики вмѣсто моего подлиннаго опредѣленія существа права, тезисъ о правахъ, говорить о ссылкѣ на Сводъ законовъ, какъ о соломинкѣ, за которую я хватаюсь, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ правильности моего понятія права и т. д., проф. Сергѣевичу пришлось скрыть содержаніе тѣхъ частей изложенія, гдѣ у меня выясняется и опредѣляется существо права и обосновывается правильность этого опредѣленія (§§ 4—17, стр. 59—308), вообще выхватить изъ моего общаго ученія о правѣ подготовительный § 3 теоріи и изъ содержанія этого § обнаружить только частицу. Что касается моего ученія о нравственности, излагаемаго на протяженіи двухъ томовъ „Теоріи права и государства въ связи съ теоріею нравственности“, то проф. Сергѣевичу пришлось соблюдать тайну относительно содержанія моего изложенія въ еще большемъ размѣрѣ, сообщивъ только отрывокъ текста на стр. 46 и отрывокъ примѣчанія на стр. 47. Точно также его критика моего ученія о позитивномъ и интуитивномъ правѣ и о справедливости (независимо отъ того укрыватель-

ства существа этихъ ученій, которое неизбѣжно связано съ укрывательствомъ существа моего общаго ученія о правѣ) основана на сохраненіи тайны относительно большей части содержанія подлежащаго моего изложенія.

Но и изъ тѣхъ частей изложенія, которыя остаются отъ такихъ укрывательствъ, необходимыхъ для искаженія того, что сообщается, проф. Сергѣевичъ, въ свою очередь, большинство обходитъ молчаніемъ въ своемъ рефератѣ и критикѣ моихъ ученій и выбираетъ изъ остальныхъ, немногихъ, частей для сообщенія не то, что по существу важно, а то, что ему представляется годнымъ объектомъ для примѣненія его полемическихъ пріемовъ. Между прочимъ, въ рефератѣ и критикѣ содержанія „Введенія“ обойдено молчаніемъ содержаніе стр. 19—209 1-го изд. (всего въ книгѣ 311 стр.), въ рефератѣ и критикѣ содержанія „Теоріи“ обойдено молчаніемъ содержаніе стр. 59—468 и стр. 567—657 (всего въ книгѣ 657 стр.); но это только наиболѣе крупные пропуски. Изъ относительно небольшихъ остатковъ, за исключеніемъ этихъ большихъ пропусковъ, въ свою очередь сообщается относительно очень немногое.

И тѣмъ не менѣе создается впечатлѣніе послѣдовательнаго реферата, безъ пропусковъ, содержанія разбираемыхъ сочиненій и соотвѣтственной критики.

Достигается этотъ эффектъ съ помощью весьма разнообразныхъ средствъ и пріемовъ.

Начинается подлежащая стратегія уже во введеніи къ критикѣ (стр. 3, 4), въ которомъ проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ соотвѣтственный обзоръ „затрогиваемыхъ авторомъ вопросовъ“ и заявляетъ, что его рефератъ содержитъ „изложеніе всѣхъ предлагаемыхъ имъ новшествъ“. Затѣмъ, по поводу отдѣльныхъ частей мнимаго резюме критикъ внушаетъ съ помощью разныхъ средствъ мысль, будто онъ сообщилъ и раскритиковалъ все существенное или все новое въ соотвѣтственныхъ моихъ ученіяхъ; напр., обойдя молчаніемъ дѣйствительное существенное и новое содержаніе моей методологіи и подставивъ вмѣсто этого для критики сочиненный имъ самимъ

тезисъ, отрицаніе всѣхъ пріемовъ изученія психическихъ явленій, кротѣ самонаблюденія, проф. Сергѣевичъ тѣмъ не менѣе даетъ понять, что то, что у меня есть новаго по методологическимъ вопросамъ, имъ сообщено и раскритиковано; сообщивъ нѣсколько разрозненныхъ тезисовъ изъ моего обширнаго психологическаго ученія, проф. Сергѣевичъ настойчиво повторяетъ: „Такова эмоціональная психологія автора“ (стр. 14), „Таково зданіе новой эмоціональной психологіи, воздвигнутое нашимъ авторомъ“ (стр. 15), и т. д. Дѣйствительная природа мнимаго реферата о содержаніи моихъ сочиненій, состоящаго въ произвольномъ комбинированіи разрозненныхъ тезисовъ и замѣчаній или частей таковыхъ, придаточныхъ предложеній и т. п., отысканныхъ критикомъ для его спеціальныхъ цѣлей въ разныхъ мѣстахъ моего текста и примѣчаній,—затушевывается различными средствами, — соотвѣтственнымъ пользованіемъ кавычками, придумываніемъ и навязываніемъ мнѣ, въ качествѣ соединительныхъ звеньевъ, разныхъ не существующихъ у меня логическихъ связей, напр., сообщеніями, для покрытія собственныхъ скачковъ въ подборѣ изъ разныхъ мѣстъ книги матеріала для полемики, о томъ, что будто я въ пользу такого то положенія привожу такой то примѣръ, доводъ и т. п., или послѣ такого то изложенія прихожу къ такому то выводу, заключаю и т. п.; не стѣсняется проф. Сергѣевичъ и просто утверждать для покрытія своихъ скачковъ, что будто у меня послѣ такой то части изложенія слѣдуетъ то то; напр., окончивъ (мнимыя) резюме и критику 3-го параграфа 1-го тома „Теоріи“, содержащаго подготовительныя замѣчанія къ слѣдующему дальше выясненію природы и опредѣленію права и нравственности и заканчивающагося у меня на стр. 59; проф. Сергѣевичъ перескакиваетъ къ предпослѣдней главѣ 2-го тома: „О видахъ и разновидностяхъ права“, къ § 35: „Дѣленіе права на интуитивное и позитивное“, начинающемуся на 468 стр., и покрываетъ этотъ громадный скачекъ, чрезъ (именно существенное) содержаніе 32-хъ §§ моего труда (изъ общаго числа 45 §§), чрезъ 409 страницъ (изъ общаго числа 656

стр.) заявленіемъ (на стр. 45): „Покончивъ съ опредѣленіемъ права и съ разграниченіемъ его отъ нравственности, авторъ переходитъ къ изученію отдѣльныхъ видовъ права и различаетъ два: интуитивное и позитивное право“. Если въ это утвержденіе, очень важное для цѣлей проф. Сергѣевича, потому что имъ достигается не только обманъ читателя относительно послѣдовательности и полноты реферата и критики, но и подтвержденіе и завершеніе другого существеннаго обмана, состоящаго въ подстановкѣ тезисовъ третьяго параграфа вмѣсто подлинныхъ моихъ опредѣленій природы права и нравственности, подставить соотвѣтственныя цифры, то оно получаетъ слѣдующій видъ: Покончивъ съ тѣмъ, о чемъ говорится въ § 3 1-го тома Теоріи (стр. 59), авторъ переходитъ къ тому, о чемъ говорится въ § 35 2-го тома (стр. 468); т. е. въ моемъ сочиненіи имѣется 32 пустыхъ параграфа, 409 бѣлыхъ страницъ, больше чистой бумаги, чѣмъ печатныхъ страницъ.

Вообще критика моихъ сочиненій, написанная проф. Сергѣевичемъ, ничего не опровергая въ моихъ ученіяхъ, оказавшихся для критика неопровержимыми и совершенно неуязвимыми не только въ основахъ, но даже и въ мелкихъ частностяхъ, сама представляетъ нѣчто совершенно исключительное въ научной жизни и ея исторіи.

Писалъ я свой подробный разборъ брошюры проф. Сергѣевича, теряя весьма дорогое для меня и ограниченное писательское время на уличенія въ литературныхъ проступкахъ вмѣсто производительнаго научнаго труда, не съ охотою и удовольствіемъ, а съ тяжелыми чувствами, вынужденный къ этому обстоятельствами.

Я держался до сихъ поръ вообще правила не отвѣчать на неосновательныя критики и полемики; стараясь возможно всесторонне напередъ продумать и взвѣсить свои положенія, аргументаціи, предупредить возможныя сомнѣнія и т. д., я уже, затѣмъ, считалъ возможнымъ не терять времени на по-

слѣдующія разъясненія того, что я уже изложилъ съ достижимою для меня ясностью и опредѣленностью, вообще на опровержение всѣхъ возраженій, вызываемыхъ въ большомъ количествѣ уже непривычностью предлагаемыхъ тезисовъ, неспособностью, особенно менѣе сильныхъ умственно, критиковъ, отрѣшиться отъ ходячихъ, заученныхъ въ молодости, потомъ окрѣпшихъ и привычныхъ имъ мнѣній, и т. д. [1]) Если бы я сталъ заниматься отвѣтами и разъясненіями по поводу всѣхъ, появляющихся въ русской и иностранной литературахъ, критикъ и возраженій противъ такихъ или иныхъ тезисовъ, содержащихся въ моихъ сочиненіяхъ, то мнѣ пришлось бы оставить или во всякомъ случаѣ существенно сократить производительную научную работу и спеціально заняться отвѣтами и разъясненіями. Насколько это было бы лишнимъ и нераціональнымъ дѣломъ, я усматриваю, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что разные высказанные мною въ моихъ первыхъ трудахъ тезисы, въ томъ числѣ идеи общаго характера, напримѣръ, относительно необходимости „возрожденія естественнаго права“, относительно политики права, относительно мотиваціонной и воспитательной функціи права, относительно необходимости соотвѣтственнаго психологическаго изученія права и т. д., казавшіеся вначалѣ критикамъ, рецезентамъ и т. д. недопустимою ересью и вызывавшія множество возраженій, съ теченіемъ времени, безъ всякой добавочной помощи и защиты съ моей стороны, вошли въ обиходъ науки; неосновательныя возраженія исчезли и стушевались сами собою, такъ что моя борьба съ ними въ свое время была бы чистою потерею времени. Я надѣюсь, что то же произойдетъ съ теченіемъ времени и съ тѣми, выставленными въ болѣе позднихъ трудахъ, тезисами, которые правильны и заслуживаютъ принятія со стороны науки (а тѣ,

[1]) Само собою разумѣется, это не исключаетъ исполненія обязанности ученаго принимать во вниманіе правильныя (убѣдительныя для него, соотвѣтствующія дѣйствительному содержанію его положеній и научно обоснованныя) возраженія и опроверженія путемъ публичнаго признанія этого, отказа отъ ошибочнаго тезиса, соотвѣтственнаго измѣненія его съ указаніемъ источника поученія и т. д.

которые представляютъ заблужденія, и не заслуживаютъ, конечно, защиты).

Какъ бы то ни было, я не реагировалъ на представлявшіяся мнѣ неосновательными, покоящимися на недоразумѣніяхъ и т. д., критики и возраженія (что, разумѣется, не означало неуваженія къ критикамъ, отчасти весьма почтеннымъ и заслуживающимъ глубочайшаго уваженія, какъ, напр., Чичеринъ, ср. выше стр. 84), хотя мнѣ, при желаніи, весьма не трудно было бы защититься.

Но абсолютное соблюденіе такого правила имѣетъ, повидимому, и свою вредную и при томъ общественно-вредную сторону, оказывая деморализующее вліяніе, создавая злокачественныя искушенія. Могутъ найтись люди, склонные и готовые пользоваться случаемъ для добыванія легкихъ литературныхъ тріумфовъ путемъ опроверженій и разрушеній, путемъ внѣшне-эффектныхъ нападеній на не защищающагося автора.

Проф. Сергѣевичъ уже раньше написалъ весьма ядовитую и по внѣшнему виду разрушительную критику на мое сочиненіе: „Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія", 1907 г.[1]). Эта критика по существу такая же, какъ и разобранная выше; но написана она значительно болѣе осторожно и сдержанно, съ соблюденіемъ все таки нѣкоторыхъ границъ и внѣшнихъ приличій; здѣсь нѣтъ мнимыхъ копій текста въ кавычкахъ и т. п. Я, несмотря на указанія съ разныхъ сторонъ на необходимость отвѣта, остался вѣренъ своему правилу и оставилъ его критику безъ отвѣта; но это, повидимому, только поощрило его къ дальнѣйшей работѣ въ томъ же духѣ и направленіи и создало такую смѣлость и увѣренность въ удачѣ и безопасности, что въ результатѣ получилось то крайне ненормальное съ этической точки зрѣнія литературное произведеніе, съ которымъ пришлось имѣть дѣло выше.

---

[1]) В. Сергѣевичъ, Реформа университетскаго преподаванія.

Убѣдившись въ такой поразительной формѣ въ этическомъ вредѣ полнаго и послѣдовательнаго воздержанія отъ отвѣтовъ на неосновательныя литературныя нападки, я счелъ себя обязаннымъ взяться за крайне тягостное и связанное съ большою потерею времени занятіе,—выясненіе природы критики проф. Сергѣевича, и этимъ хоть въ части обезвредить свое прежнее, какъ я долженъ признать, неправильное и неосторожное отношеніе къ дѣлу.

Первая часть изложеннаго разбора критики проф. Сергѣевича (стр. 1—46) была напечатана въ видѣ статьи въ Журн. Мин. Юст. 1909 г. № 9 подъ заглавіемъ: „Критика моего Введенія въ изученіе права и нравственности, написанная проф. Сергѣевичемъ". На эту статью проф. Сергѣевичъ отвѣтилъ въ статьѣ: „Мой отвѣтъ г. Петражицкому" (Ж. М. Ю. 1910. № 2, стр. 101—128). Его отвѣтъ представляетъ попытку (по обстоятельствамъ дѣла невозможнаго) оправданія его первоначальной критики. Характеръ этого отвѣта таковъ, что я, исходя изъ только что изложенныхъ соображеній, счелъ необходимымъ подвергнуть и его публичному, печатному разбору. Часть этого разбора была напечатана въ „Правѣ", 1910, №№ 32 и 33. Въ полномъ видѣ онъ появится въ ближайшемъ времени въ видѣ брошюры подъ заглавіемъ: „Объясненія проф. Сергѣевича по поводу его критики".

Замѣченныя опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
27	10	эмоціи	эмоцій
50	17	ужденія	сужденія
85	10	движеній.	движеній,
90	15	страпное	странное
121	6	позитивное и можетъ	и можетъ
128	28	теоріи	Теоріи

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПРАВОВѢДѢНІЕ".

И. К. Голубева.

ЮСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара. **Телефонъ № 33-28.**
Для телеграммъ:—**Москва Юристъ.**

При магазинѣ имѣются изданія:

іное собраніе законовъ Россійской Имперіи, Полный сводъ законовъ фиц. и неоффиц. изданія), Сводъ военныхъ и морскихъ постановленій, рники рѣшеній кассац. департ. Правит. Сената, новѣйшія изданія по ьмъ отраслямъ права и обществовѣдѣнія, лучшія теоретическія и практическія пособія, справочныя изданія и руководства.

Собственныя и другія изданія:

Арцыбушевъ, Г., фабр. инсп. Паровые котлы. Законъ о паровыхъ лахъ.—Правила объ установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ.—авила о сборѣ съ паровыхъ котловъ. Изд. 2-е. 1 р. 25 к.

Баниге, Эд. Алфавитный перечень бумагъ, актовъ и документовъ, длежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него съ приложеніемъ сона о возвышеніи окладовъ гербоваго сбора. Изд. 2-е. 75 к.

Бертгольдтъ, Г. Законы о несостоятельности торговой и неторговой, разъясненіями Правит. Сената. 2 р.

— Алфавитный указатель въ книгѣ «Законы о несостоятельности рговой и неторговой, съ разъясн. по рѣш. Правит. Сената». Изд. . 1 р.

— Сборникъ рѣшеній Гражд. Кассац. Д-та Правит. Сената по дѣлъ о несостоятельности торговой и неторговой за 1904—1908 гг. . 50 к.

— Раздѣльное жительство супруговъ. Сборникъ рѣшеній Сената. р. 50 к.

— О мировыхъ сдѣлкахъ несостоятельнаго должника съ его креторами, съ разъясн. Правит. Сената. 75 к.

— Законы о присяжныхъ попечителяхъ, назначаемыхъ по дѣламъ состоятельныхъ должниковъ, съ разъясн. Правит. Сената. 50 к.

— Безденежное отчужденіе имущества, съ разъясн. Сената. 30 к.

— Законы о духовныхъ завѣщаніяхъ, съ разъясн. Прав. Сената. уб.

Уставъ торговый. О приказчикахъ, повѣренныхъ и коммиссіонеxъ, товариществахъ: полномъ, на вѣрѣ и артельномъ. М. 900. 2 р. 50 к.

Боровскій, А. Практическое пособіе для земскихъ начальниковъ лопроизводство ихъ). Изд. 2-е. 2 р. 75 к.

Букуновскій, А. Сборникъ обязательныхъ постановленій по гор. сквѣ и Московской губерніи. 2 р.

Бутырскій, Д. Уставъ строительный, съ разъясненіями Правит. ната, циркулярами Минист. Внутр. Дѣлъ, отзывами техническо-строит. митета, строит. правилами для Ц. Польскаго и предметнымъ алфав. азателемъ. Изд. 2-е. 1908. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Васильевъ-Яковлевъ, Н. Фабричные учеты и калькуляція пряжи бумаго-льняно-и шерстопрядѣнію. Ц. 1 р. 50 к.

Виноградовъ, В. Волостное правленіе, волостной судъ и ихъ дѣлооизводство. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Вознесенскій, А., Ордынскій, С. и Домбровскій, І. Действующая част Уголовнаго Уложенія, Высочайше утвержден. 22 марта 1903 г., со всѣми измѣненіями, дополненіями и разъясненіями. 1 р.

Волковъ, Н. Общее положеніе о крестьянахъ и завѣдующихъ крестьянскими дѣлами, съ прилож. устава о наказаніяхъ, закона о выходѣ изъ общины, устава крестьян. поземельн. банка, наказа землеустроит. коммис. съ разъясн. Прав. Сената. Изд. 2-е 1910 г. Ц. 5 р. 25 к., въ переплетѣ 6 р.

— Наказъ земскимъ начальникамъ по административнымъ дѣламъ съ разъясненіями по позднѣйшимъ рѣшеніямъ Правит. Сената, циркуляр. Мин. Вн. Дѣлъ и другимъ правительствен. распоряжен. и разнымъ законоположеніямъ, съ приложеніемъ важнѣйшихъ узаконеній послѣдняго времени. Изд. 2-е М. 1909 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

— Новый законъ (18 марта 1909 г.) объ акцизѣ съ папиросныхъ гильзъ и бумаги и инструкція Министерства Финансовъ о его примѣненіи. М. 1909. 50 к.

— Сборникъ законовъ о полиціи 1910 г. Ц. 3 руб., въ переплетѣ 3 руб. 50 коп.

Герценштейнъ, М., проф. Государственное страхованіе рабочихъ 30 коп.

Дерюжинскій, К. Мѣстный судъ. М. 1910. 50 к.

Добровольскій, А. Уставъ торговый, съ разъясн. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 25 коп.

— Уставъ судопроизводства торговаго, разъясн. Ц. 2 р. 50 к.

— Администрація. Несостоятельность. Ц. 2 р.

— Уставъ о векселяхъ въ переп. Ц. 1 р. 50 к.

Евзлинъ, З. Систематическій курсъ бухгалтеріи. 75 к.

Есиповъ, В., проф. Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву. Изд. 2-е. 1 р.

— Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть общая: Преступленія и преступники. Наказаніе и наказуемые. Изд. 3-е, пересм. и дополн. согласно Уголовн. Уложен. 1903 г. и послѣд. узаконеніямъ. 2 р. 50 к.

— Уголовное право. Преступленія противъ личности и имущества. Изд. 3-е. 1 р. 50 к.

— Уголовное право. Преступленія противъ государства и общества. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.

— Указатель важнѣйшей литературы по уголовному праву. 1 р.

— Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. Его характеръ и содерж. 75 коп.

Законъ о порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго Уголовнаго Уложенія. 25 к.

Законъ о повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ. 35 к.

Законъ о продолжит. и распред. рабоч. времени на фабрикахъ и заводахъ, съ приложеніемъ инструкціи и дополнительныхъ циркуляровъ чинамъ фабричной инспекціи и объ учрежденіи старость въ промышлен. предпріятіяхъ. 50 к.

— Законы уголовные. Уложеніе о наказаніяхъ, уголовное уложеніе 1903 г. (всѣ дѣйствующ. статьи) и уставъ о наказаніяхъ сост. Новиковъ и Постоловскій. 1910 г. въ переп. 1 р. 25 к.

Игнатовъ Е. Духовныя завѣщанія дѣйствительныя и недѣйствительныя. Сборн. рѣш. гражд. Кассац. Д. М. 99. 3 р.

— Денежныя выдачи и повременные платежи по духовнымъ завѣщ. Сборн. рѣш. гражд. Кассац. д-та П. Сената. М. 99. 2.

— Родовыя и благопріобрѣтенныя имущества. Сборн. рѣш. гражд Кассац. Д-та Правит. Сената. М. 1900. 3 р.

Камрашъ, В. Феминизмъ. Объ эмансипаціи женщины. 20 к.

Карпентеръ, Эд. Тюрьмы, полиція и наказаніе. 30 к.

Кассо, Л., проф. Запродажа и задатокъ. 40 к.

— Зданія на чужой землѣ. 50 к.

— Неизвѣстность хозяина найденной вещи. 30 к.

— Русское поземельное право. 2 р. 50 к.

— Византійское право въ Бессарабіи. 75.

Краткій наказъ волостнымъ и сельскимъ начальникамъ по раскрытію преступленій и поимкѣ преступниковъ. 10 к.

Крашенинниковъ, И. Дѣлопроизвод. въ канцеляріяхъ уголовныхъ отдѣленій Окр. Суда. Справочникъ кн. для гг. кандидатовъ на судебн. должности. 40 к.

Кузьменко Д. Сборникъ распоряженій по реальнымъ училищамъ 1910 г. 5 р. 50 к.

— Сборникъ распоряженій по женскимъ гимназіямъ съ дополненіемъ. 7 р.

Де-Лавеле, Э. Парламентаризмъ и демократія. Изд. 4-е. 20 к.

Леонардъ, Н. Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ, съ разъясненіями Сената. Алфавит. указат. Изд. 3-е. 1909. 4 р.

Максимовъ, В. Внѣбрачныя дѣти. Узаконеніе и усыновленіе съ разъясненіями, циркулярами, судопроизводствомъ и образцами прошеній. 1 р.

— Судебные и другіе сроки и ихъ исчисленія, съ разъясненіями Правительствующаго Сената. 75 к.

— Артели биржевыя и трудовыя, съ разъясненіями Правительствующаго Сената. 1 р.

— Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, съ разъясн. Правит. Сената. М. 1910. 3 р. 75 к.

Мининъ и Псищевъ. Законы о вознагражденіи желѣзнодорожными предпріятіями за смерть и утрату работоспособности. Съ приложеніями: Прав. о пособ. жел.-дор. служащихъ. Полож. о пенсіон. кассахъ и др. Ц. 3 р. 50 к.

Наказъ земскимъ начальникамъ. О порядкѣ дѣйствій земскихъ начальниковъ по дѣламъ административнымъ. 30 к.

Новый уставъ о векселяхъ съ очеркомъ существенныхъ отличій отъ прежняго устава и алфавитнымъ указателемъ. 50 к.

Новые циркуляры Министра Финансовъ и разъясненія Правит. Сената о дополнительномъ промысловомъ налогѣ. 50 к.

Новыя правила о наложенныхъ платежахъ на сдаваемый къ перевозкѣ по ж. д. грузъ и о вознагражденіи за вредъ и убытки. Приложенія. 40 к.

Нюренбергъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ М. 1909. 3 руб.

— Промысловый налогъ 3 р.

— Сводъ законовъ, въ 4 книгахъ. 1910. 18 р., въ переплетѣ 23 р.

— Законы о службѣ гражданской, со всѣми измѣн. и дополн. 1910 г. Ц. 3 р.

О согласованіи нѣкоторыхъ постановленій уголовнаго законодательства съ указомъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и о введеніи въ дѣйствіе второй главы новаго Уголовн. Уложенія. 15 к.

Пальховскій, А. О правѣ представит. на судѣ. 1 р. 50 к.

Процессъ о злоупотребленіяхъ въ харьковскихъ земельномъ и торговомъ банкахъ, М. 03. 1 р. 50 к.

Процессъ А. Кара. Убійство матери и сестеръ. Второе разбират., съ полными рѣчами Ходасевича и Н. Муравьева. 50 к.

Пергаментъ, М., проф. Договорная неустойка и интересъ. 2 р. 50 к.

Положеніе о пенсіонной кассѣ служащихъ на казенныхъ жел. дор. 50 коп.

Погорѣловъ, Г. Что такое волостной писарь? (Къ съѣзду волостныхъ писарей). 30 к.

Правила о вознагражденіи потерп., вслѣдствіе несчастн. случаевъ, рабоч. и служащ., а равно членовъ ихъ семействъ (Высоч. утвержд. 2 іюня 1903 г.), съ дополненіями. 65 к.

Правила о старообрядческихъ общинахъ и ихъ духовныхъ лицахъ. Съ приложеніями. Ц. 30 к.

Плохотенко, А. Курсъ нотаріата съ образцами, формами и законопол. М. 1909. 4 р., въ переплетѣ 4 р. 50 к.

— Полная программа на должность нотаріуса. 60 к.

Ротенбергъ, Л. М. Уставъ гражданскаго судопроизводства (карм. зд.). Ц. 2 р. 50 к.

Полный каталогъ высылается безплатно.

№ 382

ДРУГІЕ ТРУДЫ АВТОРА:

Die Fruchtvertheilung beim Wechsel der Nutzungsberechtigten. Drei civilrechtliche Abhandlungen von Leo v. Petrażycki. 1892.

Die Lehre vom Einkommen. Vom Standpunkt des gemeinen Civilrechts unter Berücksichtigung des Entwurfs eines bürgerlichen Gesetzbuches für politische das Deutsche Reich. Von Leo v. Petrażycki.

I. Band. Grundbegriffe. 1893.

II. Band. Einkommensersatz. 1. Theil: Grundlegung (S. 1—120). 2. Theil: Zinsen (S. 123—333). 3. Theil: Arbeitseinkommen, Honorar, Unternehmergewinn (S. 333—433). Anhang: Entwurf (II), Civilpolitik und politische Oekonomie (S. 437—628). 1895.

Bona fides въ гражд. правѣ. Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы съ точекъ зрѣнія догмы и политики гражданскаго права. 2-ое изданіе 1903 года.—2 р. 75 к.

Акціонерная компанія. Акціонерныя злоупотребленія и роль акціонерныхъ компаній въ народномъ хозяйствѣ. По поводу предстоящей реформы акціонернаго права. Экономическое изслѣдованіе. 1898 г. (Готовится къ печати 2-е исправленное и дополненное изданіе).

Aktienwesen und Spekulation. Eine ökonomische und rechtspsychologische Untersuchung. Von L. v. Petrażycki. Aus dem Russischen ins Deutsche übertragen unter Redaktion und mit einem Vorwort des Verfassers. 1906.

Очерки философіи права. Выпускъ первый. 1900 г. (Изданіе распродано).

О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ. 1904 г. (Изданіе распродано).

Ueber die Motive des Handelns und über das Wesen der Moral und des Rechts. Von L. v. Petrażycki. Aus dem russischen ins Deutsche übertragen von P. Balson. 1907.

Введеніе въ изученіе права и нравственности. Эмоціональная психологія. (3-е изданіе 1908 г.).—2 р.

Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Т. I. 1909 г.—2 р. Т. II. 1910.—2 р. 25 к.

Университетъ и наука. Опытъ теоріи и техники университетскаго дѣла и научнаго самообразованія. Т. I. Теоретическія основы. 1907. (Изданіе распродано).—2 р. 25 к. Т. II. Практическіе выводы. Приложеніе: О высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. 1907.—2 р. 25 к.

Баронъ, Система римскаго гражданскаго права. Перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Л. Петражицкій.

Выпускъ первый: Книга I. Общая часть 1888 г. (Третье исправленное изданіе 1909 г.).—1 р. 60 к.

Выпускъ второй: Книга II. Владѣніе. Книга III. Вещныя права. 1888 г. (Третье исправленное изданіе 1908 г.).—1 р.

Выпускъ третій: Книга IV. Обязательственное право. 1888 г. (2-ое изд. 1899 г.).—1 р. 50 к.

Выпускъ четвертый: Книга V. Семейственное право. Книга VI. Наслѣдственное право. Предметный указатель. 1889 г. (Второе исправленное изданіе 1908 г.).—1 р. 50 к.

Цѣна 60 коп.

